рии все

БОЛЬШЕВИК

№ 7 № 7

АПРЕЛЯ 15

1 9 2 5

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА"

СОДЕРЖАНИЕ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 7 15 АПРЕЛЯ

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК РКП

Опечатки.

	Напечатано:	Следует читать:
Стр. 31 стр. 7 сверху:	«ственности. Определенного типа»	«ственности определенного типа»
» 43 » 4 снизу:	«мы, поддержав мелкого производителя»	«мы поддержали мелкого производителя»
» 92 » 1 сверху:	«им закон жизни»	«им: «закон жизни»
» » » 3 снизу:	«порченном»	«порченом».
» 93 » 9 сверху:	«сейчас после»	«сейчас же после»
» » » 16 »	«история тотчас»	«история, тотчас»
» » » 9 снизу:	«с благословением»	«с благоговением».
» 94 » 22 сверху:	«без него же выстроена»	«без него же встречена»
» » » 15 снизу:	«этаких традиций не переживает»	«этаких трагедий не переживает».
» 96 » 5 сверху:	Но—переходит...	«Но—переходит...
» » » 13 и 17 сн.:	(35 стрн.)	(53 стрн.)

МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
ПРАВДА

СОДЕРЖАНИЕ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 7 — 15 АПРЕЛЯ

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК РКП

1925

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ

ПРАВДА

Главлит № 36260. Москва. Тираж 50000.
Тип. „Правда“ и „Беднота“. Москва, Яузский м., Серебрянич. наб., д. 23/а.

Г. Зиновьев.

Из первых боев за ленинизм[1].

Мелко-буржуазная критика большевизма „слева“.

Долгое время (а отчасти еще и сейчас) было распространено мнение, будто теория «перманентной» революции критиковала большевизм, якобы, слева. Такое ошибочное мнение является причиной некоторых симпатий, которые часть молодежи продолжает еще дарить троцкизму. В самом деле, говорят себе эти люди, троцкизм, как ни толкуй, указывал на социалистический характер русской революции тогда, как большевизм, хотя и возглавляемый Лениным, считал еще, что революция будет буржуазно-демократической. Значит, троцкизм критиковал большевизм слева, значит, троцкисты видели дальше, были более пролетарскими революционерами, яснее отдавали себе отчет в удельном весе пролетариата.

Необходимо несколько остановиться на этой аргументации. Тот же тов. Троцкий в книге «1905 г.» писал, что большевики, исходя из голой абстракции—«демократическая, а не социалистическая диктатура», приходят к идее «буржуазно-демократического самоограничения пролетариата» [2]). Мы просим запомнить это слово «самоограничение». Главное обвинение против большевизма сводилось к тому, что-де Ленин пытается навязать пролетариату какое-то «самоограничение», а именно—буржуазно-демократическое самоограничение. В другом месте той же книги тов. Троцкий выразился так: «Политическое самоограничение пролетариата большевики предлагают дополнить об'ективной анти-социалистической гарантией в виде сотрудника мужика» [3]). В ряде других мест той же книги Троцкий говорит о классовом «аскетизме» Ленина, о том, что Ленин проповедует рабочему классу аскетизм [4]), самоограничение, призывая его не итти дальше определенных буржуазно-демократических целей. Это сказано в различных формулировках, пестро и по-разному, но смысл повсюду ясен: ты (Ленин) хочешь навязать буржуазно-демократическое самоограничение основному революционному классу—пролетариа-

---

[1]) Глава из готовящейся к печати книги: «Ленинизм, как учение о движущих силах революции».
[2]) Л. Троцкий «1905 г.». Госиздат, стр. 285.
[3]) Там же, стр. 284.
[4]) Там же, стр. 283.

ту, ты проповедуешь «постную революцию», ты проповедуешь «классовый аскетизм», ты не решаешься поставить вопрос о пролетарской революции во весь его рост. Вот она критика «слева», звучащая так горделиво и так заманчиво для тех, кто не уясняет себе ее истинный смысл!

Да, большевизм и меньшевизм долгие годы (примерно, с 1903 г. по 1907 г.) спорили о *характере* русской революции. Спор шел о том, будет ли наша русская революция буржуазною и в каком смысле буржуазной, или она будет своеобразной, переходной к социализму и в какой степени; какую роль сыграет в революции пролетариат; какую—другие классы; каково будет социальное содержание революции.

С 1907 по 1917 г.г.—целое десятилетие—большевизм спорил с меньшевизмом уже *не* по вопросу о характере, *а* по вопросу о том, *быть или не быть революции* вообще. С 1907 по 1917 г. позиция меньшевиков заключалась в том, что они были не только против диктатуры пролетариата и крестьянства в революции, но против всякой второй революции вообще. Меньшевики говорили: буржуазная революция завершилась, были 1905—1906 г.г., революция «сверху» произошла, теперь дело идет уже только о продвижении по пути реформ—по «прусскому» пути. Суть меньшевизма в те годы состояла в том, что он был *против новой революции вообще*. Большевизму пришлось в ту пору спорить с меньшевизмом уже *не* о характере революции, *а* о том, готовиться ли к революции вообще. Правда, отдельные статьи на тему о характере революции изредка еще появлялись в споре с меньшевиками, но меньшевизм в то время был уже и против буржуазной революции [1]).

---

[1]) Укажем, хотя бы, на эпизодический спор между Мартовым и Лениным в 1909 г. по вопросу о толковании резолюции о текущем моменте на декабрьской общепартийной конференции 1908 г. (ст. Мартова «За что бороться» 3-й номер «Социал-Демократа от 9/22 марта 1909 г. и ст. Ленина «Цель борьбы пролетариата в нашей революции». Ленин. Собр. соч. том XI, часть I стр. 217—234).

Мартов, ссылаясь на тот пункт резолюции, где говорится, что «целью... попрежнему является свержение царизма, завоевание политической власти пролетариатом, опирающимся на революционное крестьянство и совершающим буржуазно-демократический переворот», указывал, что передовая центрального органа во втором номере «Социал демократа» неправильно трактует это место, как «завоевание политической власти пролетариатом *и* революционным крестьянством».

Мартов подчеркивал, что коренное различие между двумя формулами уже давно с полной ясностью показал тов. Троцкий (см., напр., в его книге «Наша революция», стр. 253). «Из всего сказанного ясно, как мы смотрим на идею «диктатуры пролетариата и крестьянства». Суть не в том, считаем ли мы ее принципиально допустимой, «хотим» ли мы или «не хотим» такой формы политической кооперации. Но мы считаем ее неосуществимой, по крайней мере, в прямом и непосредственном смысле. В самом деле. Такого рода коалиция предполагает, что либо одна из существующих буржуазных партий овладевает крестьянством, либо—что крестьянство создает самостоятельную могучую партию. Ни то, ни другое, как мы старались показать, невозможно». И далее (стр. 250): «весь вопрос в том, кто даст содержание правительственной политике, *кто сплотит в ней однородное большинство*»? Одно дело, когда в рабочем, по составу своего большинства, правительстве участвуют представители демократического населения,—другое—когда в опре-

В это решающее десятилетие где были парвусисты и троцкисты? Как раз вкупе с меньшевизмом. В это время спор с Троцким о *характере* революции лишь изредка мелькал в форме полемики литературного значения. А в действительности спор шел о том, быть ли революции вообще. Спор шел об отношении к меньшевизму, который снимал всякую революцию с очереди. Этот факт, как светом бенгальского огня, озаряет все спорные проблемы.

Является ли парвусизм и троцкизм критикой *слева*? На это отвечают факты: на решающее десятилетие троцкизм *слился* с тем лагерем, который *вообще снял вторую революцию с очереди*.

Во всей тогдашней политической борьбе шпаги перекрещивались между большевиками, с одной стороны, и меньшевиками и троцкистами, с другой. Мнение *всего* антибольшевистского лагеря (троцкисты в том числе) заключалось в том, что новой революции вообще не будет, что она уже совершилась, а теперь-де надо, как все «европейские» с.-д. партии, готовиться через соответствующее количество десятилетий к «конечной цели» (в более или менее бернштейнианском понимании), т.-е. к тому «отдаленному, но счастливому времени, когда наступит царство социализма». Весь антибольшевистский лагерь смотрел на «конечную

деленном буржуазно-демократическом правительстве участвуют, в качестве более или менее почетных заложников, представители пролетариата».

Для того, чтобы пролетариат овладел властью, *опираясь* на крестьянское движение, нужны совсем иные политические предпосылки, чем для того, чтобы он овладел ею *совместно* с крестьянством. Троцкий справедливо говорит (там же, стр. 253): «пусть даже оно (крестьянство) сделает это («присоединится к режиму рабочей демократии») не с большей сознательностью, чем оно обычно присоединяется к буржуазному режиму». Для того же, чтобы крестьянство совместно с пролетариатом захватило власть *в борьбе со всеми буржуазными классами*, оно должно обладать очень значительной степенью сознательности, должно подняться до сознательного антагонизма с буржуазией в целом».

И, наконец, по Мартову, отвержение формулы «диктатуры пролетариата и крестьянства» представляет важный шаг по пути освобождения русской социал-демократической мысли из *народнического пленения*. Потратив не мало усилий на критику этой формулы, мы и впрямь можем считать, что получили от конференции нечто вроде векселя на ее *устранение из партийного обихода*. И мы надеемся, что у товарищей, принадлежащих *ко всем* течениям партийной мысли, найдется достаточно уважения к теоретической истине, чтобы они отвергли всякую попытку свести борьбу идей к спору о словах, всякую попытку прикрыть эволюцию мировоззрения крючкотворским толкованием формул».

Ленин, возражая Мартову, подошел к этому спору исторически и убедительными аргументами (анализ резолюций III с'езда, проекты резолюций перед Стокгольмским и Лондонским с'ездами) доказал, что «сами большевики *ни одного раза* не вставляли ни в свои проекты резолюций, ни в свои резолюции выражения или «формулы»: диктатура пролетариата и крестьянства. И тем не менее, *ни одному человеку* не приходило до сих пор в голову отрицать, что все большевистские проекты и резолюции 1905—07 гг. *всецело* построены на идее диктатуры пролетариата и крестьянства..., ибо «формула»—пролетариат, опирающийся на крестьянство—*остается всецело в пределах* той же самой диктатуры пролетариата и крестьянства».

Отвечая Мартову, аргументировавшему доводами Троцкого свое несогласие с формулой «диктатура пролетариата и крестьянства», тов. Ленин указывает, что основная ошибка Троцкого—игнорирование буржуазного характера революции, отсутствие ясной мысли по вопросу о переходе этой рево-

цель», как на некую «икону» (совсем «по-европейски»), которой нужно поклониться, но которая все же остается только иконой.

Кто хочет понять, является ли троцкизм и парвусизм критикой большевизма слева, тот должен отдать себе отчет в том, что в 1903—07 г.г. спор действительно шел о характере революции, а с 1907 по 1917 г. спор шел по вопросу о революции вообще, т.-е., быть или не быть второй русской революции против царизма, работать на нее или не работать. Отсюда вытекали все тогдашние тактические выводы.

Еще раз:

Основной факт, который надо запомнить: в то решающее десятилетие, когда меньшевизм спорил не о характере революции, а о самой революции,—в это время составной частью меньшевизма был парвусизм и троцкизм.

Для того, чтобы окончательно понять этот спор, нужно остановиться на следующем моменте.

Спросим себя:

Было ли время, когда заведомо мелко-буржуазное социалистическое течение, скажем, народническое, эсеровское, пыталось бы критиковать большевизм «слева»? Было ли такое время? Да! Было время, когда «Революционная Россия», центральный орган эсеров, вел ожесточенную кампанию против старой «Искры», душой которой был тов. Ленин, именно по такой линии. Эсеры, возглавляемые Черновым, критиковали тогдашний ленинизм «слева». Они выступали против «Искры» как раз по вопросу о характере русской революции. Всякому, кто знаком с литературой этого периода, известно, что и «Революционная Россия», и «Вестник русской революции», редактировавшийся тогда правым эс-эром Русановым, в годы 1902—05, строили свою платформу против «искровцев» и против Ленина в значительной мере на том, что критиковали ленинизм якобы «слева» [1]). Одну из этих программных статей мы процитируем, это крайне важно. («Из дневника читателя» «Революционная Россия», 1905 г., № 70, стр. 10). Дело идет о статье, написанной в 1905 г. после 9 января, когда революция уже стучалась в дверь. Статья без подписи, но, бесспорно, принадлежит Чернову. Он разбирает различные направления в русской социал-демократии и говорит так:

> «Для социал-демократов всех оттенков и направлений стало уже догмой, что предстоящий в России переворот будет чисто буржуазным. Они расходятся между собой только в подробностях. Одни, следуя за г. Лениным, доводят свое логическое и политическое бесстрашие до того, что готовы собственными руками строить дворец для будущего властелина—буржуазии (подчеркнуто нами.—*Г. З.*). Они готовы принять участие в будущем временном правительстве, но не для того, чтобы заставить своих компаньонов по власти дорого заплатить за помощь, какую сумеет оказать буржуазии восставший рабочий класс,—нет, они хотят своим участием только лишь упрочить политический переворот, обезопасить его от контр-революции или от реакционных поползновений самой буржуазии, испуганной грядущей новой революцией пролетариата, что же сверх того—то от лукавого. Это самоограничение (подчеркнуто

люции к революции социалистической. Из этой основной ошибки вытекают те частные ошибки, которые Мартов повторяет, приводя пару цитат с сочувствием и одобрением».

Анализируя ошибки Троцкого о невозможности «коалиции» пролетариата и крестьянства в революционном движении и об условиях допустимости участия социал-демократов в том или ином революционном правительстве, тов. Ленин особо подчеркивает, как неверное положение Троцкого, кажущееся Мартову «справедливым», о том, что «пусть даже оно (крестьянство) сделает это («присоединится к режиму рабочей демократии») не с большей сознательностью, чем оно обычно присоединяется к буржуазному режиму». Пролетариат не может ни рассчитывать на несознательность и предрассудки крестьянства, как рассчитывают на них и опираются на них владыки буржуазного режима,—ни предполагать сохранение в революционный период хотя бы обычной несознательности и пассивности крестьянства.

И, наконец, «мысль о том, что революционная диктатура пролетариата и крестьянства есть народническое пленение социал-демократов (кстати заметим, что и сейчас даже в рядах своей партии в связи с лозунгом: «лицом к деревне» мы слышим кое-от-кого этот ветхенький меньшевистский мотив—Г. З.), вызывает лишь улыбку. В народническом пленении рассуждающие так quasi марксисты должны были бы обвинить в первую голову Каутского, Маркса и Энгельса. Во всех великих буржуазных революциях решающую победу мог одержать только пролетариат (более или менее развитой) в союзе с крестьянством, и таково же условие победы буржуазной революции в России. Опыт 1905—07 гг. каждым крупным поворотом событий давал практическое подтверждение этой истины, ибо на деле все решительные выступления и «боевые» и парламентские были именно «совместными действиями» пролетариата и крестьянства.

Наша партия твердо стоит на той точке зрения, что роль пролетариата есть роль вождя в буржуазно-демократической революции, что для доведения ее до конца необходимы совместные действия пролетариата и крестьянства, что без завоевания политической власти революционными классами не может быть победы».

Об этом споре с Мартовым и превосходном ответе Ленина нам не следует забывать и поныне.

[1]) Для тех тов., которые заинтересуются этим вопросом и пожелали бы предпринять специальную работу на эту тему—а это было бы весьма полезно—мы можем рекомендовать следующий литературный материал: в «Революционной России» и в «Вестнике русской революции», за 1902—05 гг. был напечатан ряд статей — (почти все без подписи), отражающих взгляд эсеров на неизбежность социалистического характера будущей революции даже в первом фазисе переворота. Чаще всего эта мысль приводилась в аграрных теориях эсеров и вопрос рассматривался под прикрытием точки зрения «социализации земли». В таком духе написаны статьи: 1) «Крестьянское движение» (1902, № 8, стр. 3); 2) «По поводу одной годовщины» (1902, № 14, стр. 3); 3) «Социал-демократы и социалисты-революционеры» (1903, № 16, стр. 5); 4) «Основные вопросы русской революционной программы» (1903, № 32, стр. 5; № 33, стр. 7); 5) «Аграрные программы русской социал-демократии» (1903, № 38, стр. 2; 1904, № 40, стр. 9); 6) «Задачи грядущего» (1904, стр. 2, № 40); 7) «Боевой момент» (1905, № 59, стр. 4). На эту же тему написаны статьи: «К крестьянскому вопросу» («Вестник русской революции», 1903, № 3, стр. 214). «Из дневника читателя» («Революционная Россия, 1905, № 70, стр. 10, без подписи) и статья «Новые события и старые опросы» («Революционная Россия» 1905, № 74, стр. 1, без подписи).

Особенно многозначительны и ценны последние две статьи

нами.—*Г. З.*) характерно для людей, щеголяющих ежеминутной верностью социализму.

Другие социал-демократы, во главе которых стоит г. Мартынов [1]) и «Искра», более верны талмудическому принципу несмешения с «нечистыми», и участие во временном правительстве, имеющем целью уничтожить путы, наложенные на рабочий народ, рассматривают так же, как участие в министерстве буржуазного правительства, имеющем целью продолжать господство над рабочим народом. Они поэтому не останавливаются на частичном ограничении поля деятельности временного правительства, а приходят вообще к идее воздержания от участия в нем. Здесь, как видите, самооскопление максимальное».

Чернов полагает, что «корень ошибки у тех и у других заключается в одном и том же»; доказывается это следующим образом:

«Поверив без надлежащего критического рассмотрения в то положение, что грядущий переворот будет чисто буржуазным и руководясь правилом—«сумеем мы чувства тому покорить, что ум неизбежным признает», они естественно стали в крайне ложное для социалистической партии положение: осуществилось то, что предсказывал когда-то Н. К. Михайловский и за что его марксисты так упрекали в «клевете». Покойный социолог предсказывал им, что они, будучи последовательными, должны будут превратиться в невольных слуг буржуазии—конечно, не ради нее, а ради ее «положительной исторической миссии»,—но факт остается фактом. Чем же действительно можно больше услужить теперь буржуазии, как не выставлением такой политической платформы, которая во всем существенном совпадает с буржуазными программами и не заключает ни одного пункта, в корне подрывающего позиции буржуазного общества? И вот получилась самая соблазнительная близость между теми, кто считает себя хозяином сегодняшнего дня и теми, кто считает себя непримиримым противником этих хозяев. Чтобы выйти из этого двусмысленного положения, социал-демократы отводят душу и берут чисто показной внешний реванш над буржуазными либералами, прибегая то к усиленной ругани против них, то к революционной демагогии, то, наконец, к тому и другому вместе».

Приведя цитаты из некоторых номеров большевистского «Пролетария», которые должны подчеркнуть «ругань» или «демагогию», Чернов пытается дальше осветить цели «демагогии»:

[1]) Тов. Мартынов—ныне член РКП—тогда был виднейшим вождем меньшевиков.

«Эта демагогия и эта ругань, долженствующие прикрыть всю наготу фактического отодвигания социальных задач и духовное родство в постановке ближайших задач с буржуазными партиями, особенно выразительно проявились в нападках на нашу партию по поводу Парижской конференции».

По мнению автора, эсеры оказались виновными только в том, что:

«Руководясь истинным интересом всего рабочего класса, а не части его, мы сразу выставили программу, принципиально и строго отграничивающую задачу социалистов от задач буржуазии, а потому ставящую на надлежащую почву и вопрос о временном согласовании натиска на самодержавие».

Чернов полагает, что рабочие недовольны таким «кунктаторством» социал-демократии:

«Все в том согласны, что когда наступит момент нового народного восстания, они не повторят старых историй вынимания каштанов для буржуазии (может быть, только очень заядлые бернштейнианцы хотели бы ограничить задачу возможного восстания исключительно защитой чисто политической свободы)».

Статья заканчивается подчеркиванием преимуществ аграрной программы эсеров перед социал-демократической.

Вот прекрасная тема для диссертации ленинского красного профессора, или комакадемика (не того, конечно, который поверил, что он «не меньшевик, не большевик, а просто марксист») чтобы исследовать и осветить, как эсеры критиковали большевиков «слева», как партия с.-р. устами Чернова доказывала, что «господин Ленин» хочет «самоограничивать» пролетариат и «построить дворец для буржуазии»!

Слово «самоограничение»—главное обвинение, которое «обрушивают» на голову ленинцев парвусисты и троцкисты, и оно употреблено, как видите, у Чернова буквально. Обратите внимание на статью в большевистском «Невском Сборнике», издававшемся в 1905 г. под редакцией тов. Ленина. Там было употреблено выражение: «когда нас обвиняют в самоограничении, это есть «эсерство наизнанку» [1]). Это может показаться резким, но когда прочтешь Чернова, то видишь, что это совершенно правильно. В каком смысле? Эсеры говорили: крестьянство—все, а пролетариат—ничто. Троцкий и Парвус говорили: пролетариат—все, а крестьянство—ничто. И те и другие, и эсеры и Троцкий с Парвусом приходили к одному и тому же выводу п р о т и в

[1]) «Невский Сборник» выпуск I. СПБ. 1906 г. ст. Ю. Каменева «К вопросу о роли пролетариата в русской революции», стр. 45.

тов. Ленина: ты самоограничиваешь пролетариат и хочешь своими руками построить дворец для буржуазии! И прав был Михайловский,—прибавляет Чернов,—который говорил, что марксисты сами будут насаждать капитализм и строить кабаки.

Кто хочет понять спор с парвусизмом и троцкизмом, тот не должен пройти прежде всего мимо основного факта, заключающегося в том, что самая типичная мелко-буржуазная или буржуазно-демократическая партия, какую мы знаем,—эсеры—так же пытались критиковать большевизм «слева». Мы, живущие в 1924 г., хорошо уже знаем, кто такие эсеры. Эсеры—мелко-буржуазная партия, которая хотела политического переворота против царя и ожесточенно выступила против пролетариата, когда этот последний пошел дальше, против буржуазии. Мы отлично знаем, что в решающую полосу партия эсеров не только выступила против пролетариата, но и крестьянство держала за фалды: подожди учредилки, а «пока» мы посадим в тюрьму земельные комитеты и будем расстреливать солдат за нежелание наступать по указке английских империалистов. Эсеры—типичная партия мелкой буржуазии.

Более того, мы теперь знаем, кто такие «левые» эсеры. Мы знаем, что в политической идеологии часто приходится наблюдать игру китайских теней: то или иное политическое течение частенько говорит о себе совсем не то, чем оно действительно является, а то, чем оно хочет казаться. Так было и с «левыми» эсерами. Теперь-то мы их расшифровали, мы сняли вуаль с прекрасных черт и этой когда-то политической незнакомки. Несмотря на их «революционную» фразеологию, «левые» эсеры на деле оказались только радикальной разновидностью той же мелкой буржуазии, взбесившимися мелкими буржуа. А до падения царского самодержавия в 1905 г. и позже, когда все было придавлено могильной плитой царского самодержавия, когда политические расхождения не обозначались так ясно, когда классовые оттенки недостаточно еще дифференцировались,—тогда мы наблюдали странный исторический маскарад: партия мелкой буржуазии, партия эсеров обвиняла партию революционного пролетариата, партию большевиков, как раз в том, в чем повинна была она сама.

Эсеры обвиняли большевиков и «господина Ленина» в том, что он хочет, видите ли, «самоограничивать» пролетариат, в то время, когда нужно-де социалистическую революцию довести до конца. Когда же эта революция пришла, когда нужна была не игра китайских теней, а подлинная проба, испытание огнем революции, тут мы увидели партию с.-р. не такой, какой ей хотелось одно время казаться, а такой, какова она была в действительности. Все раскусили тогда эту партию мелкой буржуазии с определенной политической идеологией кулачества, партию,

стремившуюся «ограничить» не только пролетариат, но и крестьянство; партию, которая на деле стремилась только к завоеванию политической свободы для буржуазной «демократии», а от «социальных экспериментов», как она называла революцию, всеми силами удерживала массы. Кто не понимает значения этого факта, тот сам себя лишает возможности понять суть нынешних споров.

Критика „слева“ Плеханова Львом Тихомировым.

Идя дальше, вглубь времен, можно сказать, что спор Плеханова и «Группы Освобождения Труда» в первые годы ее существования с народничеством иногда шел по этой же линии. Разве Плеханов и «Группа Освобождения Труда» не видели смысла своего существования в том, чтобы доказать, что рабочий класс в России рождается, что мы—партия рабочего класса—должны пройти через политическую борьбу и т. д. А их противники, лидеры народничества, вплоть до Тихомирова, направляя шпагу против Плеханова, говорили: Вы видите—Плеханов стоит за политическую борьбу, он не хочет бороться за социализм; мы—социалисты, мы—левые, а он—правый.

Таково было разделение ролей.

Плеханов был в то время последовательным революционным марксистом. Он правильно воевал против народников. Пока дело шло о доказательстве элементарных истин, что Россия проходит через капитализм, что рабочий класс выступает на общественную арену, как самостоятельная политическая сила,—Плеханов был силен. До тех пор, пока нужно было доказывать эту азбуку против народничества (а тогда это не было азбукой, но ключом ко всей позиции), Плеханов был велик, как предтеча Ленина. Когда же через 20 лет вопрос встал уже практически, когда «азбуки» было уже недостаточно, когда пришло время вести в бой революционный пролетариат, тут Плеханов «сдал» и стал переходить на сторону меньшевиков. Если мы хотим понять что-нибудь в теперешних спорах, если мы хотим уяснить себе, действительно ли парвусизм и троцкизм был идеологией более левой, чем большевизм, мы должны вспомнить, что было время, когда постановка вопроса Троцким и Парвусом о «самоограничении» пролетариата была вполне созвучна позиции народников в борьбе с группой «Освобождения Труда» (80-е годы) и эсеров в борьбе с ленинской социал-демократией (1903—05 г.г.).

Но нас могут спросить: почему же всему народничеству понадобилось рядиться в эту тогу? Что за странный исторический маскарад? Почему мелкая буржуазия накануне первой волны буржуазно-демократической революции выступает в ярко социалистическом облачении?

Лучше всего ответить на этот вопрос следующей выдержкой из Ленина. Мы имеем в виду его труд «Аграрная программа с.-д. в первую русскую революцию». В этой замечательной книге Ленин пытается поставить диагноз народничеству и меньшевизму. Он говорит следующее:

«Ошибка всех народников состоит в том, что, ограничиваясь узким кругозором мелкого хозяина, они не видят буржуазности тех общественных отношений, в которые вступает крестьянин из оков крепостничества. Они превращают «трудовое начало» мелкобуржуазного земледелия и уравнительность, как лозунг разгрома крепостнических латифундий, в нечто абсолютное, самодовлеющее, означающее особый, не буржуазный строй.

Ошибка некоторых марксистов состоит в том, что, критикуя партию народников, они просматривают ее исторически реальное и исторически правомерное содержание в борьбе с крепостничеством. Критикуют и справедливо критикуют «трудовое начало» и «уравнительность», как отсталый, реакционный, мелкобуржуазный социализм, и забывают, что эти теории выражают передовой революционный мелкобуржуазный демократизм (подчеркнуто нами.—*Г. З.*), что эти теории служат знаменем решительной борьбы против старой, крепостнической России» [1]).

Здесь ключ к пониманию всей позиции народничества. Вы, господа народники,—говорит т. Ленин,—мелкобуржуазные «социалисты». Постольку—вы реакционны, в сравнении с революционным социализмом, с марксизмом, с большевизмом. Вы принимаете буржуазно-демократическую революцию за социализм, стремление крестьян к земле вы называете уравнительностью, социализацией, трудовым началом и т. д.

А обращаясь к меньшевистскому лагерю, Ленин говорит: Верно, что уравнительность и социализация у народников сомнительного характера. Верно, что мы имеем перед собой мелкобуржуазных социалистов. Но вы, меньшевики, будучи «марксистами» только на словах, видите лишь мелкобуржуазный социализм народников и проглядываете тот основной факт, что они выражают стремление громадной глыбы крестьянства добраться до горла помещика, добраться до земли, о которой мечтает крестьянство целыми поколениями.

Тут, повторяем, ключ ко всему ленинскому пониманию вещей. Возьмите лозунг социализации земли, о котором так много спорил с эсерами т. Ленин. Т. Ленин доказывал совершенно правильно, что социализация земли не есть социализм. Он взял

[1]) Н. Ленин. Собрание сочинений, том IX, стр. 458.

земельную программу у эсеров (вернее, у крестьян, поверивших эсерам) в октябре 1917 г. для того, чтобы лучше осуществить смычку с крестьянами, заранее зная, что жизнь внесет соответствующие поправки. Мы имеем теперь опыт социализации земли при диктатуре пролетариата, при власти рабочего класса. И все-таки это не есть еще социализм. Действительный социализм в деревне в гораздо большей мере вырастает с другой стороны: через кооперацию, через смычку крупной промышленности с деревней. Земельная революция была необходима для того, чтобы расчистить путь. Аграрная революция проведена нами при наиболее благоприятных условиях—при диктатуре пролетариата. Но представьте себе, что дело пошло бы по-эсеровски. Мы имели бы тогда буржуазно-демократическую диктатуру, мы имели бы республиканско-буржуазное правительство. Что представляла бы аграрная революция при такой обстановке? С точки зрения приближения к социализму она дала бы тогда во сто раз меньше, чем при диктатуре пролетариата, потому что тогда кулак имел бы больший удельный вес и фактически превратился бы в нового помещика. Наша земельная политика и сейчас не есть социализм, а тогда она еще меньше походила бы на него. Это большевизм видел ясно. Но в то же время он видел, что мелкобуржуазное народничество отражает (на определенной стадии развития) стремление крестьян к земле, имевшее тогда глубоко революционное значение.

На приведенных примерах мы яснее ясного видим, как складывались группировки перед революцией, как тогда еще неясно понимали, «где левая, где правая сторона», как этого не понимали ни меньшевики, ни парвусисты-троцкисты.

Они не понимали значения крестьянства. И именно поэтому они не понимали, что мелкобуржуазный социалист неизбежно должен был в 1905 г. рядиться против нас в тогу «крайне левого». Это вытекало из всего переплета политических отношений того времени. Против нас выступали тогда «ррреволюционеры», считавшие себя ужасно «левыми» социалистами, а на деле это часто были только «либералы с бомбой». Мелкобуржуазность этих «крайних» революционеров тов. Ленин видел как бы через увеличительное стекло уже в то время, когда она проявлялась еще только в зародышевом состоянии.

Отсюда вытекает и оценка террора. Часто учащаяся молодежь того времени считала, что эсеры «левее» нас, потому что они практикуют индивидуальный террор. Когда-то в Петрограде, на курсах, при выборах старост устраивали политическую дискуссию, выливавшуюся в состязание на «левизну». Выходили эс-деки и эсеры и спорили перед курсистками, кто левее. Результат этого спора решал вопрос о том, сколько старост будет иметь каждая из партий, а главное, чья партия получит большее число комнат для нелегальных собраний. Я помню, как перед курсистками

Лесгафта мы, в числе других ораторов от большевиков, выдерживали с эсерами бои на тему о том, кто левее. И, увы, курсистки часто отдавали предпочтение эсерам, программа которых выглядела «левее». Это кусок быта, который позволяет нам видеть, как складывалась в то время идеология разных групп, как многое было тогда еще неясно, и как своеобразно это преломлялось в особенности в головах «революционной» интеллигенции.

Итак, словами т. Ленина, мы дали в основе ответ на вопрос о том, почему мелкая буржуазия накануне буржуазно-демократической революции рядилась в тогу социалистов и чувствовала себя «левее», чем истинный вождь пролетарской революции Ленин. Это надо запомнить, чтобы понять основные споры и того времени и наших дней,—в частности, чтобы понять некоторые политические эпитеты, которые бросались около 1905 года и позже Троцким и Парвусом по адресу Ленина. Теперь сказать «господин Ленин» не повернется язык даже у вождей II Интернационала. Теперь слишком ясно, что это имя знаменует собой пролетарскую революцию, пролетарскую партию, что это символ освобождающегося пролетариата. А тогда наши противники решались называть т. Ленина «господином», тогда и Троцкий называл Ленина «перяшливым адвокатом» и обвинял тов. Ленина в политике «самоограничения пролетариата» и во многих других смертных грехах.

*
* *

Чтобы освежить в памяти, что такое мелкобуржуазный социализм по Марксу, мы попробуем поставить вопрос еще так: хорошо, накануне **р у с с к о й** буржуазно-демократической революции мы видели, как типичные мелкобуржуазные революционеры критиковали пролетарских революционеров «слева». Ну, а было ли раньше в истории революций, в истории международного движения что-либо подобное? Бывало ли когда-либо раньше, чтобы марксисты попадали в такое положение, когда мелкая буржуазия критиковала их якобы «слева»?

Бывало!

Это бывало ни больше, ни меньше, как с самими Марксом и Энгельсом.

Оговорюсь с самого начала: полной аналогии здесь нет. Это только параллель, пригодная лишь для того, чтобы яснее представить себе дело.

В 1847—48 гг. Маркс и Энгельс, подготовляя «Коммунистический Манифест», т. е. заведомую программу **п р о л е т а р с к о й** революции, вместе с тем говорили себе: однако, в Германии дело складывается так, что на время придется нам быть как бы только крайним левым крылом буржуазно-демократических революционеров. Маркс и Энгельс даже входили в такие организации, продолжая в то же время работать над «Коммунистическим Манифестом», работая над созданием союза коммунистов и тем самым исторически подготовляя первый Интернационал. Такое время— это был весьма короткий, мимолетный исторический эпизод—переживали Маркс и Энгельс.

Почему здесь нет полной аналогии с положением Ленина в эпоху 1903—05 гг.? Потому, что слишком различна обстановка. Ленин в России в 1903—05 гг. опирался уже на могучий российский пролетариат, имел за спиною опыт «Парижской Коммуны», Первого Интернационала, знал «Капитал» Маркса, видел начало империалистической эпохи. Понятно, что в 1847—48 гг. почти все было иначе. Рабочий класс в Германии был еще крайне слаб, общественные отношения не были дифференцированы, международное рабочее движение было только в зародыше. Обстановка была другая. Но есть и черты некоторого сходства. Оно заключается в том, что в 1847—48 гг. перед Марксом и Энгельсом стояла во многом та же задача, правда, не в таком громадном масштабе, как перед Лениным в начале XX столетия. Маркс и Энгельс разрешали задачу так: мы войдем на короткое время, как крайнее левое крыло, в буржуазно-демократическую революционную организацию и в то же время мы будем готовить первые ячейки **п р о л е т а р с к о й** партии и формулировать программу **п р о л е т а р с к о й** революции. Все это длилось очень недолго. Уже в 1850 г. мы видим другое положение. К этому времени относится известное обращение Маркса к союзу коммунистов, то самое знаменитое обращение, в котором он, между прочим, говорит о «непрерывной» революции [1]). Но был короткий миг, когда Маркс и Энгельс считали необходимым не только поддерживать, как в свое время В. И., но и прямо войти в организации демократической буржуазии, как ее крайнее левое крыло.

В. И. говорил в начале 900 годов, что нужно «подталкивать» русскую либеральную буржуазию влево. Петрункевич, Родичев и прочие представители либерального дворянства хотят выступить против царя, но они—«бедные, им негде напечатать нелегальной листовки», а мы, рабочая партия—богаты, мы возьмем и напечатаем их листовки, мы поможем им, ибо это нужно для

---

[1]) В то время, как демократические мелкие буржуа хотят с проведением возможно большего числа вышеуказанных требований наиболее быстро закончить революцию, наши интересы и наша задача заключается в том, чтобы **с д е л а т ь р е в о л ю ц и ю н е п р е р ы в н о й** до тех пор, пока все более или менее имущие классы не будут устранены от господства, пока пролетариат не завоюет государственной власти, пока ассоциации пролетариев, не только в одной стране, но и во всех господствующих странах мира не разовьются настолько, что конкуренция между пролетариями этих стран прекратится, и пока по крайней мере решающие производительные силы не будут сконцентрированы в руках пролетариев. Для нас дело идет не об изменении частной собственности, а об ее уничтожении, не о затушевывании классовых противоречий, а об уничтожении классов, не об улучшении существующего общества, а об основании нового общества (стр. 501 из «Обращен. Цент. К-та к Союзу». 1850 г. К. Маркс и Ф. Энгельс «Исторические работы». ГИЗ).

дела рабочих. Так приходилось действовать т. Ленину. Маркс и Энгельс действовали в другой обстановке в том же направлении. Они не могли обещать германским «Петрункевичам и Родичевым» напечатать их листовки, ибо рабочей партии в Германии еще не было, но Маркс и Энгельс входили в организацию демократической буржуазии, в ее боевые отряды (напр., Энгельс). Энгельс шел простым солдатом, Вильгельм Либкнехт шел простым добровольцем, под лозунгом: «умереть за Республику». И в то же время Маркс и Энгельс уже вынашивали «Коммунистический Манифест», вынашивали идею международной организации пролетариата.

Есть ли в этом примере хоть кое-что, напоминающее позицию пролетарских революционеров в России в 1905 г. и позже?

Да, есть.

Повторяем, только кое-что. Нельзя до конца доводить эту аналогию. Но кое-что в этом примере дает нам возможность легче понять положение Ленина накануне первой русской революции и уяснить себе, почему же это вокруг Ленина тогда увивались такие маски, как Чернов, и кричали, что Ленин «самоограничивает пролетариат».

Загляните в «Коммунистический Манифест», перелистайте те места, где Маркс и Энгельс говорят о мелко-буржуазном мещанском социализме. Разве не видим мы, как мелкобуржуазные социалисты «критикуют» таких гигантов, как Маркс и Энгельс, «слева», уверяя, будто Маркс и Энгельс не настоящие, не «истинные» социалисты.

Маркс брал Францию, как образец страны, где крестьянство составляет половину населения, и говорил:

> «В таких странах, как Франция, где крестьянство составляет гораздо более половины всего населения, естественно, что писатели, выступившие в защиту пролетариата против буржуазии, прикладывали к буржуазному режиму мелкобуржуазную и мелко-крестьянскую мерку и защищали дело рабочих с мелкобуржуазной точки зрения [1]). Так возник мелкобуржуазный социализм. Сисмонди стоит во главе этого рода литературы не только во Франции, но также и в Англии...
>
> ...По своему положительному содержанию этот социализм стремится или восстановить старые средства производства и сношения, а вместе с ними и старые имущественные отношения и старое общество; или же он старается насильно удержать новейшие средства производства и сношения в рамках старых имущественных отношений, которые они уже разбили

[1]) Тем более это «естественно» для такой страны, как дореволюционная Россия.—Г. З.

> и необходимо должны были разбить. В обоих случаях он является одновременно реакционным и утопическим...
>
> Сотканный из умозрительной паутины, расшитый причудливыми цветами краснословия, смоченный слезами чувствительного умиления покров, в который немецкие социалисты облекали свои две-три костлявые «вечные» истины, только содействовал сбыту их товаров среди этой публики. (Как эта характеристика исчерпывающе рисует нашего Чернова. *Г. З.*).
>
> С своей стороны немецкий социализм все более сознавал, что его призвание—быть высокопарным защитником этого мещанства...
>
> ...Он сделал лишь последний вывод, когда он выступил непосредственно против «грубо-разрушительного» направления коммунизма и провозгласил, что в своем партийном беспристрастии он витает выше всякой борьбы классов. За весьма немногими исключениями, все циркулирующие в Германии, так называемые, социалистические и коммунистические писания принадлежат к этой грязной расслабляющей литературе [1]).

Итак, еще раз: когда Маркс и Энгельс писали «Коммунистический Манифест»—этот основной документ международного пролетарского социализма,—они в это же время считали возможным входить, как крайнее левое крыло, в организацию революционно-демократической буржуазии. И в это же время они литературно отбивались от немецких Черновых, от мелкобуржуазных и «истинных» социалистов, которые критиковали их якобы «слева». Между тем надвигался 1848 год. Почуяв нервое дыхание революции, Маркс с Энгельсом отправились в Германию и взяли в свои руки «Новую Рейнскую Газету». История Маркса и Энгельса за 1848—1849 гг. есть история названной газеты, а история последней есть история 1848 года. В эту пору Энгельс, так же, как и Маркс, ярче, чем когда бы то ни было показал, что он не только теоретик научного социализма, но умеет соединить теорию с практикой. В мае 1849 года «Новая Рейнская Газета» была закрыта. В мае же начались попытки к восстанию в горнопромышленном районе Эльберфельда, Дюссельдорфа, Золингена и др. Энгельс поспешил на место действия, но приехал уже тогда, когда реакция восторжествовала, и был немедленно выпровожен перетрусившими бюргерами из альберфельдского комитета общественной безопасности, которые уверяли, что присутствие Энгельса сильно беспокоит буржуазию: она-де боится, как бы он не провозгласил красной республики. Скоро вспыхнуло восстание в Бадене и

[1]) К. Маркс и Ф. Энгельс. «Коммунистический манифест». С введ. и примеч. Д. Рязанова. ГИЗ. 1923 г. 3-е изд., стр. 101—104—105.

Пфальце, шедшее под флагом «имперской конституции». Энгельс поспешил туда в качестве революционного солдата от «Новой Рейнской Газеты» и поступил ад'ютантом в добровольческий отряд Виллиха. Здесь он пробыл до самого конца восстания и одним из последних перешел границу Швейцарии, когда восстание оказалось разбитым [1]). В письме к жене Маркса от 25 июня 1849 г. (оно существует и в русской печати) Энгельс писал так:

> «Но когда пруссаки пришли, я не мог отказать себе в удовольствии принять участие в войне. Виллих был единственный на что-нибудь годный офицер, и я отправился к нему и принял должность его ад'ютанта. Я участвовал в четырех сражениях, из которых два довольно значительных, особенно при Раштатте. И я нашел, что прославленное военное мужество есть самое ординарное качество человека. Свист пуль ничего особенного не представляет; в течение всего боя я, несмотря на всю встреченную трусость, не видел и десятка человек, которые в сражении держали бы себя трусливо. За то многие проявляли «храбрую глупость». Я в конце-концов остался благополучен. Думаю—это очень хорошо, что в кампании участвовал хоть один представитель «Новой Рейнской Газеты»; а то в Бадене и в Пфальце были в сборе все демократические отбросы и теперь похваляются несовершенными подвигами. Иначе опять стали бы болтать: господа из «Новой Рейнской Газеты» слишком, мол, трусливы, чтобы драться. Но из числа всех господ демократов на деле никто не дрался, кроме меня и Кинкеля. Последний поступил мушкетером в наш отряд и держался вполне хорошо: в первом же сражении, в котором он участвовал, он был ранен в голову и взят в плен» [2]).

Итак, в 1849 г. Энгельс, один из авторов «Коммунистического Манифеста», в котором, как известно, Маркс и Энгельс вовсе не «самоограничивали пролетариат»,—Энгельс идет в отряд с жалкими демократами, о которых он сам говорит, что это отбросы, идет под лозунгом «имперской конституции», под лозунгом «умереть за Республику», отнюдь не социалистическую, идет, не веря в победу демократической республики, ибо считает, что этого требуют интересы дела.

Вот как бывало в живой действительности с настоящими пролетарскими революционерами, когда перед ними стояла проблема о соотношении между революционно-демократической буржуазной революцией и пролетарской революцией, о борьбе за буржуазную свободу и—за социализм. Вот как бывало, когда

[1]) См. об этом подробнее в нашей статье «Маркс и Энгельс» в сборнике «К 25-летию смерти К. Маркса». 1908 г.

[2]) Г. Зиновьев. Собр. соч., том XVI—«Основоположники и вожди комнизма» стр. 65.

эта проблема стояла не в книге, а в жизни, когда предстояла задача свергнуть феодализм и тем расчистить дорогу для социализма. Кто знает марксистскую литературу, тот помнит, как Марксу не раз приходилось отбиваться от своих мелкобуржуазных критиков «слева», какую он вел ожесточенную борьбу с Прудоном, как приходилось ему отбиваться от пресных и скучных Грюнов с их «истинным» социализмом и т. п.

Теперь, после 75-ти лет, конечно, легко быть «умным» и видеть, куда шло действительное развитие; теперь, когда, кроме Маркса, мы имеем Ленина, который громадным факелом осветил пролетариату весь исторический путь; теперь, когда мы имеем в прошлом три русских революции, когда мы видим, что мелкобуржуазный социализм сгнил окончательно,—теперь нетрудно дать анализ всего этого. Но семьдесят пять лет тому назад эта задача была очень трудна, и нужно было обладать гениальной прозорливостью Маркса и Энгельса, чтобы с нею справиться.

Этих примеров прошлого нам не следует забывать, если мы хотим уяснить себе значение споров Ленина и большевиков с мелкобуржуазными «социалистами». Теперь каждый видит, что означала «левая» критика Чернова по адресу Ленина. Теперь каждый видит, какая цена «левой» критики по адресу Ленина, которого обвиняли в «самоограничении пролетариата».

Да, большевики до самого 1917 года считали, что революция в России будет своеобразной буржуазно-демократической революцией, которая лишь при благоприятных условиях сможет быстро перерасти в социалистическую. Да, это так. И большевики оказались правы. Их тактика была единственно пролетарской тактикой. А вся критика, исходившая будто бы «слева», несмотря на свою внешнюю «революционность», на самом деле отдавала обильную дань мелкобуржуазному мещанскому социализму. В том числе и мнимо-«левая» позиция сторонников «перманентной» революции.

И. Сталин.

К национальному вопросу в Юго-Славии.

(Речь в Югославской комиссии ИККИ).

Товарищи! Я думаю, что тов. Семич не вполне уяснил себе основную суть постановки национального вопроса у большевиков. Большевики никогда не отрывали национального вопроса от общего вопроса о революции, ни до Октября, ни после Октября. Основная суть большевистского подхода к национальному вопросу состоит в том, что большевики всегда рассматривали национальный вопрос в неразрывной связи с революционной перспективой.

Тов. Семич цитировал Ленина, говоря, что Ленин стоял за закрепление известного решения национального вопроса в конституции. Этим он, тов. Семич, очевидно хотел сказать, что Ленин будто бы считал национальный вопрос вопросом конституционным, т.-е. не вопросом революции, а вопросом реформы. Это совершенно неверно. Никогда Ленин не страдал и не мог страдать конституционными иллюзиями. Стоит просмотреть его сочинения, чтобы убедиться в этом. Если Ленин говорил о конституции, то он имел в виду не конституционный путь разрешения национального вопроса, а путь революционный, т.-е. он рассматривал конституцию, как результат победы революции. У нас в СССР тоже имеется конституция и она отражает известное разрешение национального вопроса. Однако, эта конституция пришла в свет не в результате сделки с буржуазией, а в результате победоносной революции.

Тов. Семич ссылается далее на известную брошюру Сталина по национальному вопросу, писанную в 1912 г., стараясь найти там хотя бы косвенное подтверждение своей правоты. Но ссылка эта оказалась безрезультатной, ибо он не нашел и не может найти не только цитаты, но и отдаленного намека, сколько-нибудь оправдывающего его «конституционный» подход к национальному вопросу. В подтверждение этого я мог бы напомнить тов. Семичу известное место из брошюры Сталина, где австрийский метод разрешения национального вопроса (конституционный) противопоставляется методу русских марксистов (революционному). Вот оно:

> «Австрийцы думают осуществить «свободу национальностей» путем мелких реформ, медленным шагом. Предлагая национальную автономию, как практическую меру, они вовсе не рассчитывают на коренное изменение, на демократическо-освободительное движение, которого у них не имеется в перспективе. Между тем, русские марксисты связывают вопрос о «свободе национальностей» с вероятным коренным изменением, с демократическо-освободительным движением, не имея основания рассчитывать на реформы. А это существенно меняет дело в смысле вероятной судьбы наций в России».

Кажется ясно.

И это не личная точка зрения Сталина, а общая точка зрения русских марксистов, рассматривающих и рассматривавших национальный вопрос в неразрывной связи с общим вопросом о революции.

Можно без натяжки сказать, что постановка национального вопроса в истории русского марксизма имела две стадии, первую, т.-е. до-октябрьскую, и вторую, т.-е. октябрьскую. В первой стадии национальный вопрос рассматривался, как часть общего вопроса о буржуазно-демократической революции, т.-е. как часть вопроса о диктатуре пролетариата и крестьянства. Во второй стадии, когда национальный вопрос расширился и превратился в вопрос о колониях, когда национальный вопрос из вопроса внутри-государственного превратился в вопрос мировой,—национальный вопрос рассматривался уже как часть общего вопроса о пролетарской революции, как часть вопроса о диктатуре пролетариата. И там и здесь подход был, как видите, строго революционный.

Я думаю, что всего этого тов. Семич не вполне еще уяснил себе. Отсюда его попытка низвести национальный вопрос на почву конституционную, т.-е. рассматривать его как вопрос реформы.

Из этой ошибки вытекает другая его ошибка, состоящая в том, что он не хочет рассматривать национальный вопрос как вопрос по сути дела крестьянский. Не аграрный, а крестьянский, ибо это две вещи разные. Совершенно верно, что национальный вопрос нельзя отождествлять с крестьянским, ибо кроме вопросов крестьянских, национальный вопрос включает в себя еще вопросы национальной культуры, национальной государственности и пр. Но несомненно также и то, что основу национального вопроса, его внутреннюю суть все же составляет вопрос крестьянский. Этим именно и об'ясняется, что крестьянство представляет основную армию национального движения, что без крестьянской армии не бывает и не может быть мощного национального движения. Это именно и имеют в виду, когда говорят, что национальный вопрос есть по сути дела вопрос крестьянский. Я думаю, что в нежелании тов. Семича принять эту формулу кроется недооценка внутренней мощи национального движения и непонимание глубоко народного, глубоко революционного характера национального движения. Это непонимание и эта недооценка представляют большую опасность, ибо они означают на практике недооценку внутренней потенциальной силы, кроющейся в движении, скажем, хорватов за национальную свободу, недооценку, чреватую серьезными осложнениями для всей Юго-Славской компартии.

В этом вторая ошибка тов. Семича.

Несомненно ошибочной следует считать также попытку тов. Семича трактовать национальный вопрос в Юго-Славии вне связи с международной обстановкой и с вероятными перспективами в Европе. Тов. Семич, исходя из того, что в данный момент не имеется серьезного народного движения за независимость среди

хорватов и словенцев, приходит к тому выводу, что вопрос о праве наций на отделение является академическим, во всяком случае не актуальным. Это, конечно, неверно. Если даже согласиться, что этот вопрос является в данный момент не актуальным, то он может стать вполне актуальным, если начнется война, или когда начнется война, если разыграется в Европе революция, или когда она разыграется. А что война неизбежно начнется, и что они там обязательно передерутся, в этом не может быть сомнения, если иметь в виду природу и развитие империализма.

В 1912 г., когда мы, русские марксисты, набрасывали первый проект национальной программы, мы не имели еще ни на одной окраине Российской империи серьезного движения за независимость. Однако, мы сочли необходимым включить в свою программу пункт о праве наций на самоопределение, т.-е. о праве каждой национальности на отделение и самостоятельное государственное существование. Почему? Потому, что мы исходили не только из того, что имелось тогда налицо, но и из того, что развивалось и надвигалось в общей системе международных отношений, т.-е. мы считались тогда не только с настоящим, но и с будущим. И мы знали, что если какая-нибудь национальность потребует отделения, то русские марксисты будут бороться за то, чтобы право на отделение было обеспечено за каждой такой национальностью. Тов. Семич неоднократно ссылался в своей речи на брошюру Сталина о национальном вопросе. Но вот что говорится в этой брошюре Сталина насчет самоопределения и независимости:

> «Рост империализма в Европе—не случайность. В Европе капиталу становится тесно и он рвется в чужие страны, ища новых рынков, дешевых рабочих, новых точек приложения. Но это ведет к внешним осложнениям и войне. Вполне возможно такое сочетание внутренних и внешних кон'юнктур, при котором та или иная национальность в России найдет нужным поставить и решить вопрос о своей независимости. И, конечно, не дело марксистов ставить в таких случаях преграды».

Это писалось еще в 1912 году. Вы знаете, что это положение целиком подтвердилось впоследствии, как во время войны, так и после войны, особенно после победы диктатуры пролетариата в России.

Тем с большим основанием должны быть учтены такие возможности в Европе вообще и в Юго-Славии в особенности, особенно теперь после углубления национально-революционного движения в угнетенных странах и после победы революции в России. Следует также принять во внимание то обстоятельство, что Юго-Славия является страной не вполне независимой, что она связана с известными империалистскими группировками, и что следовательно, она не может уйти от той большой игры сил, которая ведется вне Юго-Славии. И если вы строите национальную программу для Юго-Славской партии,—а речь идет в данном случае именно об этом,—то следует вспомнить, что программа должна исходить не только из того, что есть в данный момент, но и из того, что развивается и будет неизбежно иметь место в силу международных отношений. Вот почему я думаю, что вопрос о праве наций на самоопределение нужно считать вопросом актуальным, животрепещущим.

Теперь о национальной программе. Исходным пунктом национальной программы должно быть положение о советской революции в Юго-Славии, положение о том, что без свержения буржуазии и победы революции национальный вопрос не может быть разрешен сколько-нибудь удовлетворительно. Конечно, возможны исключения. Было, например, такое исключение до войны при отделении Норвегии от Швеции, о чем подробно говорит в одной из своих статей Ленин. Но это было до войны и при исключительном стечении благоприятных обстоятельств. После войны и, особенно, после победы советской революции в России, едва-ли такие случаи могут быть возможны. Во всяком случае шансов в пользу таких возможностей осталось теперь до того мало, что их можно приравнять к нулю. Но если это так, то ясно, что мы не можем строить программу на величинах с нулевым значением. Вот почему положение о революции должно быть исходным пунктом национальной программы.

Дальше. Обязательно должен быть введен в национальную программу специальный пункт о праве наций на самоопределение вплоть до государственного отделения. Я уже говорил выше, почему нельзя обойтись без такого пункта при нынешних внутренних и международных условиях.

Наконец, в программе должен быть также специальный пункт о национально-территоральной автономии для тех национальностей Юго-Славии, которые не найдут нужным отделиться от Юго-Славии. Не правы те, которые думают, что такая комбинация должна быть исключена. Это неверно. При известных условиях, в результате победы советской революции в Юго-Славии вполне возможно, что некоторые национальности не захотят выделиться аналогично тому, как это имело место у нас в России. Понятно, что для такого случая необходимо иметь в программе пункт об автономии, имея в виду преобразование Юго-Славского государства в федерацию автономных национальных государств на основе советского строя.

Итак, право на отделение для тех национальностей, которые захотят отделиться, и право на автономию для тех национальностей, которые предпочтут остаться в рамках Юго-Славского государства.

Во избежание недоразумений должен сказать, что право на отделение не следует понимать, как обязанность, повинность отделиться. Национальность может использовать это право в смысле отделения, но она может и не использовать его, и если она этого не захочет,—это ее дело, и с этим нельзя не считаться. Некоторые товарищи право на отделение превращают в обязанность, требуя, например, от хорватов отделения во что бы то ни стало. Эта позиция неверна и она должна быть отброшена. Нельзя смешивать право с обязанностью.

И. Смилга.

Сельско-хозяйственный кредит[1]).

Вопрос о дальнейших направлениях с.-х. кредита должен решаться с обязательным учетом экономической и политической обстановки современной деревни. Будучи самым мощным орудием в условиях товарно-денежного хозяйства для проведения соответствующей экономической политики в деревне, с.-х. кредит должен строиться с таким расчетом, чтобы он на ряду с обслуживанием потребностей крестьянских хозяйств в кредите содействовал переустройству современных аграрных отношений в сторону социалистических.

Говоря о с.-х. кредите мы приходим к выводу, что все остальные виды кооперативного воздействия на сельско-хозяйственную экономику, как-то: кооперирование сбыта крестьянской продукции, снабжение крестьян семенами и машинами, организация коллективных хозяйств, артелей, устройство случных пунктов и т. д., при всем их громадном значении, успешно разовьются только на базе широко поставленного мелкого кредита. Опыт кооперативного строительства в деревне говорит об этом со всей определенностью.

Рост производительных сил в деревне в условиях товарного хозяйства означает в то же время рост ее расслоения.

Начавшаяся после перехода к новой экономической политике дифференциация деревни приняла в настоящее время уже значительные размеры, и мероприятия экономической политики в деревне должны считаться с этим фактом. Этим процессам сопутствует политическое оживление деревни, которое выражается в усилении внимания крестьянского населения к советскому аппарату в деревне и к кооперативным и общественным организациям. Для марксиста в факте расслоения деревни в условиях НЭП'а ничего загадочного не заключается. Механика обмена производит это расслоение автоматически. Экономическая политика государства может влиять серьезнейшим образом на темп этих процессов, но приостановить их она не в состоянии. Не вдаваясь в анализ причин, приведших к этому, ограничимся утверждением, что кризис хлебных цен в 1923 году был одним из основных причин относительно быстрого расслоения деревни в настоящее время. Недород прошлого года будет иметь аналогичные последствия.

Несмотря на сказанное в деревне наблюдается усиленный хозяйственный под'ем. Из года в год увеличивается товарность сельского хозяйства. Растет потребность деревни в средствах производства. На этой основе оживает политическая жизнь деревни. Инспекторские обследования кредитных товариществ в один голос говорят о чрезвычайном интересе крестьян к делам товарищества. Этот повышенный интерес ярче всего сказывается при

[1]) В порядке постановки вопроса.

выборе правления, состав членов которого за последнее время резко улучшился.

Выделение в деревне зажиточных слоев, с одной стороны, и пролетаризация ее бедняцких элементов—с другой, будучи неизбежными последствиями восстановительного процесса сельского хозяйства, требуют исключительно вдумчивого и серьезного отношения к себе со стороны РКП и советской власти. Основные задачи экономической политики в деревне заключаются, во-первых, в создании условий, обеспечивающих производительное применение значительной массы избыточных рабочих рук в самой деревне и, во-вторых, в содействии росту в деревне производственных образований, ведущих работу на основах крупного хозяйства. В противном случае города могут оказаться перед фактом растущей безработицы из-за пришельцев, в деревне же хозяйственное и политическое руководство может перейти к ее верхушечным слоям. Мы, очевидно, находимся накануне серьезных реформ в области арендной политики в деревне. Несмотря на чрезвычайно быстрый рост городской промышленности, она явно не в состоянии поглотить все количество избыточных рабочих рук, вынужденных покинуть деревню. Придется размещать их в самой деревне. Это обстоятельство с железной неумолимостью диктует необходимость реформы землепользования в сторону легализации некоторой концентрации земель. В нашу задачу не входит подробно анализировать аграрные отношения. Это дело особой статьи. Мы поэтому ограничиваемся сказанным. Из него логически вытекает ряд вопросов, связанных с трудом, условиями найма и т. д. Если вышеуказанные мероприятия идут по пути развертывания НЭП'а в деревне, если можно так выразиться, то другая группа мероприятий должна обеспечить строительство в деревне таких хозяйственных форм, которые были бы организованной экономической основой Советской власти в деревне. Только при этом условии Советская власть останется властью большинства деревенского населения.

В этих условиях сельскохозяйственному кредиту суждено играть исключительно важную роль. В дореволюционной России кредитная кооперация об'единяла около 12 милл. крестьянских хозяйств, что является неопровержимым доказательством массового ее характера. Цифра об'единенных хозяйств также дает ответ и на вопрос о социальном составе членов кредитной кооперации. Значительные средства, сконцентрированные в кредитной кооперации в дореволюционное время, говорят как о жизненности, так и значительных возможностях в смысле рационального использования и перераспределения средств деревни. Сводный баланс по 16,000 кредитных товариществ на первое июля 1916 года равнялся 915 милл. рублей. Из этой суммы на долю вкладов приходится 582,5 милл. рублей. Эти цифры говорят о двух вещах. Во-первых, о чрезвычайно внушительном размере этого сводного баланса кредитной кооперации в дореволюционное время и о серьезной роли крестьянских вкладов,—с другой. Имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют утверждать, что пассивы кредитных товариществ были вполне устойчивыми. Более того, ряд товариществ буквально задыхались от вкладов, не имея возможности их размещать в активные операции. Это обстоятельство говорит также о значительных возмож-

ностях перераспределения средств между кооперированным населением.

Советская власть, опирающаяся в деревне на ее середняцкие и бедняцкие слои и держащая в своих руках руководство с.-х. кредитом, имеет полную возможность влиять орудием кредита на сельское хозяйство в желательном для нее направлении. То, что кооперации слабо удавалось при капиталистическом строе в условиях царской России, в настоящее время имеет все шансы на успех.

Сельскохозяйственный кредит в СССР начал организовываться в условиях полунатурального хозяйства в деревне и в обстановке падающей валюты. Система с.-х. кредита до сих пор носит резкий отпечаток этого периода. Резче всего эти черты сказываются в первом звене системы—первичной кредитной ячейке. Основным типом этой ячейки, как бы она ни называлась, является так называемый «универсал» (слегка видоизмененный интеграл), который торгует потребительскими товарами, занимается сбытом и снабжением сел.-хоз. продуктов и кредитует, заводит производственные предприятия и т. д. Только в отдельных районах (Северо-западный, Северный Кавказ) организованы кредитные товарищества, деятельность которых соответствует их названию. Начало восстановления мелкого кредита в СССР относится к началу 1923 года. В этом году организовалось большинство обществ сельскохозяйственного кредита и Украинский С.-Х. Банк. Как известно, весной этого года Союз перешел только к смешанной форме взимания единого налога. Товарность деревни только начинала складываться. В кооперативных кругах еще была очень сильна идеология интеграла. Валюта стремительно падала. В этих условиях не могло быть речи об организации нормальной кредитной низовой ячейки. Пришлось приступить к работе, опираясь на то, что имелось налицо.

Деятельность о-в. с.-х. кредита и ЦСХБ в этот период выражалась в черновой организации первичной кредитной сети и раздаче крестьянскому населению в кредит отпускаемых советским государством средств. Привлеченные вклады населения до сих пор никакой роли не играли. Способ же привлечения средств путем принудительного размещения крестьянских паев является по меньшей мере спорным. В настоящее время вся система с.-х. кредита рисуется в следующем виде. На территории Союза имеется центральный сельскохозяйственный банк, три республиканских банка, 56 обществ с.-х. кредита («Сельбанк») и около семи с половиною тысяч вовлеченных в орбиту с.-х. кредита низовых кооперативов.

Сводный баланс 95% низовой сети на 1 октября 1924 года равнялся кругло 86 млн. рублей. Сводный баланс всей системы на 1 декабря того же года 133 млн. рублей. Привлеченные вклады составляют менее одного процента к балансу.

Переход к твердой валюте и дальнейший рост товарности сельского хозяйства коренным образом меняют дело. Основной задачей, стоящей в настоящее время перед системой с.-х. кредита, является организация вкладной операции. Под этим углом зрения необходимо, во-первых, критически пересмотреть весь имеющийся положительный и отрицательный опыт и, во-вторых, наметить дальнейшую линию поведения; от успешного решения этого вопроса будет зависеть все дальнейшее строительство мелкого сел.-хоз. кредита. Вторая половина истекшего хозяйственного года и первая половина текущего года прошли под зодиаком голода на целый ряд промышленных товаров. Спрос устойчиво превышал предложение. Это свидетельствует о том, что в крестьянском хозяйстве начали появляться свободные средства. Если урожай этого года будет удовлетворительным, можно смело сказать, что экономическая база для крестьянского вклада будет создана. Следовательно, надо немедленно приступить к созданию таких организационных форм, которые были бы пригодны для привлечения крестьянского вклада.

Система с.-х. кредита является системой кооперативного с.-х. кредита, организуемой государством. Это обстоятельство нашло свое отражение в организационной системе с.-х. кредита, в которой первое звено—кредитное т-во—кооперативное, второе и третье звено—общества с.-х. кредита и с.-х. банки—акционерное с преобладанием государственного капитала. Это преобладание меньше в обществах, больше—в банках. Исторической ролью обществ с.-х. кредита является создание настоящей первичной кредитной сети. На эту сторону должно быть обращено особое внимание. В обществах из месяца в месяц должно расти влияние обслуживаемых ими кредитных товариществ. Представители государственных акций должны с величайшим вниманием прислушиваться к голосу остальных акционеров. Иначе общества станут перед опасностью бюрократизирования, отрыва от периферии.

Основным типом первичного кредитного звена должно являться кредитное т-во с посредническими функциями. Основной деятельностью этих т-в должна являться кредитная. Торгово-посреднические операции могут т-вами вестись только по поручению своих членов. За свой счет могут вестись торговые операции только при наличии специальных капиталов. Только такое т-во способно организовать вкладную операцию без риска для вкладчика. Другие типы первичной ячейки терпимы только для переходного периода.

В настоящее время существуют два основных типа первичной кредитной ячейки: кредитное товарищество с посредническими функциями и сельскохозяйственное товарищество с кредитными функциями. Уставная разница между ними чрезвычайно невелика. Кредитное товарищество находится в ведении Наркомфина, сельскохозяйственное в ведении Наркомзема. Оба товарищества имеют право вести торговые операции за свой счет. Жизнь хотя и влила несколько различное содержание в эти товарищества (кредитные несколько выделяются вкладами), однако, надо сказать, что в настоящее время ни то, ни другое товарищество не годится для вкладной операции. Кредитное товарищество, способное привлечь вклад, должно быть еще создано. Только недавно отдельные районы приступили к этой работе. До тех пор, пока товарищества будут торговать за свой счет и тем самым рисковать вверенными им вкладами, мужик туда денег не понесет. Кредитная работа должна стать основной работой товарищества, торговые операции должны отойти на задний план и вестись только по поручению или за счет специальных капиталов. Только при этом условии можно будет серьезно говорить о вкладе.

Работа первичного звена—кредитного т-ва—должна вестись на началах самодеятельности своих членов и подлинной выборности его административных органов. Только при этом условии т-во завоюет доверие населения, без чего его успешная работа немыслима. Те деревенские коммунисты, которые не видят происшедшего в крестьянской психологии сдвига, страдают слепотой. Особенно надо считаться с доверием населения в кредитном деле, где очень многое покоится на доверии.

Вопрос о втором звене должен решаться исключительно под углом зрения деловых интересов с.-х. кредита. После успешного решения низовым звеном проблемы привлечения крестьянских вкладов, после того, как т-во начнет испытывать затруднения с размещением средств, может возникнуть вопрос о необходимости союзов кредитных т-в. В этом случае они могут образовываться как на ряду с существующими о-вами с.-х. кредита, так и взамен их. Это будет зависеть целиком от условий места и времени. В настоящей стадии единственным руководящим и финансовым центром кредитной кооперации должны являться о-ва с.-х. кредита. Было бы непростительной и непоправимой ошибкой использовать в качестве союзных кредитных т-в теперешние союзы с.-х. кооперации. Это было бы грубым применением к строящейся кредитной кооперации тех бюрократических методов строительства кооперативной системы сверху, которые осуждены жизнью и которые в частности привели с.-х. кооперацию в состояние тяжкого кризиса. Для уяснения этого вопроса надо вкратце остановиться на процессе образования союзов кредитных товариществ в дореволюционное время. Вполне учитывая то обстоятельство, что царское правительство долгое время не разрешало образование кредитных союзов, мы все же придем к выводу о том, что союзы организуются гораздо позже товариществ. С 1895 по 1904 год было открыто 1095 т-в. В 1901 г. образовался 1 союз, в 1903 г. 1 союз, в 1904 г. 1 союз. Только в 1905 г. темп союзного строительства усиливается. Перед самой революцией их было около сотни. В настоящее время при одном проценте вкладов и при наличии обществ с.-х. кредита, рано говорить о союзах кредитных товариществ. Со временем можно будет организовать эти союзы, взяв за основу лучшие с.-х. кооперации и лучшие общества с.-х. кредита.

В нынешней стадии развития первичные кредитные т-ва не должны нести никакой ответственности за операции того союза с.-х. кооперации, членом которого они являются. Кратная ответственность против пая и отсутствие достаточно ясных представлений о вексельном праве в деревне приводят к гибели массу товариществ в связи с банкротством союзов сельско-хозяйственной кооперации. Кредитные т-ва должны твердо помнить, что основной задачей их является кредитование крестьянского хозяйства, а не санирование союзов с.-х. кооперации. Вся ответственность за вверенные т-ву паевые взносы и государственные средства лежит на правлении т-ва. В последнее время в целом ряде мест был опротестован ряд товариществ по обязательствам обанкротившихся союзов с.-х. кооперации и из-за выданных товариществами союзам «дружеских» векселей. Такое положение абсолютно нетерпимо, так как помимо материальных потерь имеется подрыв доверия населения к товариществу. Вопрос о вхождении или невхождении в союз должен решаться товариществом без всякого нажима.

Третьим звеном с.-х. кредита является ЦСХБ и банки союзных республик. Возглавление кооперативной системы мелкого кредита государственными учреждениями является совершенно нормальным. Это соответствует как существу работы кредитной кооперации (аналогично организовано дело в Германии), так и существу советской власти. В дореволюционное время кредитная кооперация возглавлялась управлением по делам мелкого кредита и соответствующими отделами земств. Но интереснее всего то обстоятельство, что в 1922 году в Штутгарте на всегерманском конгрессе кредитной кооперации было признано после борьбы целых десятилетий, что руководящим центром кредитной кооперации признается прусская Центральная кооперативная касса. Надо ли говорить о том, что в СССР такой порядок диктуется буквально всей совокупностью обстоятельств. Кто держит в своих руках кредит, тот руководит крестьянством.

Огромная задача организации с.-х. кредита может быть успешно выполнена только при условии решительной поддержки учреждений с.-х. кредита со стороны всех партийных и советских организаций. Партийные организации должны направить для работы по с.-х. кредиту лучшие силы; государство по мере улучшения его финансов должно увеличивать ассигнования системе с.-х. кредита.

Организация системы с.-х. кредита началась в Союзе позже других видов кооперативного строительства. Это обстоятельство накладывает сугубую ответственность на ее деятелей. Необходимо в полной мере учесть отрицательный и положительный опыт строительства других видов кооперации. В частности, дальнейшее увеличение первичной кредитной сети должно быть теснейшим образом связано с возможным отпуском средств в основные капиталы товариществ. Лучше иметь меньше числом, но здоровых единиц, нежели большое количество экономически нездоровых карликов.

А. Слепков.

Аграрно-крестьянская проблема в эпоху борьбы пролетариата за власть.

II. Проблема крупного и мелкого сельско-хозяйственного производства.

1. Общая постановка вопроса.

Совершенно бесспорно, что социализм является более передовой, более высокой, обеспечивающей более быстрый, беспрепятственный рост производительных сил, чем капитализм, экономической системой.

Совершенно бесспорно, что социализм предполагает более высокую ступень технической и экономической организации, чем капитализм. Совершенно бесспорно, что сложившаяся социалистическая система есть система крупного обобществленного производства. Все это так—и никто из марксистов этого никогда не думал отрицать.

Но тогда как же—вопрошают социал-демократы—можно говорить о раздроблении помещичьих имений среди крестьян? Разве постановка этого вопроса не является отказом от бесспорного положения марксизма о превосходстве крупного производства над мелким; о социализме, как более передовой и более высоко технически организованной системе, чем капитализм?

Каутский предваряет свою критику опыта российской революции в аграрно-крестьянском вопросе следующим утверждением:

«В области социализации сельско-хозяйственных предприятий начинаются наибольшие трудности для социалистического режима. В этой области капиталистическим развитием сделано так мало предварительной работы, что есть социалисты, отчаивающиеся вообще в возможности сельско-хозяйственной социализации. Область социализма они хотят ограничить только промышленностью.

При этом им, однако, приходится признать, что дальнейшее существование прежних отношений собственности в деревне несовместимо с социалистическим производством. Мы уже указывали, каким способом пытаются они положить конец эксплоатации наемного труда в сельском хозяйстве: раздроблением всех более крупных хозяйств,—не только крупных, в собственном смысле слова, но и средних хозяйств—и сведением всего сельско-хозяйственного производства до уровня семейных хозяйств.

Если бы, действительно, удалось связать эту экономическую реакцию в деревне с социальной революцией в городе, то последствия были бы катастрофические. Ибо карликовое хозяйство не

в состоянии производить избыточного продукта в достаточной мере, если только вообще производит избыток» [1]).

Здесь следует прежде всего уговориться, о чем идет речь. Одно дело, когда речь идет о сравнении мелкого и крупного производства в узком смысле этого слова; другое дело—когда речь идет о сравнении крупной и мелкой земельной собственности. Определенного типа и в определенных условиях. Следует иметь в виду, что помещик очень часто ведет крупно-капиталистическое хозяйство лишь на сравнительно небольшом участке своей земли, большинство которой обрабатывалось при помощи крестьянского инвентаря.

Когда при таких условиях, мы вычисляем производительность на единицу земельной площади,—то мелкое крестьянское производство на его собственной земле сплошь и рядом оказывалось более производительным.

Достаточно указать, например, что в России конца XIX века по статистическим данным,—десятина крестьянской земли давала большую продукцию, чем десятина земли крупного помещика, обрабатывающего большую часть своей земли посредством полуфеодального использования крестьянского труда и инвентаря в условиях так называемой обработочной системы [2]).

Поскольку в крупном помещичьем хозяйстве современности налицо значительные пережитки феодализма, поскольку помещик выступает в ряде стран больше землевладельцем, чем предпринимателем,—постольку революционное движение крестьянства против помещика—полуфеодала является прогрессивным движением. Интенсивное мелкое крестьянское хозяйство, укрепляющееся на основе революционного захвата помещичьих земель, служивших средством полуфеодальной эксплоатации крестьян, более прогрессивно, чем феодально-помещичье хозяйство.

Тов. Ленин развивал это с изумительной силой и убедительностью в период первой российской революции 1905—07 годов и Каутский тогда этого положения не оспаривал.

Но—возразят социал-демократы,—помещик XX века уже не феодал XV—XVIII веков: он ведет на известной—большей или меньшей части своей земли капиталистически-предпринимательское производство. Как же можно дробить помещичье хозяйство, если оно имеет рациональное крупно-производственное ядро?

Во-первых, коммунисты отнюдь не высказываются за уничтожение крупных культурно-производственных единиц: они считают, что раздав крестьянам большинство помещичьей земли, следует сохранить как государственные культурные центры—с.-х. предприятия капиталистического типа.

Во-вторых, мы не можем на этом основании выступать против революционного захвата крестьянами помещичьих земель.

На II с'езде партии Р. С.-Д. Р. П. была принята, так называемая, аграрная программа с «отрезками».

«Эта попытка (разрешения аграрного вопроса),—пишет Ленин,—в главном пункте программы: об «отрезках»—основывалась на примерном отделении земель, служащих для крепостнически-

[1]) K. Kaytsky. Die proletarische Revolution und ihr Programm 1922. Berlin.

[2]) См. у Ленина «Аграрный вопрос в России к концу XIX века».

кабальной эксплоатации («отрезанные у крестьян в 1881 году»), и земель, эксплоатируемых капиталистически.

Такое применение ошибочно, ибо на практике движение крестьянских масс не могло направляться против особых разрядов помещичьих земель, а только против помещичьего землевладения вообще» [1]).

В западно-европейских странах, конечно, в помещичьем хозяйстве больше передовых производственно-капиталистических моментов, чем в царской России, но и здесь крестьянские трудящиеся массы будут выступать против «помещичьего землевладения вообще».

Чем более высоко организационным является помещичье хозяйство, тем большее падение производства принесет с собой аграрная революция с разделом помещичьих земель, с раздроблением крупного помещичьего, да и крупного крестьянско-капиталистического производства.

Но здесь выступает на сцену новый момент.

Социализм—есть крупное обобществление производства. Это верно.

Но переход к социализму возможен только при диктатуре пролетариата, которая обеспечивает для рабочего класса командные высоты в решающих хозяйственных узлах (национализация крупных и средних капиталистических предприятий, транспорта, банков).

Но удержать и укрепить за собой господство на этих решающих позициях, которые являются исходным пунктом для социализации всего народного хозяйства,—для развития крупного социалистического производства пролетариат может только опираясь на широкие массы трудящихся, в частности, на трудовое крестьянство, составляющее значительную часть населения. Но это крестьянство в ряде стран терпит земельный голод и стремится к овладению землей крупных землевладельцев.

Отдавая крестьянам помещичью землю (за исключением небольшой ее части, непосредственно прилегающей к имению, которое национализируется), пролетарская революция обеспечивает себе поддержку трудового крестьянства или в худшем случае его дружественный нейтралитет.

Таким образом, раздробляя помещичье землевладение и способствуя усилению мелкого крестьянского производства, мы тем самым обеспечиваем укрепление пролетарской диктатуры, которая, в свою очередь, при правильной политике обеспечивает рост и укрепление крупного социалистического хозяйства.

И Каутский, и Бауэр пишут о том, что раздел помещичьих земель приведет неизбежно к падению производительных сил в сельском хозяйстве. Это правда. Временное падение производительных сил здесь будет. Но оно является условием укрепления такого способа производства, в котором небывалое развитие производительных сил не будет встречать никаких препятствий в социальном строе.

---

[1]) Ленин. Собр. соч. т. IX, «Агр. программа с.-д. в первой русской рев. 1905—7 гг.».

Настоящий воин революции должен приветствовать такое небольшое отступление, которое обеспечивает успех крупного решающего наступления.

Эта логика непонятна Каутским, ибо вместо живых социальных сил, переплетающихся в революции, они видят только схемы, основным мотивом которых является сохранение капиталистического господства.

2. Опыт неудавшихся революций.

Характерный образец неправильной тактики коммунистов в отношении крестьянства дает неудавшаяся пролетарская революция в Венгрии.

Мы меньше всего склонны порочить борцов пролетарской революции в Венгрии; мы полагаем, напротив, что венгерские коммунисты представляют из себя лучшее, революционнейшее, мужественнейшее, что мог дать пролетариат Венгрии в период его борьбы за власть.

Мы понимаем, далее, что писать о революции легче, чем ее делать.

Но вместе с тем совершенно очевидно и бесспорно, что только глядя бесстрашно в глаза правде, только сознавая свои ошибки,—революционная партия пролетариата может рассчитывать на победу.

С этой точки зрения можно только пожалеть, что опыт венгерской революции еще не обобщен, что уроки ее еще не учтены, что ошибки ее еще не указаны и не освещены пролетариям, которые от тщательного изучения уроков революции только выиграют в своем политическом росте.

Мы не намереваемся здесь вскрывать все ошибки венгерской революции; одной из основных ошибок компартии в Венгрии—является ее слияние с социал-демократией. Последняя, благодаря своей многочисленности, в результате слияния партии, попросту проглотила коммунистов, благодаря чему в Венгрии, по сути дела, большевики не были организованно представлены в советах,—а в таких условиях, конечно, и не могло быть последовательно и до конца проводимого революционного переворота во всех областях экономической и социально-политической жизни страны.

Мы берем сейчас только одну сторону политики венгерской компартии во время революции—ее отношение к аграрно-крестьянской проблеме.

Для правильного представления об условиях венгерской революции, нужно привести некоторые данные, характеризующие роль аграрно-крестьянской проблемы в Венгрии.

Один из участников венгерской революции, отнюдь не страдавший переоценкой значения феодальных пережитков в историческом развитии Венгрии, тов. Акузиус Хевеши, опираясь на материал официальной статистики, дает следующие итоговые данные по довоенной Венгрии.

Сельское население составляло около 60% всего населения: стало быть, Венгрия—страна земледельческая, и аграрный вопрос неизбежно должен был играть в революции крупнейшую роль. 32% всей частновладельческой площади находится в руках 0,16% землевладельцев, имеющих каждый свыше 500 десятин.

72% землевладельцев вынуждены обрабатывать лишь 15% всей земельной площади, имея каждый не более 5 десятин [1]).

Преобладание крупно-помещичьего землевладения этими данными иллюстрируется достаточно ярко. Этому экономическому господству соответствовала —да и сейчас еще соответствует—политическая власть помещика. «Единственным хозяином политической жизни страны и по сю пору»,—пишет тов. Хевеши,—«является крупный помещик» [2]).

Венгерский помещик уже, конечно, не является чистым феодалом. Он значительно капитализировал свое хозяйство, он имел и имеет сельско-хозяйственных рабочих, перед которыми он выступает, как буржуазный предприниматель и эксплоататор наемного труда.

Тем не менее, перед массами бедного крестьянства он выступает еще, преимущественно, как феодал,—и этого пролетарская партия забывать не может.

Как же разрешался венгерской революцией аграрный вопрос?

«Землевладение, превосходящее по размерам участок, обрабатываемый крестьянином и его семьей, было отнято у владельцев без какого-либо вознаграждения и передано для обработки безземельным сельским рабочим. Земля является государственной собственностью, рабочие, об'единенные в товарищества, являются наемными рабочими государства. Обработка больших имений производится под надзором и руководством опытных государственных агрономов: раздел земли вообще не имеет места. Все дома, не приобретенные и не построенные пролетариями, так же перешли в собственность государства без всякого вознаграждения домовладельцев» [3]).

Таким образом, венгерские крестьяне не получили помещичьей земли.

Естественно, что это породило недовольство крестьян пролетарской революцией.

«Ничего удивительного нет в том, что венгерские крестьяне, одна треть которых принадлежит к мелким земельным собственникам, не понимали сущности социализации, и эта часть крестьян и слышать не хотела ни о коммунах, ни о государственных хозяйствах. Напрасно советское правительство призывало их к поддержке рабоче-крестьянской власти, они отказывались давать хлеб городским рабочим. Венгрия, земледельческая страна, оказалась без хлеба» [4]).

Пролетарская революция не сумела связаться с крестьянским движением; крестьяне не получили земли, они уже не ждали от советской власти реальной и ощутимой помощи; наоборот, наблюдая за ее аграрной политикой, крестьянство «постоянно видело висящую над его головой—опасность социализации их владений» [5]).

[1]) См. ст. т. Хевеши «Проблема венгерского крестьянства» в № 1 (1924 г. «Крестьянского Интернационала».

[2]) Там же.

[3]) См. ст. Е. Варга «Коммунистическая Венгрия» в № 2 «Коммунистический Интернационал» за 1919 г.

[4]) См. «Доклад о падении Советской власти в Венгрии» М. Габор, «Коммунистический Интернационал» № 7—8, 1919 г.

[5]) «Klassenkämpfe und die Diktatur des Proletariats in Ungarn. Von Béla Szántó. Wien, 1920, s. 83.

Вполне понятно, что в такой обстановке буржуазия смогла опереться на крестьянство в борьбе против пролетарской диктатуры.

Отмечая, что, рабоче-крестьянский блок фактически не осуществился в венгерской революции Szanto утверждает, что в это же время «осуществлялся и укреплялся союз городской буржуазии с крестьянством»...

«Контр-революция подстрекала крестьянство к противодействию; она совершенно открыто убеждала: диктатура хочет только использовать крестьянство, она добивается того, чтобы крестьянство помогло этот год продуктами питания, дабы укрепить себя с тем, чтобы через год провести социализацию и отнять у крестьянства землю» [1]).

Настроенное, таким образом, крестьянство не только не поддерживало диктатуру в ее тяжелые дни, но выступало, как сила контр-революционная.

Аграрно-крестьянская политика венгерской советской власти—была одной из причин гибели последней. В этом отношении не может быть никаких сомнений. Но как же аргументировали венгерские товарищи необходимость именно той политики, которую они вели?

Венгерские коммунисты высказывались против раздела земель. В своей декларации по аграрному вопросу, имевшей место на заседании Совета Рабочих Депутатов 13 декабря 1918 г.,—они утверждали:

«Такое решение аграрного вопроса, который не только не преодолевает, но даже еще укрепляет частную собственность, ставит новые препятствия для осуществления союза между индустриальным и сельско-хозяйственным пролетариатом и тем самым ослабляет силы пролетарской революции.

К тому же такое решение в данных хозяйственных условиях ведет еще к обострению противоречий между населением города и деревней и делает невозможным обеспечение городского пролетариата предметами питания» [2]).

Второй мотив детализирован тов. Варгой в его брошюре—«Die Agrarfrage in der ungarischen proletarischen Revolution»:

«В России,—пишет он,—4 сельско-хозяйственных рабочих приходится на одного городского жителя. В Венгрии же приходится только двум сельско-хозяйственным рабочим обслуживать предметами питания одного работающего вне сельского хозяйства, т.-е. одного человека живущего в городе и занятого в индустрии.

Вследствие этого ухудшение сельско-хозяйственного производства в Венгрии оказало свое действие на снабжение городов более внезапно и сильно, чем в России.

Исключительно богатая землей Россия могла поставить снабжение сравнительно незначительного количества городского населения даже при очень экстенсивном хозяйстве.

Маленькая же Венгрия должна была снабжать относительно большое количество городских жителей—около 8 милл. Живут в Будапеште и в пригородах больше чем миллион людей,—и снаб-

[1]) Там же, s. 83.

[2]) Там же, s. 80.

жение их возможно было только в том случае, если бы остались нетронутыми, хорошо производящие крупные предприятия»[1]).

Во всех этих рассуждениях больше книжной формалистики, чем диалектической гибкости марксиста.

Во-первых, никуда негодны эти соображения о вреде укрепления «собственности» вообще. Революционер-марксист должен уметь отличать феодальную земельную собственность от собственности бедного и мелкого крестьянина трудового типа, крупно-капиталистическую собственность от собственности мелкого буржуа. Во-вторых, как мы уже указывали, нужно учитывать историческую перспективу: если сохранение и даже укрепление мелкой собственности обеспечивает утверждение диктатуру пролетариата, а это последнее в своей успешной политике обеспечивает преодоление крупно-капиталистического производства,—то коммунисты обязаны высказаться за такое укрепление мелкой собственности. Некоторые партийные товарищи еще склонны относиться к нашим лозунгам формально, в то время как каждое наше политическое требование, каждый лозунг—должны рассматриваться с учетом той специфической, исторической обстановки, в которой они выдвигаются. Необходимо учесть в таких случаях соотношение классовых сил и связь данного лозунга с другими, выдвигаемыми партией.

Если бы мы подходили к лозунгам поверхностно-формально, то мы никогда не могли бы наметить и проводить в жизнь правильную политическую линию.

Достаточно вспомнить, например, обстановку в России перед захватом власти пролетариатом. Народнические партии (эсеры) усердно твердили в эту пору о возможности некапиталистической эволюции сельского хозяйства путем кооперирования; пролетарская партия, учитывая громадную роль крестьянства в надвигающейся революции, высказывается за сохранение и даже подкрепление мелкой крестьянской собственности путем фактического раздела крупных помещичьих имений (лозунг революционного захвата помещичьих земель и организации крестьянских революционных комитетов). На первый взгляд эсеры—против капитализма; большевики—за его укрепление, ибо они за «собственность».

А на деле, эсеры, которые говорили о возможности некапиталистической эволюции в условиях капиталистического господства—вредили пролетарской революции и делу социализма, ибо такая позиция только содействует укреплению буржуазного влияния, ибо за кооперативной формой процесса, они не видели его капиталистического содержания.

Большевики же, поддержав стремление мелких крестьян подкрепить свое хозяйство за счет помещиков, тем самым обеспечили победу социалистического пролетариата и установление рабочей диктатуры.

Таким образом, эсеры, твердившие о некапиталистической эволюции—на деле были за капитализм, а прямо и открыто говорившие о поддержке мелко-собственнического крестьянского хозяйства большевики на деле содействовали успеху социалистической революции.

---

[1]) Die Agrarfrage in der ungarischen Revolution, v. Eugen Varga. Wien, 1919 s. 11.

Но венгерские товарищи возражают против раздела помещичьих земель не только потому, что они против собственности «вообще»; они пытаются доказать, что своеобразие обстановки, в которой протекала венгерская революция, требовало именно такой позиции.

Тов. Варга говорит, что на городского жителя в Венгрии приходится вдвое меньше сельских жителей, чем в России. Но к чему обязывает трезвого пролетарского политика этот факт? Он обязывает к сугубому вниманию пролетарской партии в отношении крестьянства, от политической позиции которого так зависят судьбы пролетарской революции.

А тов. Варга делает обратный вывод.

Ход его рассуждения таков.

Пролетарская революция не может победить, если пролетариат будет вымирать с голоду; аграрная реформа должна быть проведена так, чтобы были сохранены крупные сельско-хозяйственные имения, производящие значительные массы хлеба; поэтому нужно выступить против раздела помещичьих земель.

Это рассуждение неверно и с точки зрения экономической и с точки зрения политической. С экономической оно неверно потому, что переоценивает роль помещичьих имений, как высоко производительных хозяйственных единиц.

Один из отменно махровых и зловредных, но весьма неглупых буржуазных радикалов Oskar Jászi, книга которого о венгерской революции снабжена предисловием Эдуарда Бернштейна, вполне резонно возражает венгерским коммунистам, что в «большинстве крупных имений велось столь экстенсивное хозяйство, что с ним могло конкурировать даже отсталое крестьянское крупное хозяйство»[1]).

С политической—оно неверно потому, что, отказываясь от установления союза с крестьянством, обрекало диктатуру пролетариата на поражение.

Правильный ход рассуждений должен бы быть следующим.

Пролетарская диктатура и с точки зрения экономической и с точки зрения политической не может быть крепкой без установления союза с крестьянством; последний обусловлен поддержкой со стороны пролетариата и его партии требования крестьян о разделе помещичьих имений; поэтому нужно бы сохранить в руках государства только небольшое количество экономически-культурных, сельско-хозяйственных центров, раздав большую часть помещичьей земли крестьянам.

Тогда, даже в случае падения диктатуры, крестьянство было бы тесными узами связано с пролетариатом, борющимся за власть.

Опасней всего то обстоятельство, что некоторые венгерские товарищи и до настоящего времени не освободились от некоторых вредных иллюзий.

Так, уже в 1924 г. тов. Акузиус Хевеши пишет:

> «При диктатуре осуществленная нами форма производственных товариществ сделалась общей нормой земельной политики и даже название производственных товариществ было сохранено. Но отпала существеннейшая черта

---

[1]) Oskar Jászi. Magyariens Schuld. Ungarns Sühne. Mit einem Geleitwort v. Eduard Bernstein. 1923. München, s. 88.

нашего выступления до диктатуры: соглашение с крестьянством».

Констатировав сей печальный факт, тов. Хевеши, однако заключает.

«Почему? Просто ли в силу наивного догматизма из-за приверженности к плохопонятому марксизму, как то утверждают на нашей стороне и на стороне противника, в особенности под влиянием земельной политики российской диктатуры?

Отнюдь нет. Это случилось потому, что уже заранее надо было рассчитывать на нападение окружающих Венгрию капиталистических государств, что и последовало, и в результате чего Советская Венгрия сделалась осажденной крепостью. Но уроки войны доказали, что гораздо легче захватить запасы продовольствия в крупных хозяйствах, нежели в мелко-крестьянских хозяйствах, где они легко поддаются сокрытию...

Наша ошибка заключалась лишь в том, что мы не приложили всех усилий к тому, чтобы внедрить этот взгляд в общественное сознание, в особенности же, в сознание крестьянства» [1].

Итак, крестьянству можно и нужно было земли не давать, следовало только «внедрить в его сознание», что это так и должно быть. Левый революционаризм всегда таков: на словах он прекрасно учитывает мелко-буржуазность крестьянства, а на деле о ней забывает.

Тов. Хевеши должен в заключение констатировать, что венгерский крестьянин мало понимал эту философию, вернее не приходил от нее в восторг.

Но об'яснение готово и здесь.

«Существеннейшая разница... в активности русского крестьянства, стремившегося к самостоятельному разрешению земельного вопроса, в активности, которую использовала советская власть в своих постановлениях по земельному вопросу; активности, которой нет среди венгерского крестьянства» [2].

Это уже совсем замечательно. Большевистская партия не приспособляется к готовой активности,—она эту активность вызывает [3]. А вызвать ее можно, только зацепив крестьянина за его нутро, только заинтересовав и возбудив его революционными лозунгами, осуществлению которых улучшает положение крестьянства.

Этим лозунгом является лозунг раздела помещичьих земель,—отвергнутый венгерскими коммунистами.

Мы подробно остановились на анализе аграрно-крестьянской политики Венгерской Советской республики, потому что венгерская революция дает наиболее яркую картину неправильного подхода к крестьянству в момент борьбы пролетариата за власть.

Но, конечно, подобного рода ошибки были и в революционной борьбе пролетариата других стран.

---

[1] «Крестьянский Интернационал» № 1, 1924, ст. А. Хевеши. «Проблема венгерского крестьянства».

[2] Там же.

[3] Как на это совершенно правильно указывает в примечании редакция «Крестьянский Интернационал».

Совершенно несомненно, например, что в Италии пролетариат в борьбе 1920 года не уделял достаточного внимания крестьянскому вопросу. Это было признано в свое время самими итальянскими коммунистами.

Так, Бордига в своем выступлении о фашизме на IV конгрессе говорил следующее:

«В значительной части Италии, наиболее важной с аграрной точки зрения,—долине По, положение напоминает в местном масштабе диктатуру пролетариата или земледельческих слоев его. В конце 1920 г. некоторые коммуны были завоеваны социалистической партией и проводили политику местных налогов на земельную и среднюю буржуазию... Дело дошло до того, что земельная буржуазия не могла больше оставаться в своих поместьях и была вынуждена перебраться в города.

Итальянскими социалистами были допущены ошибки, особенно в вопросе о захвате земель...

Реформистские организации ставили... мелких фермеров в несколько рабское подчинение движению сельского пролетариата, что создало благоприятную почву для фашистского движения» [1].

Это, бесспорно, правильно, с тою лишь оговоркою, что «в рабское подчинение движению сельского пролетариата» крестьяне и фермерство ставились не только явными реформистами, но и левыми товарищами, будущими коммунистами.

Учитывая опыт революционного движения, итальянские коммунисты выработали в 1922 году аграрную программу, обнаруживающую продвижение вперед в понимании аграрно-крестьянской проблемы [2]. Недостаточно остро ставился вопрос о крестьянстве и в польской революции.

Западно-европейские партии должны понять, что без привлечения на свою сторону широких слоев бедного парцельного и среднего крестьянства,—диктатура пролетариата не может упрочиться.

Уроки неудавшихся революций должны быть учтены.

3. Опыт победившей революции.

Российская большевистская партия смогла достигнуть успехов в борьбе за диктатуру пролетариата, потому что, ведя выдержанно-классовую политику, она поняла значение крестьянства в революции. Конечно, и она не свободна от ошибок.

Как мы уже указывали, за два года до первой революции, на II с'езде Р. С. Д. Р. П., в 1903 году, она приняла аграрную программу, согласно которой пролетарская партия считала своею обязанностью бороться лишь за возвращение крестьянам «отрезков», т.-е. тех земель, которые помещики отрезали у крестьян во время проведения реформы 1861 года (эти «отрезки» составляли около 20% земель, находящихся в пользовании крестьянства до реформы).

Ход рассуждений у большевиков был, примерно, следующий:

---

[1] Бюллетень № 12—IV конгресса Коминтерна; речь Бордига о фашизме.

[2] См. «Очерки по аграрному вопросу» под ред. Варги, т. I, вып. 5 ст. Д. Аквила.

Пролетарская партия заинтересована на данной стадии исторического развития в возможно более быстром развитии капитализма и в промышленности и в сельском хозяйстве.

Чем быстрее будет происходить процесс капитализации производства, тем скорее будут подготовлены об'ективные экономические и социально-политические предпосылки социалистического переворота.

В области сельского хозяйства капиталистическое крупное производство свивает себе гнездо, главным образом, в крупных помещичьих имениях: хлебная фабрика возникает и развивается в первую голову у крупного землевладельца, а не у крестьянства которое, впрочем, тоже начинает выделять прослойку капиталистических предпринимателей.

Поскольку именно крупное помещичье хозяйство представлялось большевикам технической и экономической базой будущего крупного социалистического производства, постольку они считали себя не в праве выступать за всеобщий раздел помещичьих земель среди крестьян, ибо такое разрешение аграрного вопроса повлекло бы за собой, несомненно, уничтожение крупного сельско-хозяйственного производства помещиков.

Но вместе с тем пролетарская партия считала, что в ее интересах следовало поддержать крестьянское движение против феодала—помещика.

Поэтому большевики высказались за отобрание у помещика именно тех земель («отрезков»), которые, как правило, служили землевладельцу средством полукрепостнической кабальной эксплоатации крестьянства.

Это было, конечно, полу-мерой. Крестьянство хотело всей помещичьей земли. Помещик сдавал, если не большую часть своей земли, то добрую ее половину, в аренду. Он выступал перед крестьянином именно как феодал. Да и по сути дела он был больше феодалом, чем капиталистическим предпринимателем, что и оценила в должной мере наша партия.

Крестьянское же движение предреволюционного периода против помещика обнаружило большую напряженность и громадные революционные потенции.

Большевики начали нащупывать правильную линию в аграрном вопросе именно с политического конца.

Свержение помещичьего—в основном—царизма было обязательным и необходимым этапом в исторической борьбе пролетариата за власть.

Но крестьянство, составляющее 4/5 населения России, почти целиком может выступить в грядущей революции против помещика, а стало быть и против политического господства помещика.

Именно это обстоятельство заставило большевиков задуматься над вопросом об экономической сущности крестьянской революции против помещика.

В революции 1905 года большевики уже с совершенной определенностью высказывались за необходимость конфискации помещичьей земли и распределение ее в пользование среди крестьян (при этом большевики, исходя из учета спецефических российских условий, считали необходимым высказаться за национализацию земли, но принципиально допускали и раздел ее в собственность крестьян [1]).

Тов. Ленин доказывал, что к революциям XX века нельзя подходить со старым шаблоном.

«Устранение крепостничества в буржуазной стране—писал т. Ленин—возможно двояким путем.

Возможно устранение крепостничества путем медленного перерастания крепостнически-помещичьих хозяйств в юнкерски-буржуазные хозяйства, превращения массы крестьян в бобылей и кнехтов, насильственного удержания нищенского уровня жизни массы, выделение небольших горсток гроссбауэров, буржуазных крупных крестьян, создаваемых неминуемо капитализмом в крестьянской среде...

Другой путь развития мы назвали американским путем развития капитализма, в отличие от первого, прусского.

Он требует «насильственной ломки старого землевладения» [2]).

Большевистская партия боролась в революции 1905—1907 года именно за этот второй путь исторического развития.

Тов. Ленин дал исключительно интересную характеристику этой буржуазной революции нового типа.

Всякая крестьянская революция, направленная против средневековья при капиталистическом характере всего общественного хозяйства, есть буржуазная революция. Но не всякая буржуазная революция есть крестьянская революция. Если бы в стране с земледелием, организованным вполне капиталистически, капиталисты-земледельцы при помощи наемных рабочих совершили аграрную революцию, уничтожив, к примеру скажем, частную собственность на землю, то эта была бы буржуазная революция, но вовсе не крестьянская революция. Если бы в стране, аграрный строй которой настолько сросся уже с капиталистическим хозяйством вообще, что уничтожить этот строй было бы невозможно без уничтожения капитализма, произошла революция, ставящая, скажем, у власти промышленную буржуазию на место самодержавной бюрократии, то это была бы буржуазная революция, но вовсе не крестьянская революция. Другими словами: возможна буржуазная революция в подобной стране без крестьянства.

Возможна буржуазная революция в стране с значительным крестьянским населением и, однако, такая революция, которая отнюдь не является крестьянской революцией, т.-е. такая, которая не революционизирует специально касающихся крестьянства поземельных отношений и не выдвигает крестьянства в числе сколько-нибудь активных общественных сил, творящих революцию. Следовательно, общее марксистское понятие: «буржуазная революция», содержит известные положения, обязательно применимые ко всякой крестьянской революции в стране развивающегося капитализма, но это общее понятие ровно ничего еще не говорит о том, должна ли (в смысле об'ективной необходимости) буржуаз-

[1]) Так, на Стокгольском IV об'единительном с'езде российской социал-демократии в 1906 г., большевики голосовали после выяснившегося провала проекта о национализации земли, за раздел последней.

[2]) Ленин. Собр. соч., т. IX. Аграрная программа с.-демократии в первой русской революции 1905—7 г. См. «Заключение».

ная революция данной страны стать крестьянской революцией, чтобы одержать полную победу, или не должна.

Основной источник неверности всей теоретической линии Плеханова и шедших за ним меньшевиков в первый период русской революции (т.-е. в 1905—1907 годах) состоит в том, что они совершенно не поняли этого соотношения между буржуазной революцией вообще и крестьянской буржуазной революцией.

Наоборот, большевики с самого начала революции... ясно указали источник наших тактических разногласий, выделив понятие крестьянской революции, как одного из видов буржуазной революции, и определив ее победу: «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства» (554—556 стр.).

Тов. Ленин и вся большевистская партия прекрасно понимали, что революция 1905—1907 года при условии, если она будет развиваться в условиях мировой социалистической революции, может перерасти в социалистическую. Но на этом пути она будет иметь успех только постольку, поскольку пролетариат представляет в революции интересы не одного пролетариата, но и интересы широких трудящихся непролетарских масс, в первую очередь, крестьянства.

Таким образом, в первой революции 1905—1907 годов большевистская партия считала возможным даже при перспективах социалистической революции поддержать буржуазно-демократическое движение крестьянства, стремящегося отнять у помещика землю и взять ее в свое пользование.

Большевистская партия не останавливалась даже перед разделом помещичьих земель в полную собственность мелкого производителя крестьянина.

Революция 1917 года протекала в условиях, когда об'ективная обстановка и соотношение классовых сил делали возможным пролетарский социалистический переворот.

Но этот переворот мог быть прочным только в том случае, если бы пролетариат смог возглавить движение широких трудящихся масс против эксплоататоров.

Поскольку аграрный вопрос был не разрешен и крестьянство попрежнему стремилось к ликвидации крупного землевладения, пролетариат под руководством большевиков возглавил движение крестьян против помещиков. На этот путь большевики вступили несмотря на тот факт, что за 10-летний период между двумя революциями помещичье хозяйство прошло значительный путь в смысле усиления технической рационализации на капиталистической основе. Получилось то сочетание пролетарской революции с крестьянской войной, о котором Маркс говорил как о «счастливом» с точки зрения укрепления пролетарского господства.

В эпоху борьбы пролетариата за власть—большевистская партия в России пошла на фактический раздел конфискованной помещичьей земли между крестьянами.

Больше того. Российское крестьянство—в своей массе—находилось под влиянием эсеров. Эсеры твердили крестьянам о возможности «уравнительного», трудового хозяйства в условиях буржуазной демократии.

Насчет буржуазной демократии мы ни в коем случае не могли пойти ни на какое соглашение; но поскольку волею российского пролетариата в октябре было установлено рабочее государство, постольку мы считали возможным пойти на принятие эсеровской земельной программы с «уравнительно-трудовыми» мотивами.

На III Конгрессе Коминтерна тов. Ленин говорил:

«Во многих странах мы не научились даже тому, как овладеть руководством. Мы победили в России потому, что на нашей стороне было не только бесспорное большинство рабочего класса (во время выборов в 1917 году с нами было подавляющее большинство рабочих против меньшевиков), но и половина армии, непосредственно после захвата нами власти, и $^9/_{10}$ крестьянской массы в течение нескольких недель держали нашу сторону, потому что мы применяли аграрную программу не нашу, а эсеровскую, и осуществили ее на практике. Наша победа и заключалась, в том, что мы осуществили эсеровскую программу, потому-то эта победа была так легка» [1]).

В результате переворота произошел «черный передел»: статистические данные 1919 г. по 32 губерниям обнаруживают, что около 86% земли, принадлежавшей раньше нетрудовым слоям населения, перешло непосредственно к крестьянству, 12%—совхозам и 2%—коллективам [2]).

Российские коммунисты вели во время пролетарского переворота политику, укрепившую мелкое производство в деревне.

Но эта политика обеспечила пролетариату поддержку широких масс крестьянства в его борьбе за свержение капитала.

Поддержав мелкого буржуа-крестьянина, пролетарская партия обеспечила свержение власти крупного капитала.

Последний был тесно связан—и связан в настоящее время во всех капиталистических странах—с помещичьим классом.

Это подчеркивалось т. Лениным в революционной борьбе многократно.

«Не подлежит сомнению, что помещичье хозяйство тысячами нитей связано не только с бюрократией, но и с буржуазией. Конфискация подрывает массу интересов крупной буржуазии, а крестьянская революция ведет, как справедливо указывал Каутский, и к банкротству государства, т.-е. к нарушению интересов не одной русской, а и всей международной буржуазии» [3]).

В силу этих связей буржуазия не поддержала революционного крестьянства против помещика.

Разоблачая перед крестьянством контр-революционность буржуазии, коммунистическая партия (могла обрести в лице крестьянства союзника в борьбе против капитала в решающих боях. Буржуазия не хотела содействовать укреплению мелкого крестьянского производства за счет помещичьего, мы на это пошли.

Буржуазия сломала себе на этом голову: мы, поддержав мелкого производителя—крестьянина, опираясь на которого начинаем строить и будем строить с возрастающим успехом крупное социалистическое производство.

---

[1]) Собр. соч. Ленина т. XVII, ч. I, Защита тактики Коминтерна, стр. 308.
[2]) Сб. «О земле». Изд. НКЗ., 1921 г., выпуск I-й, стр. 23—24.
[3]) Собр. соч., т. IX, 550 стр.

М. Кантор.

Выпрямление линии.

(К постановке вопроса об эволюции крестьянского хозяйства).

1.

В 1893 году в германском рейхстаге разгорелись чрезвычайно интересные прения между небольшой группой социал-демократов, среди которых были Бебель и старик Либкнехт, с одной стороны, и буржуазными парламентариями, с другой, по вопросу о государстве будущего. Один из буржуазных депутатов д-р Бахем тогда горько пожаловался собранию: «г. коллега Бебель на мой вопрос, каково будет социал-демократическое государство, отвечал двумя встречными вопросами. Сначала он меня спросил: как вы представляете себе воскресение мертвых»...

Между нашим и тем временем, несмотря на то, что прошло только тридцать с лишним лет, очень маленький исторический срок, лежит колоссальное поле пройденного революционного развития. Если для Бебеля социалистический строй, в наступлении которого он никогда не сомневался, был делом отдаленного будущего, то для нас это конкретный вопрос текущего строительства. Даже самые выражения, которые мы сейчас походя употребляем—«социалистическое накопление» или «некапиталистическая эволюция», свидетельствуют об актуальности социалистических задач. Как бы ни были отсталы формы хозяйственной и общественной жизни широких масс нашего населения, как бы велик и извилист ни был предстоящий путь, факты пролетарской власти и национализации важнейших средств производства с об'ективной необходимостью выдвигают конкретные социалистические задачи. И, собственно, наиважнейший наш вопрос, крестьянский, целиком находится в плоскости приобщения сельского хозяйства к социалистическому строительству города.

Ответ Бебеля для нашего времени безнадежно устарел и совершенно не подходит. Мы вынуждены с сугубой тщательностью взвешивать ответы, раз'яснения по важнейшим вопросам теории и практики социализма, памятуя, что каждое наше раз'яснение представляет собой повод к совершенно конкретной практической политике.

К сожалению, мы еще чрезвычайно далеки от такой ответственной постановки вопросов.

Возьмем наудачу несколько примеров, хотя их можно умножить на любое число.

Один из наших лучших экономистов, тов. Милютин, издал курс своих «лекций по экономике переходного периода». В этой книге, предназначенной для студенчества, нашего подрастающего поколения, и вообще для читающей публики, т. Милютин, как

и следовало ожидать, задается целью доказать превращение нэпа в социализм. Упущена им малость... крестьянская кооперация.

Если читатель, в поисках разрешения сомнений, кинется к другим трудам Милютина, его ждет еще горшая участь. Так, например, в «Вестнике Коммунистической Академии» (№ 8 за 1924 г.) напечатана статья Милютина «Деревня переходного периода». Уж где, как не здесь, встретить правильное отражение жизни. Напрасно.

Говоря о современной деревне, автор всю кооперативную проблему уложил в колхозы. Он дал подробное описание колхозов и ни одной строчки не посвятил крестьянской кооперации, т.-е. сельско-хозяйственным и кредитным кооперативам. Получается полнейшее искривление не только того, что существует, но и перспективы.

Той же болезнью страдает и тов. Крицман. Его статья «Союз пролетариата и большинства крестьянства в СССР после победы революции» («Большевик» № 2/18—1925 г.), интересная по глубине и оригинальности анализа, отличается полнейшей неясностью, как дело касается кооперации. Самое слово «кооператив» у него встречается, кажется, только один раз. Обычно он употреблял выражение «коллектив», хотя в нашем разговорном обиходе под этим подразумевается именно колхоз.

В употребляемое им понятие «коллектив» далеко не всегда, даже при добром желании читателя, можно уложить кооперативное содержание. Иногда автор играет с читателем, ставя знак равенства только между коллективом и колхозом, а то и, без всякого, переносит кооперацию в противоположную экономическую категорию.

Так, в конце статьи, при перечислении важнейших моментов политики пролетариата, Крицман разделяет:

«Особая помощь как организационная, так и материальная (кредит) товарищескому об'единению мелких хозяев в коллективы, в которых работают только их члены (курсив мой. *М. К.*), и государственному крупному сельскому хозяйству (совхозам)»;

«экономическая борьба с сельскохозяйственными капиталистами государственного и товарищеского (коллективного) крупного хозяйства».

Развитие мелкого хозяйства в крупное, насколько можно судить по крайне спутанным определениям, автор представляет себе преимущественно как постепенное упорядочение колхозов. Посвящая несколько прочувствованных строк супряге, как простейшей форме коллектива, Крицман сейчас же вслед за этим делает вывод, что «об'единение в коллективы, т.-е. переход к более крупному хозяйству» и т. д.

На стр. 45, в обосновании важнейших теоретических положений, содержится такое определение:

«Под'ем производительных сил мелкого хозяйства, рост его производительных сил означает в одно и то же время и рост технического вооружения работника и необходимость кооперации работников (в смысле их совместного труда). Иными словами, что мелкий хозяин уже не может работать один, а должен работать совместно с другими»... И далее:

«Раз'единенные условиями труда мелкие хозяева при господстве капитала, когда товарищеское об'единение на каждом

шагу натыкается на бесчисленные в их совокупности непреодолимые материальные и идеологические препятствия, не могут пойти по пути товарищеского об'единения. Такие попытки в массе своей неизбежно терпят крушения. Поэтому при господстве капитала этот путь под'ема мелких хозяев закрыт для них (курсив мой. *М. К.*).

Здесь уже совершенно несомненно дана теория только колхозов, ибо про крестьянскую кооперацию ни в каком случае нельзя было бы сказать, что «при господстве капитала... этот путь... закрыт»...

После такого подхода к вопросу теряет уже всякое значение признание, сделанное на той же 45-й странице, что «определяющее влияние пролетариата во всем народном хозяйстве изменяет сначала по преимуществу характер об'единения мелких хозяев в сфере обращения»...

Если под этими последними об'единениями понимать уже кооперативы (нужно иметь в виду, что и для коллективов обязательно прохождение через «сферу обращения»), то они представлены автором мимоходом, не как основной путь развития крестьянского хозяйства в наших условиях.

Достаточно сопоставить взгляды Милютина и Крицмана с точкой зрения Бухарина, чтобы убедиться в основательности наших возражений. На Всесоюзном Совещании колхозов тов. Бухарин в следующих образных и ясных словах отметил роль с.-х. кооперативов [1]):

«В капиталистических странах руководство кооперацией находится в руках сторонников буржуазии, банки находятся в руках буржуазии, промышленность находится в руках буржуазии и т. п. И когда кооперация растет, она, как на санях, в'езжает в систему буржуазно-капиталистического государства. А у нас кооперация будет в'езжать в социалистическую систему. Мы не можем начать коллективизацию с производственного угла, надо начать с другого. Столбовая дорога пойдет по кооперативной линии. Главный путь—это организация социализма через кооперацию сельскохозяйственную».

В этом духе и была принята совещанием резолюция.

К настоящему моменту мы уже имеем документ мирового значения, полностью подтверждающий линию на кооперацию. Это проект тезисов т. Бухарина по крестьянскому вопросу, внесенный на пленум Исполкома Коминтерна, с одобрения делегации РКП. В этом проекте имеется упоминание и о коллективах и о кооперативах, но в пункте 24-м дается совершенно ясное представление, что после завоевания пролетариатом власти «эти новые условия делают возможной некапиталистическую эволюцию крестьянского хозяйства. Его развитие, хотя и в противоречивых формах, может теперь итти через кооперацию к социализму».

Вот этот путь некапиталистической эволюции кооперативов Милютин и Крицман никак не хотят прямо признать. Героическое прошлое колхозов заставляет их преувеличивать значение коллектива для данного момента. Что касается нас, то мы на все 100% разделяем их симпатии к «героическому периоду» русской революции, но, вместе с тем, полагаем, что из за этого нельзя хотя бы на 5% поступиться правильностью линии.

[1]) Примечание. Оговариваемся, что мы всюду берем за одну скобку как сельско-хозяйственные, так и кредитные кооперативы, не вдаваясь в идущий теперь спор об их взаимоотношениях.

Мы взяли Милютина и Крицмана, как наших присяжных теоретиков-экономистов, интересующихся вопросами сельского хозяйства. Если же просто гоняться за неправильностями, искажениями, то курьезов не оберешься.

Но большинство спотыкается именно на двух моментах: на выпячивании тех видов кооперирования, которые не являются для данного момента основными, и на игнорировании роли крестьянской кооперации в деле преобразования мелкого крестьянского хозяйства в крупное.

У Милютина, например, в курсе лекций имеется специальный раздел о потребительской кооперации и, как мы уже упоминали, нет ничего о сельско-хозяйственной. Поэтому и самая проблема движения деревни к социализму выявляется им только в плоскости осуществления кооперацией снабженческих функций, проведения товаров госпромышленности.

Как ни важна эта отрасль кооперативной работы, но она представляет собой только часть процесса и не дает представления о назревании материальных предпосылок социализма в недрах самого крестьянского хозяйства.

Так как мы все время говорили о смычке именно в смысле проведения госпродукции, то описанный путь толкования вообще оказывается очень скользким.

Например, тов. Куйбышев поместил в «Правде» от 25-го марта статью «О некоторых задачах в области кооперации». Практическую часть статьи мы не собираемся критиковать, она представляет собой ценнейшие предложения, в которых заинтересована кровным образом вся кооперация, без различия видов. Но начало статьи не совсем увязано с дальнейшим содержанием.

Тов. Куйбышев начинает:

«Теперь уже совершенно очевидно, что «кооперативный социализм», провозглашенный Владимиром Ильичем, является не только методом перестройки нашей деревни на новых социалистических началах, сознательно поставленных перед собой пролетарским государством, но и определенным обязательным законом развития сельского хозяйства в условиях диктатуры пролетариата».

После столь определенного констатирования «обязательного закона развития сельского хозяйства» следовало ожидать и развития темы в смысле подтверждения жизненности «обязательного закона» или практических выводов из него. Однако, автор не идет навстречу нашим ожиданям и сейчас же вслед за введением приступает к искусственному суживанию рамок вопроса.

Первый этап автора на этом пути:

«Узловым вопросом сегодняшнего дня, где интересы развития всего народного хозяйства вплотную совпадают с интересами кооперации, является поставленный за последнее время жизнью во весь рост вопрос о товаропроводящей сети, вопрос о торговом капитале».

Законы сельского хозяйства, как равно и «кооперативный социализм» уже сведены к товаропроводящей сети, а последняя к торговому капиталу.

Второй этап:

«Основной вывод, который должен быть сделан уже для настоящего времени, это признание того, что кооперация должна являться основным проводником продукции нашей гос. промышленности».

После нового метаморфоза сама товаропроводящая сеть сократилась вдвое; из нее выпали сбытовые операции и остались одни снабженческие.

Как мы уже успели убедиться, это ни в какой мере не случайность. Это законное отставание идеологии от бытия. Снабженческие функции, в лице потребительской кооперации, успели раньше появиться на свет, и привычная мысль идет по проторенному пути.

Быть может, с нашей стороны проявлена некоторая придирчивость к тов. Куйбышеву, но на одном мы склонны настаивать, а именно, что слова «теперь уже совершенно очевидно», во всяком случае, преждевременны.

Для вящщего подтверждения уместности нашей настойчивости сошлемся на характеристику сельско-хозяйственной кооперации, данную в официальном издании в 1925 году. Приводим полностью весь раздел:

Сельско-хозяйственная кооперация.

Сельско-хозяйственная кооперация открывает крестьянству действительно легкий, простой и доступный путь к поднятию и развитию сельского хозяйства. К примеру, общественная обработка земли, общественные покос и уборка, общественная осушка болот, общественное улучшение лугов, организация семенного клеверного товарищества и др. не требуют затрат, а только, кооперируя труд крестьян, дают значительное повышение доходности хозяйства. Далее, организация контрольного товарищества по животноводству, бычьего и коневодческого товарищества, организация общественной очистки и сортирования семян, приобретение общественного трактора и другие начинания, не требуя непосильных затрат даже со стороны бедняка, создают для членов кооперации все преимущества крупных культурных хозяйств.

Колхозы и совхозы, близко соприкасающиеся с сельско-хозяйственной кооперацией, должны быть превращены в рассадники племенного животноводства, чистосортного семенного материала, в базу случных пунктов, молочных товариществ и проч.».

Об'яснение взято из книги «Агитация и пропаганда в деревне—пособие для деревенских ячеек РКП и РЛКСМ, изб-читален и шефских коллективов». Вместо автора на обложке сверху красуется Агитпроп ЦК РКП (б), издательство «Прибой», 1925 г.

Центр тяжести с.-х. кооперирования положен здесь на обобществление труда, как на «действительно легкий, простой и доступный путь»... Кооперирование труда приписано полностью кооперативам, а на долю колхозов остались... молочные товарищества. В заключение, к величайшему изумлению кооператоров, совхозы тоже помещены в главе о с.-х. кооперации, как близко соприкасающиеся».

II.

Перед нами неотложная задача выпрямления линии. В трактовке такого исключительной важности вопроса не должно быть произвольных допущений, пропусков и неточностей, искажающих политику партии.

Можно полагать, что в ближайшее время и в наши партийные постановления будет внесена конкретизация переходного периода в земледелии. Если говорить о земельных органах, то фактически они уже держат курс на крестьянскую кооперацию. В этом же духе высказалась и последняя сессия ЦИК'а. Таким образом практическая политика уже становится на этот путь, как на наиболее правильный и целесообразный.

Но необходимо, чтобы этот курс стал достоянием и обязанностью всей партии и всех наших организаций, чтобы, на ряду с очередными задачами практической политики, была начерчена и перспектива. Без подведения теоретического фундамента это, конечно, сделать невозможно.

В проекте тезисов Бухарина основная теоретическая наметка дана. Остается конкретизировать, для нас, IV, раздел о постановке вопроса после завоевания власти.

Наибольшим препятствием, пожалуй, может быть недостаточное выявление и недостаточная оценка присходящих в деревне процессов. Над заполнением этих брешей и должна работать теоретическая мысль.

В дополнение к своей статье, данной в предыдущем номере «Большевика», мы попытаемся здесь наметить основные вехи течения марксистской мысли в этом вопросе.

У Каутского в «Аграрном вопросе» о крестьянской кооперации написаны следующие строки:

«Сельско-хозяйственные производительные товарищества, благодаря немедленным выгодам, которые они обещают сельским хозяевам, являются могущественным средством, содействующим индустриализации сельского хозяйства; но вместе с тем они являются также могущественным средством, пролагающим капиталу дорогу к власти над ними»... (стр. 234, изд. 1900 г.).

Сравните эту цитату с п. 24 тезисов Бухарина, представленную ИККИ: «ибо кооперативные об'единения крестьянских хозяйств, об'единения, которые, поскольку они оказываются жизнеспособными, в условиях капитализма, неизбежно сами превращаются в капиталистические предприятия»...

25 лет тому назад Каутский правильно и метко определил эволюцию кооперативных организаций при капиталистическом строе. Позднейшая история, когда собственно и началось значительное кооперативное движение, подтвердила первоначальный марксистский прогноз. Но в одном Каутский все же дал маху.

Желая подчеркнуть шаткость мелкого хозяйства, Каутский приписал кооперирование преимущественно крупному крестьянству. Сначала он подробно развивает эту мысль в отношении кредитных товариществ, потом мелиоративных, а затем снабженческих и сбытовых:

«Точно так же как ипотечные, так и мелиоративные товарищества, это учреждения, свойственные вовсе не мелкому хозяйству; то же самое можно сказать о товариществах для закупки и продажи сельско-хозяйственных продуктов» (стр. 103).

Под сомнение бралась Каутским и самая возможность массового кооперирования: «Основать товарищество и руководить им—дело для обыкновенных крестьян далеко не легкое. Может ли крестьянская масса, без особенного риска, широко пользоваться выгодами кредитных товариществ—это еще вопрос». Далее «Торговля, борьба с конкуренцией на рынке, собирание сведений для того, чтобы воспользоваться благоприятными условиями минуты—все это товариществами выполняется не лучше, чем отдельными лицами» (стр. 103).

Таким образом, оказывалось, что кооперация доступнее крупному хозяйству, но крупное не особенно нуждается в ней, следовательно, распространение кооперации может происходить в очень узких пределах.

Заметим, что речь идет о немецком крестьянине, к которому наши типовые представления о бедняке и середняке неприложимы.

Естественно, что на такой почве германской социал-демократии было более чем трудно создать положительную аграрную программу. Огромному большинству крестьянства социал-демократия могла предложить лишь «освобождение из ада, в котором его в настоящее время держит частная собственность» (заключительные слова цитированной книги Каутского).

По поводу «освобождения из ада» Эдуард Давид иронизировал: «Конечно, помещик может более дешево прокормить своих батраков... Кто может отрицать это подавляющее преимущество крупного имения? Конечно, самостоятельный мелкий хозяин лишен этого преимущества. К его же счастью!»

Следует признать, что для крестьянина общий котел у помещика был весьма слабым утешением. Оппортунистической части тогдашней германской социал-демократии было поэтому весьма легко стать в позу крестьянских защитников. В частности, труд Давида «Социализм и сельское хозяйство» стал настольной книгой и российских социал-революционеров.

Попытки Давида и его сторонников, как известно, заключались в том, чтобы доказать, что на деревню вообще нельзя распространить общие законы капиталистического развития. То-есть, в сельском хозяйстве, якобы, не происходит концентрация производства, мелкое хозяйство оказывается более устойчивым, нежели крупное, мелкому хозяйству, частью непосредственно, частью благодаря кооперации, доступно применение технических усовершенствований и, следовательно, мелкий сельский товаропроизводитель непосредственно, как таковой, придет к социализму.

Давид сам о себе заявлял: «мы сходимся в этом взгляде с заведомыми буржуазными экономистами. Хотя мы знаем, что это плохая рекомендация в глазах тех, которые вне рядов социал-демократии видят одних лишь «вульгарных экономистов» и т. д.

Действительно, та же теория развивается еще по сие время буржуазными экономистами. Крестьянину внушается идея, что ему, как поставщику пушечного мяса, как защитнику буржуазной родины от внутренних врагов, нет оснований итти против капитала, что последний не вытесняет его мелкое хозяйство, а, наоборот, сохраняет таким, какое оно есть, и в готовом виде доставит, вместе с правом частной собственности, прямо в царство небесное.

В России наилучшую отповедь аграрные оппортунисты получили от Ленина, в книге «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии». Непосредственно ответ касался Гиммера, сделавшего ряд неправильных выводов из анализа североамериканского сельского хозяйства. Почему-то этот труд Ленина недостаточно распространен. Между тем, он должен быть обязательно прочитан каждым, изучающим теорию, партийцем.

Однако, нет худа без добра.

Ревизионисты заставили с.-д. более серьезно задуматься над отношениями с крестьянством, они предостерегли от слишком упрощенного подхода к хозяйственным процессам деревни (это упрощенство несомненно было), они выявили роль крестьянской кооперации и впервые сделали теоретическую попытку увязать кооперативную проблему с общегосударственной, как ее часть.

Послушаем Давида:

«Товарищества крестьянских производителей еще не представляют собой социалистической формации. Они далеки от этого. Но еще в меньшей степени «сельско-хозяйственные производительные товарищества этого рода являются переходной стадией к капитализму», как то утверждает Каутский. Таким утверждением с самого начала загромождают путь к правильному познанию того, что здесь происходит. Это есть преобразование отсталого, изолированного, мелкого производства в рациональное, организованное, мелкое производство. Мы должны видеть в этом движении могучие зачатки процесса социализации в сельском хозяйстве.

Развитие товарищества крестьянских производителей есть первое условие непосредственного экономического союза между мелким крестьянином и промышленным рабочим. Вторым условием является товарищеская организация последнего, как потребителя. И эта организация находится в процессе могучего, многообещающего развития. Здесь наводится широкий мост, через который в будущем потянутся массы трудящегося народа города и деревни, подавая друг другу руки для прочного освободительного союза».

Как вам нравится эта тирада! Если бы из нее из'ять полемическую часть и отвлечься от того, что она имеет в виду капитализм, а не диктатуру пролетариата, то ее можно было бы поместить в любом нашем журнале, как образец правильного толкования смычки.

А вот проблема рабоче-крестьянской (так и сказано в русском издании 1908 года) потребительской кооперации:

«В местном товарищеском рабоче-крестьянском потребительном союзе мы имеем клеточку той организационной системы, которая равномерно охватывает сельского хозяина, как потребителя и как производителя, и которая, рационально организуя отношения купли-продажи, может развиться в стройную национальную и интернациональную экономическую систему».

Ленин назвал теорию «некапиталистической эволюции земледелия в капиталистическом обществе... иллюзией, мечтой, самообманом всего буржуазного общества» (стр. 7 книги «Новые данные», изд. 1918 г.). Среди ревизионистов были весьма толковые головы и серьезные исследователи. Но их основной грех, как идеологов мелкой буржуазии, заключался в том, что они искали

исцеления от всех социальных болячек в реформах буржуазного общества. Об'ективно они становились предателями, так как отвлекали массы от революционной борьбы. Суб'ективно, за вычетом парламентских пройдох, они были мелкобуржуазными фантазерами. Их труды и носят отпечаток вечной раздвоенности между наблюдением и пожеланием.

Характерно, что через восемь лет после написания цитированной работы о законах развития земледелия Ленин почти в тех же выражениях отозвался о фантазиях старых кооператоров, что и о ревизионистах. Обе эти категории, конечно, сродни друг другу. Да и вряд ли Ленин решал вопросы деревенской кооперации без учета общих тенденций развития сельского хозяйства. Этого никак нельзя допустить.

Скорее следует предположить, что диалектическая перестановка кооперативной проблемы—до и после завоевания власти—совпадала с перестановкой вопроса о характере эволюции крестьянского хозяйства. До завоевания власти—капиталистическая эволюция, после победы пролетариата начинается эпоха некапиталистического развития через кооперацию.

В статье Ленина о кооперации нет прямых указаний на формы эволюции крестьянского хозяйства к социализму, но самая мысль о тождественности развития кооперации с осуществлением социализма так выпукло и настойчиво проведена, что, конечно, именно в кооперации следует видеть искомую возможность превращения мелкого хозяйства в крупное.

Когда наши экономисты говорят о смычке, о товаропроводящем канале, то они, если пользоваться определениями Бухарина по историческому материализму, дают истолкование среды, в лучшем случае пытаются установить взаимоотношения среды с системой. Но самая система-то у них отсутствует. А система—это кооперативная организация крестьянского хозяйства.

Ленин написал свою последнюю статью о кооперации, когда собственно крестьянские организации, с.-х. и кредитные кооперативы, были еще в зародышевом состоянии, а о колхозах вовсе не говорилось, так как в начале нэпа они были несправедливо преданы забвению. Но когда экономисты, пишущие сегодня, односторонне берут вопрос или вовсе его игнорируют, то уместно предложить им более определенно высказаться о путях развития мелкого крестьянского хозяйства.

Как мы уже указывали, в суждениях о смычке у нас обычно отсутствует истолкование системы. То-есть, что получается? Получается, что социализм в деревне может быть построен не крестьянскими руками. Это величайшее доктринерское заблуждение, которое несет в себе опаснейшие последствия.

Наоборот, если мы нашли необходимую форму эволюции крестьянского хозяйства, то, при содействии со стороны «среды», у нас действительно получится об'ективный процесс подготовки материальных предпосылок социализма в деревне.

Если мы подмениваем кооператив обычным типом колхоза, мы опять-таки впадаем в непростительное легкомыслие.

Примитивные формы колхоза, вроде «супряги», представляют для нас большой интерес, пока, при слабом развитии промышленности, это единственная возможность прокормиться для избыточной рабочей силы деревни. Охотно допускаем, что многие такие организации, при нашем содействии, выживут. Но отсюда

делать выводы общего характера, для большинства крестьянских хозяйств или хотя бы для значительной части их, как будто мало серьезно.

Если обратиться к высшим формам колхозов, коммунам и развитым артелям, то в данное время, на ближайший ряд лет, это путь наибольшего сопротивления. Именно в «страничках из дневника», которые упоминаются и Крицманом, Ленин говорит:

«Нет. Начать следует с того, чтобы установить общение между городом и деревней, отнюдь не задаваясь предвзятой целью внедрить в деревню коммунизм. Такая цель не может быть сейчас достигнута. Такая цель несвоевременная. Постановка такой цели принесет вред делу вместо пользы».

Почему именно кооперативы должны быть выдвинуты на первый план при разрешении вопроса о формах эволюции крестьянского хозяйства? Потому, что только они способны охватить, на почве материальной заинтересованности, основную массу устойчивых, т.-е. поддающихся эволюции хозяйств. Практика наша и заграничная вполне подтверждает, что формы крестьянских кооперативов достаточно разнообразны и гибки, чтобы охватить самые различные нужды сельского хозяйства и создать постепенный переход к высшим, более об'емлющим формам, без ослабления основной пружины—хозяйственного интереса.

Что касается колхозов, то низшие формы их об'единяют неустойчивые в хозяйственном отношении слои деревни, а высшие формы не дают достаточной зацепки (выражение Бухарина) за хозяйственный интерес. Может быть, в процессе развития, колхозы выдвинут какой-нибудь интересный комбинированный тип. Те, которые сейчас выделяются в смысле умелого подхода к заинтересованности, немногим отличаются от кооперативного товарищества и вызывают по отношению к себе настороженное отношение со стороны колхозников.

Таким образом, мы вовсе не представляем себе эволюцию крестьянского хозяйства как упрощенный переход сразу, всех и вся в кооперацию. Путь кооперации—это основной путь для большинства и в качестве такового он должен быть воспринят.

Г. Войтинский.

Углубление классовых противоречий в Японии и борьба с абсолютизмом.

Япония в настоящее время является большим исключением среди империалистических стран мира в смысле развития экономического и политического кризисов, которые за последние 1½—2 года неуклонно углубляются.

Если можно говорить об относительной стабилизации капитализма в Англии, Франции, Америке и даже отчасти в Германии, то по отношению к Японии даже самые правые элементы в мировом коммунистическом движении не смогли бы найти малейшего доказательства своей теории стабилизации.

Возьмем два основных внешних признака послевоенных кризисов в капиталистических странах—валюту и экспорт. За последний год японская иена (в довоенное время равнялась 94, 96 копейкам) продолжала падать неуклонно, несмотря на то, что уже в прошлом году она была значительно ниже паритета. В настоящее время 100 иен равняются 38 америк. долларам вместо паритетных 48. Что же касается вывоза, то прошлый год был рекордным в отношении пассивного баланса, который равнялся 650 миллионам иен. Текущий год не предвещает быть лучшим: январь—февраль показывают пассивный баланс в 210 милл. иен.

Об'яснение этих явлений в Японии следует искать как во внутреннем, так и во внешнем положении страны. Из факторов внутреннего положения Японии главную роль в ухудшении экономического состояния страны сыграло землетрясение в сентябре 1923 года со всеми вытекающими из него последствиями для промышленности и торговли страны и неурожай в 1924 году.

Эти последствия выразились в разрушении огромного количества сырья, полуфабрикатов, текстильной и шелковой промышленности, в разрушении большой части электрической промышленности и в больших потерях в военном призводстве и в готовых снаряжениях,—всего, примерно, на сумму в 10 миллиардов иен. Сравнительно ничтожный заем, сделанный японским правительством в Америке и Англии (около 550 милл. иен) был использован правящей кликой отчасти в интересах монополистов, отчасти на военные авантюры в Китае. Сделанный правительством внутренний заем, выпуск банкнот и облигаций, всего вместе на сумму около 2 миллиардов иен, не только не оживили экономического состояния страны, но непосредственно отразились на понижении иены. И лишь вывоз золота за последнее время из Японии на несколько сот миллионов иен замедлил темп падения иены, но не приостановил самого понижения.

Неурожай, или, вернее, два неурожая риса в прошлом году нанесли также большой ущерб экономическому состоянию страны—пришлось ввозить в Японию около четырех миллионов коку, т.-е. 20 миллионов бушелей. И здесь правительство встречается с большими трудностями: скачут цены на японский хлеб (рис) при общем понижении стоимости денег и при общем сокращении покупательной способности разоряющегося крестьянства.

Эти обстоятельства, при существующем в Японии правительстве из представителей бюрократии и слуг монопольного капитала, привели к усугублению экономического хаоса в стране, так как правительство фактически способствовало ажиотажу и спекуляции со стороны крупных капиталистов на самих последствиях землетрясения.

Что же касается факторов внешнего положения страны, непосредственно отразившихся на углублении экономического кризиса в Японии, то главным из них являются следующие: факт вынужденного ухода с территории русского Дальнего Востока в конце 1922 и в начале 1923 года, факт, умаливший значение японских империалистов на Дальнем Востоке вообще; вынужденное свертывание японского влияния в побережной части Китая под давлением Америки и в результате вашингтонской конференции; и, наконец, некоторая политическая победа японского влияния в северном Китае в конце прошлого года, приведшая к обострению ее отношений с Америкой и Англией.

Все перечисленные факторы не только не ослабевают, но имеют тенденцию усиливаться.

Краткое изложение теперешнего положения в Японии это ясно покажет. Но предварительно следует сказать пару слов о внешних силах, заставляющих японскую правящую клику тянуться изо всех сил, чтобы лихорадочно готовиться к зреющим конфликтам между Японией и Америкой на Дальнем Востоке. Непосредственно после прихода к власти консерваторов в Англии, в палате общин снова был принят план постройки Сингапурской базы. Разумеется, что это для теперешней Японии означает непосредственную угрозу и ей приходится поэтому не только спешить с выполнением своего строительства военных судов, но и с созданием воздушной флотилии. При сравнительно слабой промышленности и большом пассивном балансе Япония пытается, однако, к 1928—29 гг. (не взирая на постановления вашингтонской конференции в соотношениях военных флотов Англии, Америки и Японии, выражаемых в 5:5:3) догнать американский флот. Летом текущего года Соединенные Штаты Америки устраивают маневры Тихоокеанского флота с явным намерением демонстрировать свои силы на Дальнем Востоке. Это создает, конечно, в Японии соответствующее настроение, которое отразится на военном бюджете правительства.

Не подлежит сомнению, что увеличение военных расходов, занимающих и так около 40% всего бюджета [1]), будет содействовать углублению экономического кризиса, так как это лишит правительство возможности содействовать средней и мелкой буржуазии в той мере, в какой оно это делало и вынуждено делать за последнее время.

---

1) Весь японский бюджет на 1924—25 г.г. равняется 1.581.900 иен, и на военные расходы, помимо официальных, будет тратиться около 600 милл. иен

Перераспределение бюджета даже в Японии, где не требуется утверждения парламента для проведения государственных расходов и доходов все же может в настоящих условиях создать политический кризис для правительства.

Таким образом, развивающийся антагонизм основных империалистических стран на Дальнем Востоке уже при настоящих условиях чрезвычайно чувствительно отражается непосредственно на всем внутреннем положении Японии, углубляя и экономический и политический кризис в стране.

Положение трудящихся масс Японии.

Результатом такого состояния Японии является общее ухудшение положения крестьянских и рабочих масс. Но не только их, а также миллионов средней буржуазии и интеллигенции.

Характернейшим признаком разорения крестьянских масс является небывалая в Японии за последний год тяга крестьян на поиски работы в города. Безработица в городах, однако, не дает возможности молодым крестьянам рассосаться в промышленности и, согласно сведениям японских торговых палат, в настоящее время всего безработных по всей стране насчитывается около 3-х миллионов человек.

Забастовочное движение в Японии за 1924 год также считается рекордным со времени мировой войны. По неточным сведениям японского правительства за 1924 год в Японии произошло 700 с лишним забастовок, в которых принимало участие более 100.000 человек, в то время, как в 1919 г., когда впервые в Японии раскатилась волна забастовок после войны, их было 497, а участников 64.000. В последующие годы 1920-21-22-23 забастовочное движение захватило значительно меньшее количество рабочих.

Безработица среди лиц интеллигентного труда в настоящее время в Японии действительно велика, хотя нет точных данных о количестве безработных. Но, судя по тому, какое значение этому вопросу придает японская пресса и какие серьезные опасения это явление вызывает у японского правительства, можно сказать, что это довольно значительный фактор из политической жизни страны.

Экономический кризис в стране создал политическую обстановку, при которой правящая клика лихорадочно бросается от одного мероприятия к другому, пытаясь спасти положение.

Кабинет японского правительства, во главе с известным лидером буржуазно-аграрной партии «Кенсекай» виконта Като, состоит из коалиции трех партий: Сейюкай, Кенсекай и Какушин-Курабу. Коалиционное правительство, составленное в мае прошлого года, как результат политического кризиса после раскола самой крупной в Японии партии Сейюкай, отражающей интересы финансовой олигархии, придворной бюрократии и крупных аграриев, переживает перманентный кризис. Отколовшаяся часть Сейюхонто, социально крепко связанная с перечисленными группами, представляет теперь оппозицию правительству справа.

И хотя организованной оппозиции слева в парламенте и не существует, но сама по себе коалиция чревата развалами, так как, с одной стороны, политика правительства идет в разрез с интересами средней и мелкой буржуазии, не говоря уже, конечно, об остром антагонизме к нему со стороны арендаторов и рабочих, а с другой—оно вызывает все большее раздражение со стороны крупно-монопольного капитала, аграрной аристократии, чиновной бюрократии и милитаристов.

Таким образом, существующее в настоящее время в Японии правительство постоянно колеблется между этими двумя основными социальными группами, пытаясь делать уступки и тем и другим и все больше и больше вызывая агрессивное отношение к себе и со стороны верхушечной части буржуазии и аграриев и со стороны массы средней и мелкой буржуазии.

Со времени землетрясения в Японии, т. е. за полтора года, сменились четыре правительства, которые (кабинеты: адмирала Като, Ямамото и Киура) взрывались чрезвычайно неразрешимыми противоречиями и между финансовой олигархией и правящей бюрократией, с одной стороны, и социальными группами остальной буржуазии—с другой.

Приход к власти коалиционного правительства Като рассматривался в Японии и в других капиталистических странах, как некая эра либерализма в стране, как средство сглаживания антагонизмов среди монопольной буржуазии с остальными социальными слоями буржуазных классов и как средство снижения революционных настроений среди крестьянства, рабочих и мелкой буржуазии.

Кабинет правительства—с одной стороны, применял и применяет жестокие репрессии по отношению к рабочему движению, движению фермеров и все более революционизирующейся интеллигенции, а с другой—вынужден расширить избирательное право, создать институт аграрных инспекторов для улаживания постоянных конфликтов между арендаторами и землевладельцами и предложить систему арбитража для рабочих, формально не легализуя, однако, профессиональных союзов.

Однако, как видно по последним событиям в Японии, эти меры дали результаты, противоположные тем, какие ожидало правительство. Недавно закончившийся с'езд арендаторов и крестьян постановил бойкотировать институт аграрных инспекторов, а демонстрации и митинги рабочих, протестовавших против обязательного арбитража и требовавших рабочего законодательства и отмены специального закона «опасных идей», указывают на правильность нашего утверждения. Демонстрации и стычки массовых студенческих митингов с полицией, в результате мероприятий правительства милитаризовать высшие школы, вызвали негодование против правительства почти во всех слоях общества.

Глухую затаенную злобу против правительства среди рабочих масс и революционной интеллигенции вызвала недавняя казнь юноши-революционера Намба, покушавшегося на кронпринца.

Основной фон политической борьбы в Японии в настоящее время, как и непосредственно после мировой войны, создается глубочайшими противоречиями между финансовой олигархией, тесно сросшейся с правящей бюрократией и средней и мелкой буржуазией, экономически раздавливаемой правительственной экономической политикой в интересах этой олигархии.

Неравномерность развития капитализма в Японии, исторически обусловленная высокой хозяйственной зрелостью феодализма в стране к моменту революции 1868 г., революции, после

которой у власти стали милитаристические клики, развивавшие промышленность, главным образом, на основе военного производства (особенно после японо-китайской войны в 1895 г. и русско-японской 1905 г.)—является в настоящее время основной причиной общего нарастания революционных тенденций в стране.

Но особенно сказался характер такого развития капитализма в Японии после землетрясения, когда монополистическому капиталу и правящей бюрократии (не кабинету министров) представился небывалый в истории случай «рационализировать» промышленность страны. Процесс поглощения крупными банками мелких, банкротство многих средних торгово-промышленных фирм и банков и одновременное увеличение и расширение громадных концернов Мицуи и Мицубиши—характернейшая особенность в теперешней экономической жизни Японии.

Разумеется, что при общем сравнительно невысоком капиталистическом развитии производства в Японии, чем сильнее тенденции концернов финансовой олигархии к «рационализации» промышленности, тем большие противоречия вызываются между ним и всей массой средней и мелкой буржуазии.

Антагонизм между финансовой олигархией и мелкой и средней буржуазией получает яркое отражение во всех областях политической жизни страны и чрезвычайно заостряет все вопросы государственной политики как внешней, так и внутренней.

Особенно это сказалось на вопросах сокращения государственных расходов в следующем смысле:

Монопольный капитал в Японии, те же фирмы Мицуи и Мицубиши и проч. стремятся лишить правительство возможности патронизировать средней буржуазии и самостоятельно производить работы, как напр., на правительственных сталелитейных заводах Явато. Такое «сокращение» правительственных расходов должно затронуть жизненные интересы большой массы средних и мелких производителей, и катастрофически отразится на больших массах рабочих.

В глазах народных масс в Японии существующая правящая клика и монархия все больше становятся ответственными за невыносимое политическое положение, за свое политическое бесправие.

Введение общего избирательного права для мужчин несколько недель тому назад было вынужденной уступкой со стороны правительства перед лицом все более возрастающей ненависти народных масс и довольно быстро зреющих сил для борьбы с абсолютизмом и именно для того, чтобы даже этим урезанным (могут выбирать лица не моложе 25 лет, а избираться не моложе 30 л., при чем избиратели должны иметь не менее 2000 иен) выборным правом не смогли воспользоваться рабочие массы и революционные организации—одновременно вводится закон против «опасных идей», карающий 10-летней каторгой за принадлежность к нелегальным организациям.

Однако, нет сомнения, что даже это избирательное право послужит собиранию в стране сил против существующей правящей клики и против самой монархии. Среди тех новых 10—11 миллионов избирателей, которые после вновь принятого законопроекта примут участие в избирательных кампаниях в парламент, будет значительное число арендаторов бедных крестьян и рабочих, это без сомнения будет ускорять, стимулировать процесс создания рабочей или рабоче-крестьянской партии, который начался еще год тому назад. Но здесь следует указать на один очень существенный вопрос в развитии этого движения. Капиталистических и мелкобуржуазных партий в Японии до сих пор нет.

Радикальная интеллигенция—наиболее активный политический деятель в стране, наиболее отражающая чаяния буржуазии к демократизации страны, т. е. к уничтожению существующего режима милитаристов и монополистического капитала, начинает все больше проникать в профессиональное движение, в союзы арендаторов с целью захватить там идейное влияние. Идея организации рабочей или рабоче-крестьянской партии, впервые выдвинутая год тому назад коммунистами, теперь подхвачена этими элементами и существует опасность слишком большой роли их в организации рабочей партии. Однако, рабочие союзы, как и союзы арендаторов, высказываются за коллективное членство в будущей рабоче-крестьянской партии, что не дает возможности мелкобуржуазной интеллигенции в более или менее значительном количестве влезть в эту партию.

Задачей коммунистов, разумеется, является итти в эту партию с целью решительной борьбы против мелкобуржуазной идеологии «интеллектуалов» типа Кагава и др., стремящихся превратить эту партию в парламентскую партию демократии.

Трудно теперь сказать, какую форму примет в ближайшее время стремление японского организованного пролетариата и арендаторов вести непосредственно борьбу против существующего государственного порядка в Японии, но о собирании и организации революционных сил в стране за последнее время можно судить по следующим фактам.

Рабочие массы за последний год организовались в профсоюзы, превышающие численностью разгромленные после землетрясения. Организован, напр., впервые в этот год союз судостроительных рабочих в 42.000 членов (Кайкун Ренмей), также союз трамвайных рабочих и т. д.

Во всем организованном рабочем движении создалось значительное революционное меньшинство, которое в таких городах, как Токио, Кобе, Киото, в центрах металлической промышленности, представляет подавляющее большинство. Во всех более или менее крупных городах страны замечается тенденция рабочих союзов к централизации и об'единению. Идея образования своей рабочей партии становится все более и более популярной среди рабочих масс.

Одновременно все больше организовываются арендаторы и бедное крестьянство. Всеяпонский Крестьянский Союз уже теперь имеет организационные связи с федерацией труда, не говоря уже об идейной связи. Организация радикальной интеллигенции идет по руслу фабьянских обществ, кружков и лиг, ставящих себе целью демократизацию страны.

И хотя японская правящая клика сделала все возможное, чтобы раздавить, выкорчевать молодое коммунистическое движение в Японии, для этой цели прибегая к способам физического истребления отдельных коммунистов и революционных рабочих, но нет сомнения, что начавшийся под'ем в рабочем движении в стране выдвинет новых революционеров и молодая коммунистическая партия сумеет проникнуть в толщу рабочего класса и поведет его на борьбу с абсолютизмом.

Вл. Черный.

Вопросы партийного руководства.

Руководящая роль нашей партии и ее местных организаций всеми видами государственного и общественного строительства является общепризнанной ролью. Делу руководства, его правильной постановки и постоянного улучшения и совершенствования партия всегда и особенно после завоевания власти уделяла серьезное внимание. Ибо от того, насколько идейно и организационно обеспечено и правильно поставлено партийное руководство, зависит направление, характер и темп работы советских, хозяйственных, профессиональных, кооперативных и иных организаций, об'единяющих и организующих различные слои трудящихся масс, соответствие этой работы с основными задачами партии.

Не останавливаясь на проблеме идейной гегемонии и руководства партии, мы имеем в виду просмотреть основные вопросы организационно-партийного руководства, состояние этой работы в наших организациях и тех задач, которые вытекают из нынешней обстановки.

Почти на всех своих с'ездах, начиная с VIII, партия останавливается на задачах установления правильных взаимоотношений между партийными органами, с одной стороны, и советами, профсоюзами, кооперацией,—с другой. И каждый последующий с'езд, подтверждая основные указания предыдущих, все более корректировал и уточнял задачи, методы и формы партийного руководства. В основном директивы с'ездов сводятся к тому, чтобы, сохраняя в руках партии основные нити руководства, обеспечивающие полный охват и влияние партии на все организации и всякую работу, предоставить этим организациям необходимую для дела самостоятельность, инициативу и возложить на них полную ответственность за их работу.

Наши теперешние условия значительно отличаются от прежних. Отличительный оттенок на всю работу накладывает нынешняя политика партии в деревне. В результате ее громадные изменения вносятся в советское строительство, в кооперативную работу. Партия поставила своей задачей ближе подойти к многомиллионному крестьянству, теснее связаться с ним через все имеющиеся в руках партии «приводные ремни», поднять новые пласты беспартийных трудовых масс на общественную работу, вовлечь их в советы, кооперацию и другие организации, выполняющие социалистические задачи.

Разве в этих условиях, перед лицом новых задач и вытекающих из них новых методов, форм, приемов работы можно не поставить, обойти вопросы партийного руководства?

Уже теперь работают, а в дальнейшем все более в различных наших организациях, в руководящих органах волостей, уездов, округов, губерний и т. д. будут работать беспартийные

крестьяне и рабочие. Можно ли перед их лицом осуществлять партийное руководство в прежних (в значительной мере механических) формах? Ясное дело, что нет. У партии нет и тени мысли отказаться от руководства, упустить его из рук в новых условиях. Напротив, оно должно стать—крепче, но гораздо совершеннее, гибче, тактичнее, оно должно стать именно руководством, политическим, партийным руководством, оно должно быть поднято на новую, высшую ступень.

Вот почему вопросы партийного руководства вновь злободневны, актуальны. Вот почему своевременно поставить их теперь.

И именно поэтому они входят одним из составных, существенных элементов в партийно-организационные вопросы, которые будут обсуждаться на предстоящей XIV Всесоюзной партийной конференции.

Формы руководства.

Изучая состояние партийного руководства в наших партийных организациях к настоящему времени, можно указать следующие обычно практикуемые формы его:

1) Формирование советских, хоз., проф., кооп. и иных органов и намечение их руководителей.

2) Заслушивание докладов руководителей и фракций этих органов в бюро, секретариатах и пленумах парткомов.

3) Дача им директив и руководящих указаний по общим их докладам и по отдельным возникающим в процессе текущей работы вопросам, а также в отдельных случаях оценки деятельности их.

4) Создание специальных комиссий для обследования состояния и деятельности того или иного органа или организаций перед докладом их в парткоме или независимо от доклада.

5) Вхождение в пленумы парткомов руководящих работников важнейших отраслей работы (предисполкомы, пред. межсоюзных об'единений, завземотделом, пред. союзов кооперации, и в бюро парткомов,—руководителей советской, професс. работы (ГИК, УИК, ГСПС).

6) Вхождение в большинстве мест секретарей парткомов (ГК, УК) в президиумы исполкомов.

7) Об'единение в кооперативных совещаниях при парткомах различных видов кооперации и направление через коопер. совещания их деятельности (во главе кооперат. совещаний стоит обычно секретарь или заворготделом парткома).

8) Представление в ГК,—если говорить о технике связи—всех протоколов ГИК'ов и их фракций и передача в ГИК постановлений губкомов, касающихся советской работы.

Важнейшие достижения в деле руководства.

В настоящее время можно отметить некоторые успехи, достижения в большинстве организаций, идущие по линии выполнения с'ездовских партийных директив и заключающиеся:

1. В значительной разгрузке партийных органов от решения непартийных вопросов. В ряде организаций, особенно губернских, партийные вопросы в повестках дня бюро и секретариатов ГК

преобладают. Количество советских вопросов понизилось и разбивается приблизительно поровну на собственно-советские и хозяйственные. Процент кооперативных и профессиональных вопросов повысился в сравнении с прошлым, при чем преобладают кооперативные вопросы.

2. В обсуждении и разрешении в партийных органах, как правило, важнейших и принципиальных вопросов сов., проф., хоз. и кооп. работы. Особенно полно это проявляется в отношении пленумов губкомов, обкомов, укомов, где обсуждаются такие вопросы, как бюджет на 1924—25 г., торговая политика, регулирование зарплаты, районирование кооперативных организаций, разграничение функций между отдельными видами кооперации, перевыборы советов и проч.

Плановое партийное руководство на местах (в губерниях) основными отраслями строительства осуществляется, главным образом, путем дачи указаний фракциям и отдельным партийным руководителям того или иного органа по отдельным, возникающим в процессе работы вопросам, заслушивания время от времени их докладов о состоянии всей работы и дачи после этого оценки прежней работы и указаний о порядке ее постановки в дальнейшем.

Слабые стороны.

Но на ряду с этими достижениями, в практике парторганизаций наблюдается целый ряд существеннейших недостатков, главная часть которых относится к области форм, методов и техники партийного руководства. Так, заслушивание докладов фракций и отдельных руководителей нередко носит несколько случайный характер. Бывает, что некоторые основные фракции и работники, возглавляющие важнейшие отрасли работы, не отчитываются полностью за свою работу от одной конференции до другой. Особенно характерно это для ГИК'ов, фракции которых либо отчитываются крайне редко и нерегулярно, либо не отчитываются вовсе.

С другой стороны, размежевание советской работы от партийной в полной мере не проведено, и загрузка парткомов мелочными текущими практическими, советскими вопросами продолжает иметь место (например, один ГК выносит решение: «предложить такому-то сдать магазин лицу, назначенному таким-то органом; один окружком решает вопрос о передаче больницы хозучреждению; один крайком решает вопрос об увеличении спецфонда промбюро на 658 руб., другой губком дает поручение ГОМХ, учитывая мощность электростанции, устроить в городе фонари на улицах по типу московских и проч.»), а также имеются факты прямо неправильного вмешательства парткомов в советскую работу и опеки их над соворганами (например, губком дает губсуду «директиву», какой приговор следует вынести подсудимым, кому и какие сроки заключения нужно дать, на кого и какие взыскания возложить).

Иногда вынесение решений практического характера партийной инстанцией по вопросам текущей работы советских органов бывает необходимым в связи с какими-либо особенными обстоятельствами. Но практика местных организаций показывает, что большей частью такие обстоятельства, делающие необходимой постановку вопроса в парткоме, отсутствуют, и загрузка парторганов частностями практической советской работы происходит от недостаточного внимания местных парторганов к задаче разграничения функций и разделения труда между партийным и советским аппаратами. Стремясь обеспечить более полное руководство со стороны партии, некоторые организации идут по линии расширения количества хозяйственных вопросов, переносимых на разрешение парторганов не только в порядке дачи основных директив и направления работы, но и в более узко-практически-деловой постановке их.

Ответственность за работу.

При этом продолжают иметь место также, как было установлено XI с'ездом партии, факты отсутствия должной ответственности отдельных руководителей советской, хоз. и т. д. работы, а иногда и целых органов, насыщенных партийным составом, за порученную им партией работу. Так, даже в некоторых губернских центрах со стороны руководящих работников продолжает проявляться тенденция к перенесению в партийные комитеты более сложных вопросов практической работы, хотя по ним вовсе не требуется вынесения партийных решений. Это бывает не только в результате захвата парткомом советской работы, но и вследствие стремления некоторых работников снять с себя ответственность за принятые решения по тем или иным сложным вопросам, спрятаться за партийный орган и прикрыться его решением.

Практика в спорных вопросах.

Кроме того, наблюдаются факты, что на партийное обсуждение ставятся только те важнейшие вопросы советского и хозяйственного строительства, по которым есть несогласие и споры между отдельными советскими и хозяйственными органами и работниками. Те же вопросы, по которым нет разногласий, но которые иногда являются важнейшими в жизни губернии, уезда, нередко разрешаются без партийных директив и должного влияния парткома на данную область работы.

Затем почти везде очень часто практикуется, что деловые хозяйственные, административные и иные вопросы, по которым могут возникнуть разногласия с тем или иным центральным ведомством, или по которым такие споры с центральными ведомствами уже существуют, для большего авторитета и солидности ставятся на разрешение в парткомах, которые, разрешив их в духе местных советских решений, в свою очередь ставят перед центральным комитетом партии сравнительно небольшие, не имеющие политического значения, чисто хозяйственные и узко-практические вопросы. Чтобы провести в жизнь то или иное мероприятие, вопреки мнению или указанию того или иного наркомата, решения по этим вопросам принимаются только в парт. инстанциях. Тем самым вопрос из практического, хозяйственного превращается как бы в партийный и приобретает политический оттенок. Возникающий на этой почве между центральными ведомствами и местными органами спор поступает не на разрешение в высшие хозяйственные, советские инстанции (Совнаркомы, ВЦИК, ЦИК СССР, СТО, ЭКОСО, РСФСР), как это должно

было бы быть, а попадает в аппарат ЦК, после чего передается для разрешения в советском или ином порядке.

Необходимо в ближайшее время изменить эту установившуюся практику таким образом, чтобы решения по спорным с центральными ведомствами местным, хозяйственным, советским и иным практическим вопросам, не имеющим особо принудительного или ярко выраженного политического характера, принимались на местах на заседаниях исполкомов, а не парткомов, с тем, чтобы потом эти спорные вопросы находили свое нормальное разрешение в высших советских инстанциях. Необходимо также, чтобы местные парткомы, даже принимая решения по тем или иным подобным спорным вопросам, не апеллировали бы, как правило, в ЦК партии, а ставили их перед фракциями, превращая их таким образом в действ. работающие фракции и перед их партийными руководителями. Отступления от этого порядка в постановка местных сов., хоз. и иных подобных вопросов перед ЦК тогда можно было бы делать только для особо важных и действительно принципиальных вопросов.

Эти меры необходимы в целях как разгрузки ЦК и парткомов от практических сов. и хоз. вопросов, так и поднятия роли, значения, самостоятельности и ответственности центральных советских органов и правильной установки работы и взаимоотношений во всем соваппарате в целом сверху до низу.

Аналогичную в основном линию необходимо проводить и в отношении профессионального и кооперативного строительства.

Важнейший недостаток.

Эта перегруженность некоторых партийных комитетов практическими советскими и хозяйственными вопросами неизбежно порождает в ряде мест недостаточный охват со стороны парткома работы всех советско-хозяйственных и общественных организаций во всем ее об'еме, благодаря чему некоторые важнейшие отрасли советской, хозяйственной и друг. работы остаются вне должного систематического воздействия и руководства парторганизации, а иногда совершенно выпадают из внимания парторганов.

Меры к улучшению.

Исходя из всего этого, вытекает задача вновь напомнить парторганизациям о более полном проведении в жизнь постановлений VIII, IX и др. с'ездов партии, гласящих, что «партия старается руководить деятельностью советов, но не заменять их», что «парторганизации разрешают вопросы в тех случаях и в той части, когда вопрос действительно требует принципиального решения партии». Необходимо поставить перед всеми парторганизациями и всей партией в целом, в качестве актуальной, задачу по усилению планомерного партийного руководства основными отраслями хозяйственной, советской и всякой иной работы, изживанию элементов опеки и вмешательства в работу соворганов, разгрузке себя от деталей и мелочей и от решения чисто практических и технических вопросов, не имеющих политического значения. Необходимо в полной мере наладить систематическое партийное влияние на постановку и направление всей советской, хоз., проф. и кооп. работы и партийно-политическое руководство основными звеньями местной работы, с возложением полной ответственности на выдвинутых партией руководителей советской, хоз. и др. работы и на фракции соответствующих органов за порученную им партией работу.

Работа по выполнению этой задачи должна быть продолжена и на ней необходимо на ближайший период сосредоточить внимание всех парторганизаций.

В партийных инстанциях должны разрешаться только важные и крупные вопросы хозяйственной, профессиональной и административной работы, имеющие принципиальное и политическое значение, должна даваться через определенные периоды оценка работы фракций и отдельных работников, а также основные директивы для их дальнейшей работы, с тем, чтобы в пределах их общих директив фракции и отдельные партийные руководители тех или иных органов сами ориентировались, пользовались бы всей необходимой самостоятельностью в работе, могли бы проявлять полную инициативу и нести за работу всю ответственность.

Плановость и правильность партийного руководства должны быть регламентированы следующим образом. Доклады руководителей и отчеты фракций советских и иных государственных и общественных организаций необходимо сделать регулярными, установив сроки и последовательность их заслушивания в партколе в соответствии с повышением значения работы того или иного органа в то или иное время года (земельные вопросы актуальны осенью и перед началом весны, работа финотдела в особенности важна до и в период сбора сельхозналога, вопросы ОНО важны перед началом школьных занятий и в конце учебного года и т. д.), надо установить, примерно, что фракции губернских и окружных руководящих органов отчитываются перед парткомами не реже двух-трех раз в год.

К постановке таких докладов, к постановке работы бюро и пленумов парткомов должна быть полностью приспособлена работа партийного аппарата над предварительной проработкой и подготовкой вопросов, стоящих на обсуждении. В частности, предварительная проработка важнейших плановых вопросов, подлежащих обсуждению в комитетах, может осуществляться в случае особой надобности через специально-создаваемые для этой цели партийные комиссии. Постановку отчетов фракций или руководящих коммунистов советских или хозяйственных учреждений целесообразно соединять с докладами соответствующих профессиональных и местных партийных организаций (напр., одновременно с отчетом директора завода ставить доклад завкома и парт'ячейки, на ряду с отчетом управления треста, ставить доклады соответствующих профорганов и партийных органов, и т. д.).

Кроме этого, целесообразно отчеты хозорганов сопровождать содокладами ГКК-РКИ, обследовавших данные хозорганы, для чего необходимо увязывать и согласовывать планы обследовательской работы ГКК-РКИ с планами работы парткомов. При заслушивании отчетов необходимо проверять степень выполнения данных во время предыдущего отчета или в промежутке между отчетами директив и заданий, добиваясь всячески осуществления постоянного контроля над выполнением принятых партийным комитетом постановлений в отношении того или иного органа. Во-

обще задача проверки выполнения партийных постановлений как самим партаппаратом, так и соответствующими фракциями должна быть выдвинута на одно из первых мест.

Решения и директивы по докладам и отчетам фракций и партийных руководителей должны, как сказано, тщательно подготовляться заранее партийным комитетом и его аппаратом с тем, чтобы эти решения давали полную оценку работы соответствующих учреждений и охватывали действительно важнейшие стороны и принципиальные вопросы отчетов фракции. При заслушивании докладов основных фракций (ГИК'а, ГСПС и т. д.), парткомы должны не распылять своего внимания на всей их работе, а сосредотачиваться на основных узловых моментах работы, давая по ним свои директивы и указания. Практикуемое во многих местах создание парткомами специальных комиссий для предварительного о б с л е д о в а н и я состояния и работы отдельных советских и иных организаций, в связи с постановкой отчета фракций последних в парткомитетах, не может быть рекомендовано, как правило, и должно применяться лишь в особых случаях, по отношению к важнейшим отраслям работы, когда того требуют какие-либо особые обстоятельства, затрудняющие комитету возможность нормальным путем ознакомиться с положением дел в данном органе. Также нельзя признать положительным и выделение партийными комитетами специальных инструкторов по отдельным видам советской, профессиональной и иной работы. Наличие инструкторского аппарата в советских, профессиональных и др. органах, преобладание коммунистов в составе этого инструкторского аппарата, как и во всей руководящей части этих органов, должны давать парткому возможность нормального руководства и достаточного ознакомления с состоянием соответствующей непартийной организации через посредство постоянно работающих в ней товарищей.

О коммунистических фракциях.

Не имея достаточных данных для исчерпывающего суждения о состоянии, характере и содержании работы фракций в непартийных органах, в особенности в соворганах, тем не менее уже теперь можно констатировать неблагополучное состояние их. Тот факт, что руководящая часть сов., проф., хоз., кооп. органов в большой мере насыщена партийным составом или полностью состоит из коммунистов, что недостаточно четко разграничение советской работы от партийной и недостаточна самостоятельность советских органов—является основной причиной формального отношения как парторганов, так и коммунистической части непартийных органов к вопросу о комфракциях. Если комфракции кое-как оформлены и работают в кооперативных и профессиональных организациях (далеко не везде и далеко не удовлетворительно), то они либо совершенно отсутствуют, либо номинально числятся в советских и хозяйственных органах (ГИК, УИК, правления хозорганов). Парткомы дают те или иные задания фракциям исполкомов, но на деле часто они проходят непосредственно через исполкомы.

Некоторые партийные организации и отдельные партийные руководители уже начинают учитывать это. Например, секретарь Черниговского ГК пишет: «Необходимо отметить недостаточное понимание и внимание к форме и существу фракций Окр. ИК'ов. Чувствуется непонимание самих задач фракции. Товарищи задают недоуменный вопрос, зачем создавать фракции. Во-первых, в исполкомах почти все коммунисты, а, во-вторых, это одни и те же, в большинстве, лица, которые являются членами того или иного комитета. Мне кажется, что это явление не только в Черниговской губ., но что оно носит в той или иной степени общий характер. Следовало бы в центральном органе на сей предмет дать определенные указания, раз'ясняющие суть и значение фракций».

Совершенно верно. И из ряда других мест (Свердловский округ, Вологда), слышатся аналогичные голоса. Это подтверждает своевременность и актуальность постановки и разрешения этого вопроса.

Неоформленность фракций в советских органах, их номинальное существование и неработоспособность, непонимание их роли и значения, привычка считать их излишней формальной инстанцией, становятся совершенно недопустимыми и весьма опасными явлениями в настоящий период, когда к участию в высшие (от волости до республики) советские и иные органы вовлекаются беспартийные крестьяне и рабочие, которые, при нынешнем состоянии фракций, их неработоспособности и недостаточно правильном построении работы, будут поставлены перед фактами м е х а н и ч е с к о г о проведения партийных директив в советском и ином порядке. А это приведет к естественным осложнениям.

При постановке теперь задачи обязательного создания работающих фракций необходимо предвидеть возможность неправильного уклона в их работе в том отношении, что проведенные через фракции и проработанные в них партийные директивы могут м е х а н и ч е с к и ш т а м п о в а т ь с я на заседаниях исполкомов, президиумов, правлений и проч., без обсуждения вопросов п о с у щ е с т в у п р и у ч а с т и и б е с п а р т и й н ы х. Этим подавлялась бы активность и инициатива беспартийной части руководящих сов., хоз., проф. и кооп. органов в крае, губернии, уезде, волости. Возможность этого неправильного уклона и извращения идеи привлечения беспартийных рабочих и крестьян к ответственной работе необходимо учесть теперь же и принять против этого необходимые меры, ибо кое-где уже дающие себя чувствовать факты подобного рода превращают беспартийных крестьян и рабочих, привлеченных в соответствующие органы, в декоративные фигуры, лишенные всякой роли и значения.

Задача теперь состоит не только в том, чтобы привлечь в наши органы беспартийных крестьян и рабочих, но и н а д е л е п р и о б щ и т ь и х к р а б о т е, заинтересовать их, вызвать активность и инициативу. А осуществление этого зависит от наших фракций, определяется их поведением, постановкой их работы.

Добиваясь регулярной работы фракций и увязки их работы с парткомами, необходимо, чтобы парткомы, в качестве одной из важнейших мер для оживления работы фракций, обратили особое внимание н а с о д е р ж а н и е и х р а б о т ы, стремясь к тому, чтобы фракции, не предрешая в с е х вопросов, стоящих на заседаниях сов., проф., кооп. органов обсуждали важнейшие политические и принципиальные вопросы и партийные директивы, намечали пути, способы и формы их проведения в советском, проф. и кооп. порядке. Отмечая факты иногда полного непонимания задач фракции в некоторых местах (когда, например, как это

имело место в Твери, фракции профорганов обсуждают вопросы приема в члены партии), необходимо принять меры к раз'яснению задач, инструктированию фракций парткомами и устранению всяких иных недостатков в их работе.

Руководство в низовых органах.

Качество партийного руководства, чем ниже органы (уезд, волость, село), тем менее удовлетворительно. Сейчас оно неудовлетворительно или почти отсутствует в большинстве сельских и волостных органов и остается весьма неудовлетворительным в значительной части уездов. Постановка правильного и планомерного руководства в низовых, особенно соприкасающихся с крестьянством и обслуживающих его, органах—огромная, сложная и трудная при слабости наших партийных, особенно сельских, организаций, задача, но к ней должно быть привлечено внимание партийных организаций. Ибо именно здесь наибольшая политическая ответственность и трудность постановки правильного руководства партии и здесь наибольшая неудовлетворительность положения.

Не ставя себе сейчас задачей полное налаживание правильного партийного руководства советской и др. работой через фракции в селах и деревнях (ибо такая задача была бы нереальной, ввиду того, что в партии имеется только 13.500 ячеек в селах, из которых 8.500 находятся в волостных центрах, при наличии 75.000 сельсоветов), необходимо тем не менее принять решительные меры к улучшению партийного влияния на деревенскую советскую, кооперативную и др. работу. До сих пор сплошь и рядом сельские ячейки, не осуществляя правильного руководства советскими органами, вмешиваются в их работу по самым ничтожным поводам, заменяют их собою и теми или иными путями об'ективно способствуют дискредитированию или умалению авторитета советов в глазах крестьянства. Не руководя советской работой по существу, ограничиваясь формальной стороной (заслушивание докладов и принятие к сведению), очень часто ячейки и волкомы допускают громадные нарушения и упущения в области формы и техники руководства. А эта «техника» имеет в деревне иногда решающее значение.

Поэтому в селах и деревнях партийное руководство необходимо улучшить немедленно. Оно также, как и в высших партинстанциях, должно выражаться в периодическом заслушивании отчетов, выдвинутых парторганизацией руководителей или членов советов и даче им важнейших директив. Но эту форму необходимо ячейкам переварить, понять, уяснить ее назначение. До сих пор часто бывает, что руководство осуществляется не ячейкой в собственном смысле, а ее секретарем единолично, при пассивности и безмолвии ее рядовых членов.

Принятием решительных мер необходимо изжить вмешательство парт'ячеек и отдельных сельских коммунистов в работу деревенских советских административных органов, как милиция, земорганы, кооперация и проч. Что касается волостей, то здесь необходимо поставить категорическую задачу создания фракций в каждом волисполкоме, где есть три коммуниста, и установления правильных отношений коммунистов, работающих в волисполкоме, если их число недостаточно для создания фракций, с ячейкой и надлежащего руководства со стороны последней, путем

опять-таки делового заслушивания отчетов о работе фракции или отдельных руководителей при ее отсутствии и обсуждения важнейших вопросов жизни волости.

Во многих местах отмечаются случаи нажима ячеек или их руководителей на советские, кооперативные органы, в целях замены их беспартийных работников, часто весьма дельных, преданных делу и авторитетных в глазах крестьян, безработными коммунистами. Эти, и подобные меры, при недостаточно умелом и нетактичном подходе, приводят к противопоставлению ячейке иных деревенских организаций, как это имело место в одном сельском кооперативе в Харьковской губ., в котором не было партийного влияния и правление которого обсуждало вопрос «о взаимоотношениях с ячейкой и о вредности вмешательства ячейки». Все это необходимо учесть и сделать как политические, так и организационные выводы.

Необходимо далее, чтобы партийная линия в советских и других волостных органах осуществлялась фракцией или при ее отсутствии отдельными коммунистами не путем командования ВИК'ом или советом, а деловитым, весьма тактичным и дисциплинированным руководством ВИК'ами и советом изнутри их, с тем, чтобы партийные работники советских и иных органов опирались на активные передовые элементы крестьянства, вовлеченные в совет и ВИК.

Еще менее удовлетворительно, чем руководство низовыми советскими органами, обстоит дело с руководством низовыми профессиональными и кооперативными органами. Волостные, сельские и фабрично-заводские ячейки сплошь и рядом не только не принимают мер к установлению правильного планового систематического руководства, но продолжают до сих пор вмешиваться в их работу по самым мелочным поводам, командовать ими, несмотря на то, что иногда они имеют возможность свои решения провести в соответствующем органе, особенно в фабзавкомах нормальным путем, т.-е. через фракции и опираясь на фракции. До сих пор имеют место факты изменения состава в выборных партийных или в непартийных органах, путем отзыва одних и замены их другими, даже без постановки этих вопросов на разрешение в фабзавкоме или правлении кооператива. Необходимо, чтобы в этой области было установлено особо чуткое и бережное отношение к непартийным органам и правильные формы организационного влияния парторганизации на непартийный орган, в особенности путем улучшения техники партийного руководства.

О «сращивании».

Сохраняя увязку сов., хоз., проф., коол. органов между собой и с профорганами, в частности, путем участия в заседаниях, введения путем выборов руководителей одних органов в другие, необходимо формальное представительство свести к минимуму, ставя его на деловую почву и учитывая персональную полезность и подготовленность выдвигаемых для связи и представительства действительно руководящих работников. В деле комплектования президиумов ГИК'ов и УИК'ов нужно исходить из необходимости создать действительно авторитетные и работоспособные органы, все члены которых активно участвовали бы в работе, с таким расчетом, чтобы был обеспечен персональный подбор в президиумы работников, не столько по принципу пред-

ставительства, сколько по признаку персональной надобности и полезности данных работников в этих органах.

Что касается вхождения секретарей парткомов в президиумы исполкомов, то этот весьма важный вид связи и руководства со стороны партии советской работой все-таки не следует рассматривать как основной, целиком гарантирующий действительно партийное руководство. Полезность и необходимость вхождения секретарей парткомов в президиумы исполкомов, не устраняет возможность проявления отрицательных моментов, которые могут выражаться в том, что:

а) Участие секретаря парткома в разрешении сов. вопросов в исполкоме иногда невольно связывает его и как партийного руководителя в этих вопросах при рассмотрении их в парторгане.

б) Вхождение секретаря парткома в исполком может ослаблять плановый контроль над фракцией исполкома и над всей советской работой.

в) Вхождение секретаря парткома в исполком, как форма связи и руководства парткома, фактически иногда вырождается в замену настоящего руководства парткома фракцией исполкома.

Эти возможные и кое-где наблюдающиеся недостатки нужно учитывать и преодолевать. Но, разумеется, их не следует рассматривать, как предпосылку для отрицательного решения этого вопроса. Персональное «сращивание» партийных и советских руководителей в советских органах (президиумах исполкомов) имеет целый ряд положительных последствий и должно повсеместно практиковаться, особенно в нынешних политических условиях.

Увязка с ГКК—РКИ.

Нередко бывает, что при заслушании доклада о работе того или иного органа в парткоме и даче ему директив материалы КК—РКИ совершенно не используются, или используются в недостаточной степени. Обследовательская работа КК—РКИ не бывает в должной степени увязана с планом работы (по заслушиванию докладов об основных отраслях сов., хоз. работы) парткома. Сплошь и рядом решения, принимаемые о работе того или иного органа в парткоме и в КК, не бывают между собою согласованы. Необходимо, несомненно, внести тут большую увязку. Необходимо, чтобы парткомы в дальнейшем более полно привлекали бы к своей работе по руководству сов., хоз. работой КК РКИ и использовывали бы их опыт. Дача оценок состояния работы в том или ином органе и директив о дальнейшей работе должна производиться по возможности с учетом данных предварительных обследований, проводимых КК—РКИ.

Руководство распределением работников.

Вопросы назначения и распределения партработников занимают слишком большое место в работе парторганизаций. Слишком велико число должностей, назначение на которые того или иного лица требует прохождения через ЦК. На ряду с сокращением этой номенклатуры, необходимо, предоставив местным парторганизациям и основным центральным фракциям и руководителям центральных ведомств больше самостоятельности в подборе и выдвижении работников, оставив за ЦК распределение и назначение только действительно важнейших категорий и групп работников и общее руководство распред. работой местных парторганов и центральных учреждений.

В губкомах также необходимо взять курс на назначение только квалифицированных работников, стремясь внести в распредработу больше элементов согласования с соответствующими органами. В нацорганизациях, где вокруг вопросов назначения работников ведется обычно наибольшая борьба и происходят трения, круг должностей и работников, назначение которых требует санкции парткомов должен быть несколько шире обычного. Там, более чем где-либо, необходимо разрешение вопросов назначения в партийном порядке при большей согласованности отдельных назначений. Необходимо, кроме того, решительно воспретить в нац. организациях, где это наиболее распространено, бесконтрольное смещение отдельными выезжающими на места губ. и уезд. работниками выборных низовых (волостных, кишлачных и аульных) работников (пред. виков, пред. сельсоветов, секретарей волкомов и ячеек), причиной для которого в большинстве случаев являются не столько деловые, сколько родовые и групповые интересы и соображения.

Связь по фракционной линии.

В отдельных местах, особенно в национальных организациях, наблюдаются случаи полного нарушения организационных взаимоотношений и форм связи между фракциями соворганов различных ступеней, которые приводят к тому, что фракция волисполкома отчитывается перед фракцией УИК'а и инструктируется последней, в то время, как волком совершенно изолируется от влияния на волисполком. Необходимо принять меры к выяснению перед всеми, особенно отсталыми нацорганизациями, организационных принципов, форм построения и работы фракции, а также форм связи между парткомами и непартийными органами.

Помимо того, даже в центре, не говоря уж о местах, сплошь и рядом отмечаются случаи связи по фракционной линии между профсоюзами и межсоюзными органами, и даже руководства фракций межсоюзных об'единений фракциями союзов.

Подобные явления наблюдаются и в кооперации.

В большинстве случаев эти факты являются результатом незнания организационных форм взаимоотношений внутри партии между различными органами партии. Систематическим руководством и инструктированием фракций со стороны парткомов подобные явления будут вытеснены из нашей практики.

Профсоюзы, кооперация и особенно советы,—это мощные орудия делового, практического руководства массами. Проводя работу по оживлению деятельности советов, улучшению работы кооперации и т. д., партии необходимо поставить на высоту руководство всеми своими «приводными ремнями».

В результате внимательного учета, указанных нами недостатков в характере и способах партийного руководства и осуществления перечисленных мероприятий, партийное руководство станет более всеоб'емлющим, гибким, эластичным, не сверху, а изнутри самих руководимых партией организаций в центре и на местах.

ЛЕНИН и ЛЕНИНИЗМ.

В. И. Ленин.

План и конспекты брошюры „О продовольственном налоге. Значение новой политики и ее условия“[1]).

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Печатаемые ниже четыре рукописи составляют план и конспекты отдельных частей брошюры Владимира Ильича «О продовольственном налоге». Рукописи обозначены нумерами I, II, III и IV.

I рукопись является самым первоначальным, черновым наброском плана брошюры «О продовольственном налоге». Этот набросок сделан Владимиром Ильичем в конце марта (25—26) и положен им в основу второго, более детально разработанного плана, составленного, повидимому, вскоре же после первого (рукопись II).

Как видно из этого второго плана, Владимир Ильич не сразу подыскал вполне соответствующее заглавие для своей брошюры, которую он впоследствии назвал «О продовольственном налоге. Значение новой политики и ее условия». Рядом с одним из четырех вариантов заглавия (в левом верхнем углу) стоит сделанная Владимиром Ильичем пометка «тяжело», выражающая его неудовлетворение построением фразы. Все четыре варианта заглавия затем, при окончательном написании брошюры, были Владимиром Ильичем отброшены.

Брошюра «О продовольственном налоге» написана Владимиром Ильичем в середине апреля (закончена 21 апреля). План ее несколько отличается от первоначального. Так, в самой брошюре особо выдвинут и подробно разработан вопрос о государственном капитализме, тогда как в плане имеется только упоминание о нем и совсем отсутствует ссылка на брошюру 5 мая 1918 года. Конспект той части брошюры, которая относится к вопросу о государственном капитализме, был набросан Владимиром Ильичем отдельно (см. рукопись III), равно как и заключительной части «Политические итоги и выводы» (см. рукопись IV).

[1]) **От редакции.** Печатаемая рукопись В. И. Ленина предоставлена редакции Институтом В. И. Ленина и взята из IV «Ленинского Сборника». Рукопись подготовлена к печати тов. Гляссер. Особенно интересны неразвитые в брошюре о продналоге пункты, напр., о борьбе с Деникиным и о социальном значении этой борьбы по сравнению с экономической смычкой; о диктатуре (двусмысленность понятия «соглашения», диктатура, как руководство; о «смягчении» диктатуры и т. д.); о непризнании «буржуазной партийности»; о внутренней механике партийного кризиса и общего кризиса; об истрепанности старой гвардии и т. д. и т. п. Редакция намерена вернуться к этим темам в специальной статье.

С другой стороны, некоторые части первого, основного плана в брошюру не вошли совсем (см., например, стр. 4—о международном положении и др.).

Архивная справка. Рукопись I написана черными чернилами, на маленьком плотном листочке из записной книжки, на оборотной стороне которого имеется секретарская запись приема Владимира Ильича на 24/III 21 г. Первое слово: «Etwa» и первые фразы от цифровых обозначений пунктов, выражающие основную мысль пункта, написаны красными чернилами, за исключением пунктов 7, 9 и 10. Последние пункты переставлены и на полях чернильным карандашем вписана пометка: 7+8 9+10. Каждый пункт заключен в квадратные скобки.

Рукопись II (основного плана) написана черными чернилами на листе (=2 арх. листам) плотной писчей бумаги с водяными знаками. Лишь одно место вписано черным карандашем. Листы перегнуты пополам и текст рукописи написан в столбик. Расположение материала сохранено в копии. Помарок нет.

Рукопись III написана черными чернилами на узком обрывке косо разлинованной бумаги из ученической тетради, на обеих сторонах. Несколько слов вписано химическим карандашем.

IV рукопись—на маленьком тонком листке из блок-нота с водяными знаками, на обеих сторонах.

Все рукописи написаны рукою Владимира Ильича, мелким почерком. Зачеркнутые места печатаются петитом

I.

Etwa[1])

1. Общее значение налога.
Назад? Вперед? (к товаро-обмену).
„Брест“ ли?
Переход от разверстки (взимания излишков к товаро-обмену.
„Военный“ коммунизм versus[2]) правильные хозяйственные отношения.
2. Налог и свободная торговля.
Налог и свободная торговля.

Свобода торговли	versus	экономическая база („местный оборот“) мелкого хозяйства.
„	versus	государственная власть пролетариата.
„	versus	концессии.

[1]) Etwa—примерно, около.
[2]) Versus—против, по отношению.

Мера и условия свободной торговли.
3. Середняк. (Нивеллировка).
Ставка на кулака?
или середняк.
Нивеллировка.
Старательный крестьянин.
Увеличение продуктов.
4. Пути перехода к социалистическому земледелию.
мелкий крестьянин
колхозы
электрификация.
5. Кооперация.
6. Борьба с бюрократизмом
(ее экономические основы).
7. Международное положение и внутренние отношения.
8. Партийный и политический кризисы (1920—1921).
Меньшевики + социалисты-революционеры + анархисты (Кронштадт).
9. „Соглашение“ с крестьянством? или диктатура?
ad 9 10. Беспартийные конференции.

II.

План брошюры:

О замене разверстки налогом и о соглашении с крестьянством

(или о задачах рабочего правительства в крестьянской стране и о задачах рабочего класса по отношению к крестьянству).

тя- же- ло! Точнее бы передавало содержание:
О замене разверстки налогом в связи с общими задачами и условиями данного политического момента.

Замена разверстки налогом в связи с особыми условиями данного политического момента.

Замена разверстки налогом, ее принципиальное значение: от „военного“ коммунизма к правильному социалистическому фундаменту.

Ни разверстки ни налога, а обмен продуктов крупной („социализированной“) промышленности на крестьянские продукты, такова экономическая суть социализма, его база.

Разверстка не „идеал“, а горькая и печальная необходимость. Обратный взгляд—опасная ошибка.

Разверстка и „аппарат“. Без „аппарата“ мы бы давно погибли. Без систематической и упорной борьбы за улучшение аппарата мы погибнем до создания базы социализма.

Союз рабочих с крестьянством = α и ω [1]) советской власти. „Необходимое и достаточное“ условие ее прочности.

Союз этот против Деникина & [2]) К°. не то, что союз (этот же) в экономическом строительстве. Первый = буржуазная революция. Второй = социалистическая революция.

Переход от войны к строительству
IX с‘езд 1920 (ср. IV. 1918) versus X с‘езд (III. 1921) [3])
Переход от разверстки к правильному товарообмену.

Налог в принципе согласим, совместим с свободной торговлей хлебом и другими продуктами.

Формальный демократизм versus реальность классовых отношений в вопросе о налоге и других вопросах подобного рода.

Принуждение + убеждение (в разверстке) — в налоге — в „товарообмене“.

В какой мере „свобода торговли“? После уплаты налога.

Простор опытам, практике. Мелкая торговля..... | Задача местных работников.

Задача местной власти *).

Тип экономических отношений или экономической системы до пролетарской революции в ряде крупных стран — концентрация вверху
свобода крестьянской торговли внизу.....
своего рода государственный капитализм (ср. IV. 1918).

„Ставка“ на середняка? на кулака? Восстановление буржуазных отношений?

Нивеллировка деревни
„беднота“ { дали уравнительный передел
„ помещичью землю
„ взять от кулака
„ экстраординарную помощь государства.

---

[1]) α и ω—альфа и омега—первая и последняя буквы греческого алфавита; в переносном смысле—«суть», «все».

[2]) &—и.

[3]) IX С'езд РКП состоялся 29 марта—4 апреля 1920 г. Основным вопросом с'езда был переход к мирному хозяйственному строительству.

IV. 1918—В. И. ссылается на свою брошюру и речь во ВЦИК 29/IX—18. «Об очередных задачах Советской власти»—см. Собр. соч., т. XV, стр. 194.

На X с'езде РКП (III/1921 г.) был решен вопрос о замене разверстки продналогом (см. дальше, стр. 5, со слов: «и в IV/1918 и в IV/1920».

*) В рукописи этот абзац вписан чернильным карандашем. Ред.

Теперь **гвоздем, оселком** становится (стало) увеличение продуктов (ср. программа РКП). Inde [1]): „ставка“ на середняка в земледелии.

Старательный крестьянин как „центральная фигура“ нашего хозяйственного под'ема.

Индивидуальный товарообмен.

Роль колхозов: много наглупили. Под суд за неисполнение закона и за **неумелость** (три года).

Страшен ли социализму „индивидуализм“ крестьянина? его „свободная торговля“? Нет.

Электрификация: мерило. Отдаленный план, но **план** и (ergo [2]) критерий. Всякий план есть мерило, критерий, маяк, веха etc [3]).

Если электрификация через 10—20 лет, ни капли не страшен индивидуализм мелкого земледельца и свободная торговля **его** в местном обороте. **Если** не электрификация, **все равно** неизбежен возврат к капитализму.

Международное положение сложилось благоприятно: новое равновесие.

Их распад наше сплочение	Антанта versus Германия Америка versus Япония (и Англия). Америка versus Европа. Империалистский мир versus „Азия“. (1/7) (0.250 $\times$ 7 = 1.75)	(4/7) (1.000 миллиард из 1.750) [4])

10—20 лет правильных соотношений с крестьянством и обеспеченная победа в всемирном масштабе (даже при затяжке пролетарских революций, кои растут), иначе 20—40 лет мучений белогвардейского террора.

Aut-aut. Tertium non datur [5]). NB:

„Соглашение“ с крестьянством? Учредилка (прямо и прикрыто) голосование, изменение конституции социалисты-революционеры и меньшевики + анархисты.	**Кооперация.** Ее экономическая и политическая (меньшевики и социалисты-революционеры) сторона.	Двусмысленность понятия „соглашения“ особенно versus „диктатура“

1) Inde—отсюда, вследствие этого.

2) Ergo—итак, следовательно.

3) Etc—et cetera—и так далее.

4) Из 1.750.000.000 всего населения земного шара 1/7, или 250.000.000, составляет население империалистских стран и 4/7, или один миллиард,—колоний («Азия»).

5) Aut-aut. Tertium non datur—или—или. Третьего не дано.

Опыт и урок Кронштадта (новое в политической истории совввласти).

Quid est „politica“? [1])

(1) авангард пролетариата к **его** массе.
(2) пролетариат к **крестьянству**.
(3) пролетариат (и крестьянство) к **буржуазии**.

Непримиримая борьба против меньшевиков, социалистов-революционеров, анархистов.

Усталость, изнеможение, отчаяние.. Нет сил... „Передышка“... бюрократизм (Gegenstück [2]) крестьянства).	и в рабочем классе и в крестьянстве.	NB Истрепанность „верхов“ и выдвигание новых людей из „низов“ = (α) молодежи; (β) беспартийных.

NB NB

Анархизм и „марксистская“ борьба с ним. „Отчаяние“?

Не тот темп (военного и мирного строительства).

И в IV. 1918 и в IV. 1920 мы себе представляли переход от войны к мирному строительству как простой переход на тех же рельсах **политики**.

Переход сложный: иные отношения к крестьянству, иной темп, иная обстановка.

Демобилизация армии.

Бандитизм. (Разорение. 7-летняя война).

Либо белогвардейский террор либо руководство (все>[более] мягкое) пролетариата, его **диктатура**.

Страшное в слове „диктатура“? Беспартийный крестьянин, как мерило, как показатель, как советчик—и как политический лозунг (= социалисты — революционеры и меньшевики). Голосовать? Свергать власть? Или искать соглашения с **ней**?

Обычный прием обычной буржуазной партийности и буржуазного парламентаризма: на уступках „**ловим**“.

N B:

Беспартийные конференции **не** абсолютное политическое орудие меньшевиков и социалистов-революционеров + анархистов. Caveant-consules! [3])

1) Quid est politica?—что такое политика?

2) Gegenstück - «противоположность», другой полюс того же отношения. «У нас другой корень бюрократизма: раздробленность, распыленность мелкого производителя, его нищета, некультурность, бездорожье, неграмотность, отсутствие **оборота** между земледелием и промышленностью, отсутствие связи и взаимодействия между ними». (См. «О продов. налоге»—Собр. соч., т. XVIII, ч. I стр. 222—223).

3) Caveant consules—пусть будут бдительны консулы (из речи Цицерона).

Но мы не признаем самой почвы буржуазного парламентаризма, „обычной (буржуазной) партийности“!; |NB|

NB: NB:

„Экономические основы отмирания государства“ („Государство и революция“): здесь также „экономические основы“ отмирания бюрократизма, отмирания верхов и низов, отмирания неравенства (ср. „Первые шаги от капитализма к коммунизму“). Еще нет хозяйственной базы социализма. В чем она? В товарообмене с крестьянством“. NB

К борьбе с бюрократизмом. |NB|

NB

+ Примечание. Значение весеннего (II—III) политического кризиса 1921 („переходы“) и парткризиса (XI или IX, 1920—III. 1921) [1]). Приспособить верхи партии к ее массе или vice versa [2]) ? Партию к массе (пролетариата + затем крестьянства) или vice versa.

III*).

Государственный капитализм не страшен, а желателен.
Примеры:

Учиться у государственного капитализма.

1) Концессии.
2) Кооперация.
3) Комиссионеры.
4) Аренда.

4) неорганизованный капитализм
Всё в меру и на известных условиях
Какова эта мера?
Опыт покажет.
1/4 etwa.

„Стихия“ c'est le mot [3])
1794 versus 1921

---

[1]) Под «весенним (II—III) политическим кризисом 1921» В. И подразумевает Кронштадтский мятеж 1—17 марта 1921 г., а под парткризисом 1920—21 г.г.—дискуссию о роли и задачах профсоюзов, возникшую в ноябре 1920 года и закончившуюся на X с'езде партии в марте 1921 г.

[2]) Vice versa—наоборот.

*) Весь текст этой рукописи до слов «Политическая сторона» зачеркнут по частям Владимиром Ильичем, повидимому, по мере написания соответственных частей брошюры.

[3]) C'est le mot—вот слово.

„Оборот“
главным образом и в 1-ю голову
продналог и оборот.

борьба с спекуляцией
Quid est? [1])
директивы продовольственникам:
100 + 100 = 200%
100 + 25
60 + 60 [2])

Эти (3 и 4) [3]) виды слабы, ибо мы слабы и глупы ср. бюрократизм . . . .

Свобода торговли α) для развития производительных сил крестьянского хозяйства. β) для развития мелкой промышленности. γ) для борьбы с бюрократизмом.
Мера? Условия?
Практика должна показать.
Продовольственник: собери 100%.

Etwa
100 + 100 = 200
100 + 25 = 125
60 + 60 = 120

Борьба с спекуляцией? Quid est?
Политическая сторона:
Скинет *) мелкобуржуазная стихия (5/V. 1918) [4]).
„Образец“ французская революция, сравни 10. XI. 1918 Anti Kautsky [5]).
Пессимизм или оптимизм?
Учет сил. Трезвость и бешеная страстность.

IV**).

Заключение Etwa.

Переход к политике ***).
Экономика весны 1921 превратилась
в политику: „Кронштадт“.
Роль социалистов-революционеров + меньшевиков
(Дан, Рожков и К⁰, Мартов и К⁰). „Небольшая передвижка“
все равно вправо или влево.

---

[1]) Quid est?—что это такое.

[2]) См. «О продовольственном налоге»—Собр. соч., т. XVIII ч. I стр. 224.

[3]) Т.-е. комиссионеры и аренда.

*) В тексте «скинут».

[4]) См. «О продовольственном налоге»—Собр. соч., т. XVIII ч. I стр. 231 и «О левом ребячестве и о мелкобуржуазности» — Собр. соч. , т. XV стр. 255.

[5]) «Пролетарская революция и ренегат Каутский»—Собр. соч., т. XV, стр. 446.

**) Весь текст до «Итогов» зачеркнут Владимиром Ильичем двумя линиями.

***) В тексте «политики».

Милюков умнее Чернова и Мартова: нетрудно быть умнее этих самовлюбленных дурачков, героев фразы, рыцарей мелкобуржуазной доктрины (1789—1848—1920) [1].
Место им в тюрьме, а не на беспартийной конференции 1794 versus 1921)
Колебания „стихии".
(Quid est стихия)
и твердость.
Выбор и выдвигание людей.
Пессимизм или оптимизм? Трезвейшая оценка зла и трудности.
Беззаветность в борьбе.

Итоги:
1) „Оборот" Quid est?
2) Мелкая промышленность. Где сырье?
3) Обмен.
4) Капитализм.
5) Государственный капитализм.
6) Инициатива мест.
7) Меньшевики и социалисты-революционеры + беспартийные.

[1]) «В 1789 году мелкие буржуа могли еще быть великими революционерами; в 1848 году они были смешны и жалки; в 1917—1921 годах они—отвратительные пособники реакции, прямые лакеи ее по их действительной роли, все равно, зовут ли их Черновыми или Мартовыми или Каутскими, Макдональдами и т. д. и т. п. («О продовольственном налоге»—Собр. соч., т. XVIII ч. I, стр. 230).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

Руководство шефским движением.

Не было ни гроша, да вдруг—алтын! Не было ни одного официального руководящего издания по шефству, да вдруг—два! Один сборник выпущен агитпропом ЦК РКП: «Культурное шефство над деревней». Сборник статей под редакцией С. И. Сырцова. ГИЗ. Москва. 1925. Стр. 158. Цена 65 коп. Другой сборник выпущен Главполитпросветом: «Культурное шефство и политико-просветительная работа в деревне». Изд «Долой неграмотность». Москва. 1925. Стр. 70. Цена 30 коп.

Царящая еще до сих пор неорганизованность, путаница, неразбериха в шефском движении и в руководстве им нашли себе наиболее яркое выражение в этом факте одновременного издания в центре двумя центральными агитпропами двух—и притом разных!—сборников по шефству.

Вот почему мы считаем необходимым уделить особое внимание обоим сборникам.

Ненужное издание.

Начнем с издания Главполитпросвета. Сборник составлен отделом изб-читален. Составители в предисловии пытаются стать в вопросах шефства на точку зрения известного циркуляра ЦК РКП от 23 ноября 1924 г. Но нужно признать, что это им не удалось ни в смысле содержания сборника, ни в смысле его направления. Сборник затрагивает вопросы одной только политико-просветительной работы шефов в деревне и написан в духе старых, устарелых, путанных идей о шефстве, которым, казалось бы, никак не должно быть места в руководящем издании.

Приведем отдельные примеры. Тов. В. Н. Мещеряков пишет: «Главная, основная, чуть ли не единственная работа это политико-просветительная» (стр. 12). Если шеф—чего доброго!—имеет дело, напр., с крестьянским комитетом взаимопомощи, то по мнению тов. В. Н. Мещерякова «это совершенно неправильно» (стр. 12). С такой точкой зрения, конечно, нельзя претендовать на руководство шефством и выпрямление линии на единственно-правильную (указанную ЦК РКП): обязательное сочетание в работе всего шефа двух начал: культурно-просветительной и организационно-хозяйственной помощи деревне.

А вот как т. Хоменко раз'ясняет основной вопрос о том, кто является шефом и как создается шефствующая организация: «...на открытом собрании избирается шефская комиссия ячейки и шефство регистрируется в соответствующем парткоме. В состав шефкомиссии входят представители ячейки РКП, РЛКСМ, фабзавкома (месткома), организатор работниц и т. д. Кроме того, по желанию общего собрания в комиссию могут войти некоторые рабочие или служащие персонально» (стр. 52, курсив мой. В. К.).

Так «раз'ясняется» в сборнике совершенно ясный недвусмысленный пункт 3-й циркуляра ЦКРКП о том, что шефом должен быть кол-

лектив рабочих и служащих (а не ячейка); что шефская комиссия должна быть у этого коллектива рабочих и служащих (а не у ячейки); что ячейки выдвигают лишь кандидатов, партийных и беспартийных вместе, а выбирать комиссию должно общее собрание рабочих и служащих, перед которым комиссия ответственна. (Циркуляр напечатан тут же, в приложении к сборнику, и на него же ссылается предисловие!).

Поскольку в сборнике цитируется Ленин, надо заметить, что в корне неправильно (хотя целиком в духе сборника!) понимание ленинской идеи о культурной работе, о «культурничестве», о «культурной революции»—в узко-ограниченном виде одной только культурно-просветительной работы (стр. 14, статья т. Витолина). Ленин разумел под «культурной революцией» не только искоренение тьмы и невежества, но прежде всего коренной переворот в хозяйстве, в производственных, в общественных отношениях, во всем строе жизни и быта.

Из всего сборника выделяется прекрасная, деловая и совершенно правильная статья т. В. Мойровой: «Шефы и работа среди крестьянок». (Читатель найдет эту статью целиком в сборнике агитпропа ЦК КРП).

В общем сборник Главполитпросвета надо признать совершенно неудачным (кстати: в приложенном списке литературы не указано ни одной книги по шефству, точно их и нет совсем!). Непонятно, зачем понадобилось издавать устаревший, путаный материал, идущий вразрез с линией ЦК РКП?

Где истина?

Сборник агитпропа ЦК вышел гораздо удачнее. Но, к сожалению, он носит все следы спешной, недостаточно продуманной работы по составлению и редактированию материала. Сборник должен бы служить, по ожиданию всех, авторитетным, систематическим раз'яснением, толкованием, дополнением единственного пока и очень краткого руководящего документа-циркуляра ЦК РКП о шефстве. Эту задачу сборник выполняет лишь отчасти и не совсем удовлетворительно. Приведем отдельные примеры.

Начнем с «мелочи». Во вступительной статье т. С. Сырцов смотрит на шефство крайне мрачно. Ленинград, Москва и пара-другая губернских городов—вот и все шефство. «Результаты никчемны» (стр. 12—13). Какое впечатление должна произвести эта суровая и крайне несправедливая оценка на рабочих-шефов? Два с лишним года трудились, помогали деревне по мере сил—и ничего не добились. Даром, попусту затратили силы и средства.

Но пусть не огорчается слишком читатель и не спешит захлопнуть книгу, а пусть заглянет хотя бы в статью т. Н. Мальцева «Некоторые итоги культшефской работы». Оказывается, что шефство «за два года своего существования получило довольно широкое распространение. В настоящее время уже все крупные города и рабочие центры в разных формах и с разным успехом реализуют великую идею Владимира Ильича»... «Культшефская работа, несмотря на ее большой размах и громадную важность»... и т. д. (стр. 81).

Где же истина? Для ответа на этот вопрос читатель не найдет в сборнике почти никаких об'ективных данных.

Но в сборнике есть руководящие статьи по вопросам шефской работы. Возьмем пример отсюда. Вот один из основных вопросов: допустима ли материальная помощь со стороны шефа или он должен ограничиться одним идейным воздействием на деревню? Цитата из тов. С. Сырцова: «Было бы совершенно неправильно отсутствие или слабость организации крестьянства заменять попытками из города оказывать им материальную помощь» (стр. 18). Итак, материальная помощь здесь отвергается. Но заглянем в статью т. Н. Мальцева. Он высказывается против материальной помощи, если она оказывается в виде подарков, благотворительности и т. п. (стр. 88—89). Но в каких же именно случаях, на каких условиях материальная помощь допустима? На это т. Мальцев не дает прямого ответа. Он ограничивается лишь одобрением резолюции ленинградцев, которая в неопределенной форме говорит о «содействии» землеустройству, организации прокатных пунктов, с.-х. товариществ и т. п (стр. 92). Итак, т. Н. Мальцев не отвергает материальной помощи, но и не рекомендует ее прямо. Обратимся еще к одной статье —т. Я. Рудого. Он пишет по данному вопросу: «вот здесь для шефа непочатый край работы. Здесь нужна инициатива шефа. Организационно-хозяйственная помощь и должна выражаться не только в том, что шеф дает деньги на обзаведение инвентарем, а именно в том, чтобы двинуть дело организации культурных начинаний, чтобы научить крестьянство связываться с хозяйственными организациями города. Если при этом шефу и придется затрачивать какие-нибудь средства на это, они должны лечь первым камнем в этой новой постройке (курсив мой. В. К.). Шеф должен стать пионером в области хозяйственного строительства деревни (курсив автора). Здесь не жалко затратить кое-какие средства. Они пойдут на удовлетворение основных нужд деревни, приучат крестьянство к коллективным начинаниям» (стр. 100; курсив мой). Наконец, в циркуляре ЦК РКП (см. приложение к тому же сборнику) мы читаем со всей определенностью: «Непосредственная материальная помощь может оказываться...»

За кем же должен итти шеф? Мы советуем смело следовать за циркуляром, который в данном случае совершенно правильно толкуется тов. Я. Рудым. Никакое шефство, ни один вид его немыслимы без материальной помощи деревне. Но никакая материальная помощь не может служить для шефа самоцелью, а должна быть для него лишь средством поставить деревню на собственные ноги. А чтобы достигнуть этого возможно скорее, помощь каждого шефа деревне должна одновременно итти по двум линиям,—должна быть и помощью по просвещению и помощью по хозяйству.

Не отбить от подписки!

Но тот же тов. Я. Рудый не сумел справиться с другими вопросами. Снабжением подшефа литературой. Он пишет: «Дело не только в том, чтобы шеф на свои средства выписывал литературу для избы-читальни, а в том, что шеф, благодаря своим связям в городе, может наладить это снабжение регулярно и дешевле» (стр. 98).

Совсем не в этом дело. Суть вопроса, поставленного теперь шефской практикой, в том, чтобы шеф доставкой литературы за свой счет, способствовал выписке крестьянами газет, журналов и книг за их собственные деньги, а не приучал деревню к даровому снабжению. И в этом случае, как всегда и всюду, материальная помощь должна быть лишь первым камнем, побуждающим началом. Наиболее богато снабжение литературой деревни поставили ленинградцы. Но посмотрите, к

какому выводу они пришли: «В настоящий момент необходимо придерживаться той тактики, чтобы не отбить крестьянина от самостоятельной подписки, а наоборот приучить к ней. (Из отчета т. Маторина, представленного в конце 1924 г. на одно из заседаний шефской комиссии при ЦК РКП. Жаль, что этот поучительный отчет не использован должным образом в сборнике ЦК РКП).

«Не отбить крестьянина от самостоятельной подписки!»—вот какую оригинальную задачу должны были поставить себе ленинградцы в результате неправильного метода в деле помощи просвещению деревни. Только посредством такого метода (приучить крестьянина к самостоятельной подписке) шефство может постепенно охватить все деревни. А то что же мы видим? Крупнейший, прекрасно организованный, богатейший шеф Ленинград (250.000 рублей годовой бюджет) за два года работы успел охватить своим влиянием лишь... 117 волостей!

Разнос землячеств.

Перейдем к вопросу о землячествах. Циркуляр ЦК РКП разрешает организацию землячеств на добровольных началах, из рабочих и служащих промышленных предприятий. Это безусловно правильно. Среди рабочих, сохранивших наиболее тесную связь с деревней и всегда помогавших индивидуально оставшимся там родным, теперь наблюдается стихийная тяга к созданию землячеств, к организованной помощи своей деревне. К этому движению партия должна отнестись с тем большим вниманием, с той большей вдумчивостью, что затронутые им рабочие представляют собою наиболее отсталые слои пролетариата. Между тем в сборнике землячества подверглись самому резкому разносу и крепкому зажиму (см. особенно статью т. Н. Мальцева, стр. 87—88, т. Я. Рудого, стр 103, т. Г. Лебедева, стр. 108 и 111). Землячествам ставится в укор «полное извращение основных идей культшефства», незначительность в них партийного и даже пролетарского (цифр не приведено) состава и, наконец, самое «увлечение материальной помощью деревне». Землячества допускаются не иначе, как в виде секций шефского общества или шефской комиссии. Но почему же так уж преступно увлекаться материальной помощью деревне? Почему землячество, как секция шефского общества, не может специализироваться именно на материальной помощи деревне? Ведь смысл секций и состоит как раз в разделении шефской работы на специальности для достижения наибольшей широты и полноты в общей согласованной работе. Тут у авторов сборника большая неувязка.

И уже безусловно нельзя так, сбухты-барахты, решать вопрос о землячествах, как тт. Я. Рудой и Г. Лебедев: будь секцией шефской комиссии или не существуй!

Переборщили, товарищи! В результате такого отношения нам грозит опасность оттолкнуть от себя, потерять, не использовать очень ценное для шефства течение в беспартийной рабочей массе. Циркуляр ЦК РКП отнюдь не рекомендует такого отношения к землячествам. Он говорит лишь о руководстве шефских комиссий землячествами и о согласовании их работы с работой других организаций. Это совсем иное дело. Это безусловно правильно. Говорит еще циркуляр о вхождении землячеств на правах секции в рабочие шефские общества (но отнюдь не в шефские комиссии). Это опять-таки совершенно правильно.

Однобокая агропропаганда.

Еще один вопрос: агропропаганда. О ней говорится в статьях тт. Я. Рудого и Г. Лебедева. Оба автора, особенно второй (целая статья), расписывают важность, полезность, разнообразные формы пропаганды среди крестьянской массы простейших общедоступных приемов улучшенного ведения сельского хозяйства через посредство передовых крестьян-единоличников, на примере их единоличных хозяйств. Против этого решительно ничего нельзя возразить. Это очень полезно. Такая пропаганда с большим успехом ведется в капиталистических странах, напр., в Америке. Но что же отличит нашего пролетарского социалистического пропагандиста в этом деле от пропагандиста капиталистического? Об этом наши авторы, повидимому, совсем не подумали. Они оба (как по уговору!) «забыли» про существование у нас, рядом с единоличными мелкими хозяйствами, колхозов и совхозов. А ведь именно пропаганда идей коллективного земледелия на примере колхозов и совхозов (которые есть всюду, иногда по нескольку на волость) и должна бы отличать нашего агропропагандиста и даже вообще агропропагандиста-общественника от индивидуалиста. Оговоримся на всякий случай: времена насаждения коммун определенным порядком миновали безвозвратно. Не о навязывании коллективного хозяйства здесь идет речь, а о поддержке шефом существующих, стихийно-растущих коллективных хозяйств и о пропаганде шефом идей коллективного земледелия на живых примерах. Чудён и плох был бы наш пролетарский агропропагандист-общественник, который «забыл» бы указать, наряду с простейшими и доступными каждому единоличнику мерами некоторого повышения его хозяйственного благополучия,—указать, помочь, осуществить меры и способы общественные, коллективные, которые одни только могут в корне разрешить вопрос об улучшении крестьянского хозяйства. Ведь единоличными усилиями отдельный крестьянин не в состоянии даже купить машины, даже выбраться из проклятой трехполки!

Организационный вопрос.

Мы не можем останавливаться подробнее на всех статьях сборника, хотя это необходимо было бы: ведь по сборнику будут выравнивать свою работу все шефские организации. Отметим все же очень существенный промах в статье тов. Г. Лебедева по важнейшему сейчас организационному вопросу. Шефская комиссия избирается у него на общем собрании рабочих и служащих. Это правильно. Но кандидатов намечает только ячейка партии, без участия ячейки РЛКСМ и без участия фабзавкома. И притом намечаются только партийцы. Впоследствии шефкомиссия каким-то образом (коолтация, что ли?) «пополняет свой состав свежими работниками» (стр. 104 и 105). Так нельзя писать директивных раз'яснений к циркуляру ЦК РКП. Циркуляр требует, чтобы кандидаты в шефскую комиссию намечались тремя организациями вместе: 1) ячейка РКП, 2) ячейка РЛКСМ, 3) фабзавком (местком), при чем как из партийных, так и из беспартийных рабочих. Это существенно важно для всего нового курса в шефском движении, который характеризуется как переход от шефства парт'ячейками к шефству массовыми беспартийными коллективами. Просмотреть это—непростительная ошибка, которой, надеемся, не повторят местные работники.

Отметим еще богатую фактическим материалом статью тов. Н. Маторина. Из нее можно почерпнуть много полезного. Но пусть чита-

тель отнесется критически к этому материалу, исходя из той точки зрения, что самая богатая помощь деревне не достигает и половины желаемых результатов, если при этом нет заботы прежде всего о пробуждении самодеятельности, самопомощи деревни, о привлечении крестьянских сил и средств, если шеф все делает сам и на свои средства. А об этом-то и нет ничего в статье Н. Маторина.

Наконец—о статье тов. В. Косименко «Шефская работа Комсомола». Комсомол не должен шефствовать обособленно, а вместе с организациями взрослых рабочих. Правильно. Но шефство комсомола нельзя понимать только как шефство городских ячеек над деревенскими ячейками, только в области комсомольских интересов (как выходит у тов. Касименко).

Заключение.

В общем, с указанными поправками, сборник принесет большую пользу для выравнивания линии шефской практики. Но приходится выразить сожаление, что в сборнике не нашли себе освещения многие из самых животрепещущих вопросов: о переходе на шефские общества, о самостоятельном шефстве вузов, о правильном районировании подшефных территорий и целесообразном распределении шефских сил, об организационных и агитпроп. задачах шефов в городе, о группах содействия шефству в деревнях, о задачах шефства в области кооперирования деревни и т. д. Нет цельных исчерпывающих статей о содержании шефской работы (тут много еще не ликвидированных споров), о методах (тоже много споров). Нет общей теоретической статьи-комментария к ленинской страничке о шефстве, которая поставила бы во весь рост «эту гигантскую, всемирно-историческую культурную задачу»—«шефство рабочих городских поселений над жителями деревень». (Кстати сказать: эти места из ленинских «страничек» почему-то (?) выпущены в извлечении, напечатанном в сборнике). Нет, конечно, и очерков наиболее удачной шефской работы, нет никакой библиографии.

Впрочем, предъявлять такие требования к отдельному сборнику пожалуй и нельзя: их может выполнить только особое периодическое издание, журнал по шефству, ведущийся работниками-специалистами, которых шефская практика выдвинула уже достаточно. Такого журнала у нас, к сожалению, пока еще нет.

Практический вывод, вытекающий из опыта издания двух шефских сборников таков: шефство, как всякое широкое общественное движение, непременно должно иметь свой печатный орган, который обеспечил бы систематическую разработку вопросов шефства, правильный учет и обмен шефского опыта, планомерное и широкое развитие шефского движения.

В. Карпинский.

ЛЕНИНСКИЙ СБОРНИК III. Под редакцией Л. Б. Каменева (586 стр. Ц. 4 руб.).

Из материалов третьего «Ленинского сборника» наибольшее актуальное значение имеют наброски Ленина о диктатуре пролетариата, сделанные им в конце 1919 и в начале 1920 года (V отдел сборника). Имея намерение написать брошюру о диктатуре пролетариата, В. И. составил несколько предварительных конспектов-планов (из 5-ти опубликованных здесь рукописей одна носит название «План брошюры о дикт. пр-та», другая начинается со слов: «Для разработки в брошюре»... и т. д.). Наиболее законченный вид имеет четвертая рукопись («О диктатуре пролетариата»).

Задуманной брошюры В. И. выполнить не удалось. Тем большее внимание партия должна уделить изучению этих первоначальных набросков. В сжатом, сконцентрированном виде и в ярких формулировках здесь дана самая суть учения Ленина о диктатуре и поставлены основные вехи для дальнейшей теоретической разработки этого вопроса ленинцами.

Определяющим моментом в Ленинском подходе к диктатуре пролетариата является ее определение, как новых форм классовой борьбы:

«Основной источник непонимания диктатуры пролетариата «социалистами», это недоведение ими до конца идеи классовой борьбы (сравни Marx 1852). Диктатура пролетариата есть продолжение классовой борьбы пролетариата, в новых формах. В этом гвоздь, этого не понимают. Пролетариат, как особый класс, один продолжает вести свою классовую борьбу»... «Государство лишь=орудие пролетариата в его классовой борьбе. Особая дубинка, rien de plus!» («ничего более!») (4-я рукопись; стр. 500, 512).

Приступая к анализу новых задач и форм классовой борьбы пролетариата при его диктатуре, Ленин насчитывает пять таких новых (главнейших) задач и форм: 1) подавление сопротивления эксплоататоров, 2) гражданская война, 3) «нейтрализация» мелкой буржуазии, особенно крестьянства, 4) «использование» буржуазии («спецы»), 5) воспитание новой дисциплины.

Наибольший интерес и значение имеют положения и мысли, высказанные здесь Лениным об отношении пролетариата к крестьянству в период диктатуры пролетариата.

«Один [1]) класс ведет, при капитализме, классовую борьбу с капиталом. Idem (так же) при ее продолжении в форме диктатуры пролетариата. Мелкая буржуазия—«постольку-поскольку» (сравни коммунистический манифест). (Рукопись 3, стр. 496).

Однако, этот класс, господствуя «один», ведет за собой всех трудящихся:

«Диктатура пролетариата есть обучение одним классом, пролетариатом, всех трудящихся, idem (так же) руководство. Вести. Господствующий класс=пролетариат, один. Господство исключает свободу и равенство» (та же рукопись; стр. 497).

Ленин видит задачу диктатуры пролетариата в

«систематическом руководящем воздействии (то же=борьба, но особого рода, преодоление известного, правда, совсем иного сопротивления и совсем иного рода преодоление) на всех трудящихся, кроме пролетариев» (рукоп. 2, стр. 494).

«Нейтрализация» (средних элементов мелкой буржуазии, крестьянства), говорит Ленин,—«складывается из убеждения, примера, обучения опытом, пресечения насилием и т. п.» (рук. 3, стр. 495).

Под рубрикой «Нейтрализация на практике» в 4-ой рукописи Ленин пишет:

«пресечение насилием (Энгельс. 1895)».
«пример».
«убеждение etc. etc» (и т. д.).
«привлечение+пресечение, «постольку-поскольку». (Стр. 513).
«Крестьянство, как трудящиеся=союзник; как собственники и спекулянты=враг» (рук. 3, стр. 497).

---

[1]) Курсив во всех цитатах принадлежит Ленину. *В. А.*

В «Плане брошюры» особой главой у Ленина стоит:

«Главный «внутренний» враг=мелкая буржуазия». (Стр. 508).

Итак, по вопросу об отношении диктатуры пролетариата к крестьянству мы видим у Ленина ряд необыкновенно резко подчеркнутых теоретических положений.

Во-первых,—«господствует» «один» пролетариат (слово «один» подчеркивается Лениным неоднократно). Безотносительно к тому, в какой стране (крестьянской, или нет) осуществляется диктатура пролетариата, ее классовое содержание остается одним. Она по существу своему международна, как международен пролетариат. Для коммунистов в крестьянской стране особо важно уяснить себе это ленинское положение. Союз рабочих и крестьян в советах еще не означает, что диктатура пролетариата, есть «раздел» власти с крестьянством. Советы, как государственные органы, есть «орудие» в руках одного пролетариата («дубинка», по образному выражению Ленина).

Во-вторых, пролетариат «ведет» крестьянство к социализму, пользуясь своей диктатурой, («обучает», «увлекает и направляет», «руководит», «воздействует» и т. п.). Здесь диктатура пролетариата выступает, как орудие гегемонии (руководства) пролетариата по отношению ко всем трудящимся, в частности—крестьянству. Организация общих с крестьянством органов власти—советов—служит одним из средств проведения этого пролетарского руководства.

Наконец, в-третьих, Ленин сугубо подчеркивает двойственную природу крестьянства («труженик» и «спекулянт», «собственник»), в силу чего формы воздействия носят особый характер и сочетают «убеждение» с «насилием».

Конечно, мы не исчерпали всего богатства мыслей, которое вложено, можно сказать, «втиснуто» автором в короткие и отрывочные строки рукописей по данному вопросу. Отметим еще, что тов. Ленин предполагал, видимо, дать сравнительный анализ условий осуществления диктатуры пролетариата в разных странах, отличающихся, прежде всего, долей пролетариата и мелкой буржуазии в населении 51% пр-та, 40% средних, 9% капиталистов и 20% пр-та, 75% мелкой буржуазии 5% капиталистов (см. рукоп. I, стр. 493).

«51% (dd) пролетариата,—пишет он,—меньше, чем 20% (BB) пролетариата, если в dd больше империалистского заражения и сопротивления мелкой буржуазии» (рук. 3, стр. 498).

Кроме вопроса о новых формах классовой борьбы, Ленин предполагал в брошюре осветить вопрос еще по трем основным направлениям: 2) «диктатура пролетариата, как разрушение буржуазной и создание пролетарской демократии», 3) «диктатура пролетариата и особенности империализма», 4) «диктатура пролетариата и советская власть» (см. рук. 4-ю). Конспект этих отделов читатель также найдет в опубликованных рукописях.

* * *

На втором месте по вызываемому интересу в сборнике III стоит отдел II: «Из эпохи «Искры» и «Зари», и в нем—споры, в среде членов редакции по поводу статьи Ленина: «Аграрная программа русской социал-демократии» [1]).

В статье «Аграрная программа русских с.-д.» Ленин писал:

«Это требование (речь идет о национализации земли. *В. А.*) (если его понимать в буржуазном, а не в социалистическом смысле) действительно «идет дальше» требования вернуть отрезки, и в принципе мы вполне разделяем это требование»... При этом,—«требование национализации земли является принципиально правильным требованием с.-д. программы лишь в качестве буржуазной меры, а не социалистической, ибо в социалистическом смысле мы требуем национализации всех средств производства. Оставаясь же на базисе буржуазного общества, мы можем требовать только передачи государству поземельной ренты,—передачи, которая сама по себе не только не задержала, а напротив, даже ускорила бы капиталистическую эволюцию земледелия. Поэтому социал-демократ, поддерживая буржуазную национализацию земли, должен был бы, во-первых, отнюдь не исключать крестьянские земли»... и т. д. (Стр. 353).

[1]) Статья в сборнике воспроизведена по первоначальной рукописи Ленина. В т. IX сочинений Ленина она взята в том виде, в каком появилась, после редакционных исправлений, в № 4 „Зари“ (авг. 1902).

Здесь, как мы видим, вся суть той принципиальной аргументации за требование национализации земли, которую Ленин развернул впоследствии на Стокгольмском с'езде и в книге «Агр. прогр. с.-д. в первой русской революции» (1907). А вопрос о национализации крестьянских земель стал одним из основных пунктов отличия большевистской программы от «муниципализации земли» меньшевиков.

Выдвигая в 1902 году «отрезки», Ленин аргументировал так:

«Теперешнюю свою программу мы составляем не только и даже не столько для эпохи революционного восстания, сколько для эпохи политического рабства, для эпохи, предшествующей политической свободе. А в такую эпоху требование национализации земли гораздо слабее выражает непосредственные задачи демократического движения в смысле борьбы с крепостничеством. Требование учредить крестьянские комитеты и вернуть отрезки непосредственно разжигает классовую борьбу в деревне и потому оно не может подать повода ни к какому эксперименту в духе государственного социализма. Наоборот, требование национализации земли отвлекает до известной степени внимание от самых рельефных проявлений и самых сильных переживаний крепостничества»... (Стр. 352).

Эти страницы в статье Ленина вызвали наиболее ожесточенные нападки будущих меньшевиков. Собрание редакции «Искры»—«Зари», состоявшееся в Цюрихе (в отсутствии Ленина) формулировало свое возражение след. образом:

«Национализацию земли, как требование, не предшествующее непосредственно социализации всех средств производства, социал-демократия не может признать, а потому все относящиеся сюда страницы выкинуть и оставить (и усилить) характеристику этой меры, как реакционной в данный момент и как излишней в качестве выделенной части социалистического переворота». (Стр. 362).

В этом духе высказались и отдельные члены редакции в репликах на статье и в письмах (стр. 384, 385, 387 и др.), подчеркивая «реакционность» национализации земли, Плеханов же в № 4 «Зари» [1]) в статье о проекте программы уделил специальное место полемике против национализации земли, которая, по его словам, «была бы колоссальным выигрышем для бюрократии и столь же колоссальным проигрышем для всех друзей политической свободы» (сопоставить с этим его речи в 1906 году о муниципализации земли, как о «гарантии от реставрации»).

Все место о национализации было выброшено Лениным из статьи: поправки вносить он отказался.

[1]) В этом же № пошла исправленная статья Ленина.

Из других разногласий наиболее существенным явился пункт об отрезках, по которому В. И. уступил без особого сопротивления. Вначале он выдвинул положение, что те «отрезки», на которых заведено рациональное хозяйство, возврату не подлежат. По предложению редакции, он снял это ограничение. Легко видеть, припомнив спор о национализации земли, что этот пункт для В. И. не являлся определяющим его позицию [1]).

Особенную резкость и придирчивость в нападках на Ленина по поводу его аграрной статьи проявил Плеханов. Дело дошло до временного разрыва личных отношений между ними (см. письмо Ленина от 14 мая 1902 г., стр. 422, затем письмо Плеханова от 20 июня, стр 429 и Ленина от 23 июня, стр. 433). Споры об этой статье, конечно, тесно связаны со спорами о проекте программы, где вопрос об отношении пролетариата к мелким производителям играл большую роль (см. Лен. сб. II). Кроме того, несогласие между Лениным и Плехановым возникло так же в связи со статьей Ленина «Гонители земства и аннибалы либерализма», когда Плеханов потребовал «смягчения тона» по отношению к либерализму, который «не надо гладить теперь против шерсти», ибо «либерализм сам по себе заслуживает большого уважения», «надо от плохого либерала апеллировать к хорошему» (см. письмо Плеханова Ленину от 14 июля 1901 г., стр. 203—4. О том же в письмах других членов редакции—стр. 208, 213, 219, 222).

Плеханов уже в апреле 1902 г., противясь переводу «Искры» в Лондон, говорит, что «мы выражаем «разные оттенки» одного и того же направления», и бросает обвинения редакторам «Искры», что они ведут ее «как орган не социал-демократический, а политически радикальный» (письмо Мартова Ленину от 17 апреля 1902 г., стр. 399—400). Плеханов и не замечает, как он уже здесь становится на дорожку «экономиста» Акимова, называвшего «Искру» «либеральной газетой» (см. о том в письме Плеханова к мюнхенской части редакции).

«Различие оттенков мировоззрения» Плеханов даже определяет, как различие между Бельтовым и Тулиным (под этими псевдонимами выступали Плеханов и Ленин в середине 90-х годов). Плеханов заявляет, что он не может отвечать за «Что делать» Ленина [2]).

Плеханов предлагает «поделить редакторство», отдав «Зарю» ему и Аксельроду (письмо Мартова Ленину от 20 апр. 1902 г.).

Таким образом, материалы «Ленинского сборника» дают возможность проследить в зародыше последующие расхождения меньшевиков и большевиков.

Огромную ценность помещенные здесь письма, а также воспоминания тов. Н. К. Крупской имеют с точки зрения характеристики условий и обстановки работы того периода. Особо интересны характеристики, которые Н. К. Крупская дает отдельным членам редакции «Искры»—«Зари», в частности Плеханову, из-за долгих лет эмиграции «потерявшему непосредственное ощущение России». (Стр. 40).

* * *

[1]) Между прочим (для русских историков) из переписки по поводу статьи мы узнаем что Ленин и Плеханов расходились по вопросу о русском феодализме. Редакция сборников, видимо, права, когда в словах Плеханова о товарище, который в 1895 году „старался убедить меня в том, что в России был такой же феодализм, как и на Западе" (письмо к Засулич, сб. II, стр. 93 и 96). видит намек на Ленина (в сб. III см. стр. 331 и 369).

[2]) Разногласие Потресова с Лениным по вопросу о стихийности и сознательности см. в письме Потресова Ленину о „Что делать" (стр. 286, март 1902 г.).

I отдел сборника занимают статьи и письма В. И., написанные для редакции «Рабочей газеты» в 1899 г.

В III отделе—письма Ленина Розе Люксембург, Лео Тышко и Ю. Карскому (Мархлевскому (1909—11 гг.). В период борьбы с ликвидаторством польские товарищи, несмотря на отдельные разногласия, поддерживали большевизм. Одно из писем посвящено статье тов. Карского (Мархлевского), которую он готовил для «Neue Zeit» в ответ Мартову (Мартов и т. Троцкий выступили в «Neue Zeit» со статьями, содержание которых Ленин в письме характеризует весьма резкими словами). Ленин дает Мархлевскому перечень вопросов, которые желательно затронуть в статье.

Отдел IV—«К национальному вопросу». Здесь помещены тезисы Ленина к сентябрьскому совещанию 1913 года, несколько писем к кавказским товарищам Шаумяну и Кикнадзе и воспроизведена история выработки пункта программы РКП по национальному вопросу. Окончательный текст, написанный Бухариным и исправленный Лениным, воспроизведен фотографически. Для сравнения рядом приведены формулировки Бухарина и Ленина по спорному вопросу (т. Бухарин предлагал заменить лозунг самоопределения наций лозунгом самоопределения трудящихся по отношению к тем нациям, которые «хозяйственно и политически развиты», правота Ленина впоследствии была им признана).

VI отдел содержит письма Ленина к Горькому 1911—1916 годов, не вошедшие в предыдущие сборники, VII («Разное»)—«10 вопросов референту» о махизме (т. Луначарскому), написанные для устного выступления последнего и посвящение брошюры «Детская болезнь левизны»—«мистеру Ллойд-Джорджу» за «почти марксистскую речь» (стр. 534). Дальше идут материалы для иностранной библиографии о Ленине и хроника Института. Нужно пожелать, чтоб Институт провел, между прочим, и постановление об удешевлении сборников, дающих такой ценный материал для каждого партийца, в особенности для актива и изучающей историю партии молодежи.

В. Астров.

ГОЛЬЦМАН, А. Реорганизация человека. Из серии «Современные проблемы», издание Ленгиз'а. Ленинград, 1925 г., 56 стр. Тираж 5.000.

Брошюра, название которой я только что привел, представляет собою беглые заметки по вопросу о новой культуре, приходящей на смену культуре буржуазного общества. К сожалению, эти заметки настолько мало обработаны автором и так мало свидетельствуют об обстоятельности, которой заслуживает взятая им тема, что интерес к ним может быть оправдан лишь с точки зрения желательности использования и опыта неудач и промахов. Это почувствовал сам автор, и в своем напутственном «от автора» совершенно отказался от претензии считать свои заметки «научным исследованием затронутых... вопросов». По его словам, хотя и не совсем вразумительным, брошюра представляет собою «скорее предвосхищение мыслей, нежели последовательно разработанные идеи» (3 стр.). Можно думать, что такие заявления ему продиктовала не одна авторская скромность: ведь всетаки он собирается дать ни мало, ни много, как «описание контуров нового мира» (4 стр.).

Последую за автором в этом описании.

Оно открывается зарисовкой «контура», повидимому, имеющего с точки зрения автора главенствующее значение; этот «контур» назван

им «закон жизни». Сей закон «описан» автором в достаточно высоком штиле следующим образом:

«Жизнь дана для того, чтобы жить».

«Вот единственный неоспоримый, властный закон жизни. Аксиома познания, теоретического и практического разума. Основная директива судьбы, заповедь жизни, палящая, как зной, непреоборимая, полная собственной радостной мудрости».

«Жизнь для жизни» (5 стр.).

Выражения, как видит читатель, не только дубово-крепки, но и сильно-образны: тут и судьба, дающая основные директивы, здесь и непреоборимая заповедь, палящая как зной, и аксиомы познания и аксиомы разумов разных,—все собрано в одно место; и, разумеется, собрано не спроста: тов. Гольцман сгрудил все это для того, что все остальное отменить. «Все, что сверх этого («Жизнь для жизни!», *А. Т.*), то от лукавого» (5 стр.). Понятно, что при такой оказии без тяжелой аргументации и некоторой поэтической вольности не обойдешься.

Но ведь известно, что вольности поэтические, как и вольности дворянские, в жизни даром не проходят. Тов. Гольцман, установившему единственный, непреоборимый и т. д. «закон жизни» и записавшему все остальное по ведомству «лукавого», сейчас же, несколькими строками ниже пришлось стряпать очень лукавую философию истории.

Вот какой вид имеет эта зело мрачная (можно не без основания добавить: и темная) философия истории.

Все покрывающий «закон жизни» столь силен, что в одном абзаце у тов. Гольцман, он заставляет смолкнуть «все мудрые философии». Но, как явствует из следующего абзаца той же 5-й стр., идеалистическая философия сильно противилась ему и отвлекала от него человеческий ум к тысячам кумиров, «сделанных из камня или дерева. На худой конец—из туманного, мистического материала мысли» (5 стр.)—отвлекала «к потустороннему миру Беркли»,—«к трансцендентальному сознанию Канта»,—ну, и к другим кумирам. Но написано еще в следующем абзаце, против этого всегда шел протест из глубины души: «Безумцы! Не рвитесь вдаль от жизни! Помните простую мысль: где нет жизни, там нет жизни (5 стр.).

В строках, следующих за только что приведенными, «закон жизни» передается в качестве «молчаливого укора» материалистам от Демокрита до Маркса через Эпикура Лукреция, Бэкона и французских просветителей. Очевидно, попав дальше, к тов. Гольцман, «закон жизни» прервал молчание, ибо на след. 6-й стр., все, имеющие глаза, приглашаются «воззриться», а обладатели ушей—«услышать». Услышать предлагается, приблизительно, следующее. Человек вышел из мира животных; благодаря обществу, являющемуся самым высшим образованием животного мира, он покорил стихию природы. Но сам сделался жертвой «стихии общественной жизни». «Он диктует волю ветру и воде, но не располагает своими мышцами» (6 стр.). Благодаря этому, «он потерял самого себя» (6 стр.). Значение такого «урона» само собой понятно; жертвы же его, разумеется, трудно подсчитать, но во всяком случае известно (если кому и не было известно—«воззрись»—увидишь! *А. Тр.*), что «человечество сделало все возможное, чтобы погубить себя. Все средства были применены» (6 стр.), и только поистине не человеческая, а кошачья живучесть спасла человека, правда, в порченном виде: человек заплесневел. Так потеря возможности располагать своими мышцами, привела человечество, хотя и могущественное, но состоящие из заплесневелых людей, на край гибели. «Еще несколько

столетий, и, быть может, страшный круг замкнулся бы. Человечество бы погибло» (7 стр.).

«Человечество бы» беспременно погибло бы, если бы... если бы русский язык не предоставлял в распоряжение авторов лукавых философий словечко «но», про которое покойный Ленин говорил, что оно походит на французское «mais», когда последнее, сызнова переведенное на российский лад, означает: «уши выше головы не растут». Только таким «но» и спасает тов. Гольцман свое «человечество бы»: «Но», пишет он, сейчас после того, как человечество совсем было сгинуло, «новый, юный класс открывает новую страницу. Он сбрасывает старых фетишей. Он святотатец» (7 стр.). Разумеется, сейчас же «новая культура ушатами (язык-то какой,—что ни строка, то художество, *А. Тр.*) вливается в жизнь» (7 стр.). Эта, ушатами вливающаяся «новая культура», как только она смоет с заплесневелого человека плесень, которой он наградил себя сам, а также «грязь и мусор», которыми «обсыпала его история» тотчас же «щупает его мышцы»; затем «справляется о желудке; бережно рассматривает его отбросы и сокрушительно качает головой» (7 стр.). Потом «щупает голову» и тут уже «не только качает головой, а прямо охает: здесь, оказывается, знахари и шаманы, богословы и философы всех времен и народов «воздвигли себе нерукотворный памятник».

Сначала они все вместе «доказали воочию, что жизни нет»: потом, как известно, наука разнесла знахарей, шаманов и богословов. «Тогда, — повествует дальше автор,— выступил философский колпак. Бытие и небытие. Существует то, что не существует. Реально то, чего никто не осязал. Бытие заключается в небытии. И наоборот. Все, что существует—не реально. Небытие у всех перед глазами. Собственно глаз и ушей не бывает. Есть только представление о глазах и ушах».

«Все это доказала воочию философия. Она набила человеческую голову такими обручами (если в приведенном месте нет опечатки, а имеется грамматическая вольность, то прошу читателя меня за оную не винить: я точнейшим образом цитирую автора, *А. Тр.*), что только класс клепальщиков и молотобойцев может их сбить» (7 стр.).

Разве можно после этого сомневаться в праве тов. Гольцман зачислить философию по ведомству «лукавого»? Совершенно невозможно: философия самое патентованное исчадие ада, «бич человечества хуже войны и мора»! (8 стр.). Должно не даром рыцарский орден российского невежества, монашество, так ревниво охранял души наших предков от тлетворных бесед «с мудрыми философами»: «не подобает верным прельщатися чрез философию и суетную прелесть».

Ох, лукавая эта штука философия!

Но юный святотатец, новый класс,—явившийся, очевидно, в силу формулы: «святотатство всегда было лозунгом жизни» (7 стр.), стало быть, раз человечество у тов. Гольцман не погибло, так подавай класс святотатцев,—уже «открыл новую страницу». Переверну, только уж я без святотатства и с благословением,—неравнодушен, потому, по части философии,—и я страничку, посоветовав читателю помнить, что новая культура» еще на переворачиваемой страничке успела провозгласить лозунг «реорганизация человека», и иметь в виду, что лукавая философия не оставляет тов. Гольцман и в следующей главе о «трудовой культуре».

Здесь страшных вещей не меньше. «Старый мир в муках умирает. Творения тысячелетий, нагроможденные друг на друга, погибают». Ясно, что такое дело не обходится без борьбы. «Техникой и наукой, богосло-

вием и философией защищает он (старый мир, *А. Тр.*) свои последние часы». Понятное дело, что при таких условиях новый мир, хотя он и не может народиться, покуда старый не погиб, обязательно должен «взорвать» старый. «Лишь взорвав тысячелетия, рождается новая эпоха»... Вот, видите, читатель, на 9 стр. у тов. Гольцман очень пахнет «философским колпаком»,—«небытие у всех перед глазами»; и не родился новый мир, а взрывает—и даже целые тысячелетия! Совсем по «философскому колпаку» вышло: «существует то, что не существует». Ох, погубит доброго Гольцман эта лукавая философия!

Однако, превозмогу страх и последую за автором дальше. Он сам собирается следовать «за его (человека, *А. Тр.*) шествием по тысячелетиям» и перед походом разрешает вопрос: «в чем суть культуры трудовых масс?».

«Прежде всего это сам труд», отвечает он. «Культура, создающих ценности, не может выдумываться. Она не может быть продуктом ума. Массы не работают умом: они работают руками. Их культура это—их руки» (10 стр.).

Запасшись этими истинами (без лукавой философии, видно, и здесь не обошлось), тов. Гольцман, в сопровождении К. Бюхера, пускается в свое шествие по тысячелетиям. Без содействия Бюхера сделано открытие, что человек, «применяя мотыгу, лук и сети, меняет методы воздействия на природу» (11 стр.), без него же выстроена Вавилонская башня, а потом опять... философия. Оказывается, новое преступление должно быть записано за ней: она, философия мерзкая, подговорила науку и богословие об'единиться с ней, «чтобы принизить труд, расхитить его. Сущность эксплоатации ведь заключается в расхищении, распылении труда, в систематическом его уничтожении» (13).

Ну, вот, а чудак Маркс советовал трудящимся заняться экспроприацией эксплоататоров, а другой чудак, Ленин, так тот даже самого тов. Гольцман учил, что социализм нужно строить из добра, оставленного систематической эксплоатацией. Это у них не иначе, как помутилось от любви к философии.

Ох, лукавая эта философия. Чего доброго, взорвет она и «новую культуру» тов. Гольцман.

Есть основания опасаться,—уж очень сильна она, бестия. Вы подумайте: стоило ей только помочь эксплоатации труда, сейчас же оказалось в этом «величайшее зло судьбы человечества, его фатум, залог крушения и гибели. Человечество направилось, хотя и по необходимому, но по ложному пути». (13 стр.).

Человечество опять у «последней черты», но... ведь всех спасающее «но» этаких традиций не переживает, оно вновь с полным сознанием своего значения выползает не на сцену, а на странички нашего автора и спасает гибнущее человечество (конечно, не забывается и тов. Гольцман).

«Но», вещает тов. Гольцман,—как только труд побеждает, он мобилизует человеческий ум для упрочения и развития своей победы» (13 стр.). Это как будто малость противоречит утверждениям одной из предшествовавших страниц (10-й), относительно того, как работают трудовые массы, но этим смущаться не след: где-то дальше тов. Гольцман заявит, что социальная жизнь людей идет по рельсам парадоксов, а так как он-то не вне этой самой жизни, то, стало быть, с этим путем необходимо считаться. К тому же через десяток—другой строк он опять вернется к «массе, которая работает руками», а голову имеет, очевидно, для украшения. Эти руки, работающие без ума, он сделает «культом» для масс и в заключение провозгласит господство мышц.

«Мышцы становятся (это после взрыва тысячелетий, *А. Тр.*) господами мира и провозглашают культуру мышц, культуру работающего тела» (14 стр.).

Бедная голова! Кто-кто, а уж ты, безусловно, на краю гибели, коли дело дошло до провозглашения новых эпох и культур одними мышцами!

Итак, ум, философия—все это сзади. Впереди—«новая культура». Помимо того, что она есть культура мышц и проч., она же является культурой своеобразных прививок (по-другому, это называется «переломы в культуре»).

В качестве предтечи (тов. Гольцман питает слабость к божественным аналогиям, поэтому он не прочь сравнить себя с Иоанном Крестителем) новой культуры автор обращается с проповедью, прежде всего, к мужику. Уличив ейнного мужика в смертном грехе сожительства с природой,—а «природа это—мистика», изрек на 17 стр. тов. Гольцман,—он расписывает ему прелести «вполне осязательного» «категорического императива» фабричного гудка и предлагает совершить «скачок из царства одной культуры труда в другую», предупреждая, что оный должен быть совершен достаточно быстро, хотя бы он давался и не легко. В утешение мужик поучается. «Девять месяцев зачатия трудно сжать во времени. Не легко сжать в рамки 2—3 лет и процессы, имеющие исторические периоды» (19 стр.). Поощренный столь вразумительной тирадой—для большей убедительности тов. Гольцман еще прибавил мужичку: «Эволюция, сжатая во времени, есть скачок» (20 стр.)—мужик бросил «мистику» и согласился на «хирургическую прививку» нового трудового «бытия» (20 стр.).

После такой хирургической «прививки» («хирургия»-то здесь, должно, по Чехову) идет «нарастание культуры». Здесь—новая прививка—«прививка темпа» (22 стр.), затем еще «прививка времени» (26 стр.). Благодаря этому, получается «новый человек», решающий встающие перед ним задачи, почему-то «сжатые во времени», «рефлекторным путем». «Тут некогда применять ум» (26 стр.). Дальше рассказывается, как нужно выбирать профессию, при чем заявляется, что тот, кто не может решить «задачу № 1»—«поддержка элементарной чистоты и порядка без посторонней помощи»,—тот обречен на неизбежный пессимизм: «мир вещей его квартиры будет для него источником отчаяния» (30 стр.).

Что и говорить, картина грустная и, по-моему, достойная внимания апостолов культуры без ума...

Затем, установив, что человек «новой эпохи» решает инстинктом то, что люди предыдущих эпох обдумывали, тов. Гольцман красочно и подробно описывает «тэйлоризм в потреблении». Здесь изображено, как «в питание и в отдых врывается поэзия машинистов», как «наступает в наиболее изощренной форме та механизация жизни, которую творил и против которой протестовал В. Ратенау» (34 стр.). Кроме того, рекомендуется тщательное изучение содержимого ночных горшков (36 стр.), поощряется умение делать Лукулловы обеды из пустяков (36 стр.), а заодно «взрывается» и кухня: это штука едва ли уступает по злобности философии. Она—«сифилис семьи» (34 стр.).

Бедная кухня! И ее взорвала лукавая философия!

Саперно-хирургические работы «новой культуры» и ее пророка закончены. Но не думаете, что здесь все пойдет по ветхому завету, и тов. Гольцман почиет от дел своих. На очереди новая работа. Предусмотрительная «новая культура», оказывается, «тащит с собой гигантский вентилятор в тысячи лошадиных сил для продувания идей» (8 стр.). И тов. Гольцман дует—продувает.

Несчастная наука, загубленная на предыдущих страницах философией, здесь обвиняется по новой статье: ей вменяется в вину неподчинение «тэйлоризму». Есть смягчающие вину обстоятельства: тов. Гольцман великодушно забывая о своих прежних разносах науки, соглашается, что она изрядно помогла человеку. Но—переходит он на стезю прокурора,— как она сама развивалась? Строилась ли она по заранее продуманному плану? На протяжении истории развертывалась ли она, как математическая теорема? Подчинена ли она закону равномерного движения?» (40 стр.). Вы только подумайте: ребят, в мозги которых наука укладывается обоими концами, сначала учат по старику Эвклиду, а потому вдруг Эвклида развенчивают и тычут в нос Риманом, Лобачевским! Как после этого не сказать, хотя «это будет звучать парадоксально: чем точнее наука, тем она приближеннее». Да и какой же это парадокс, когда «в геологических переворотах земли никто не сомневается, хотя их размеры и сроки указаны лишь весьма приблизительно. Дарвинизм попирает всякую точность. Но точнее любой из них (надо думать наук, *А. Тр.*), он оправдан жизнью. Но, хотя арифметика с абсолютной точностью и утверждает, что нуль—это—«ничего» (бедное «ничего» и тебя лукавый не оставляет в покое! *А. Тр.*), тем не менее, трудно поверить этому утверждению. Как бы ни выкачивать воздух из сосуда, в нем еще остается некоторое количество его. Исследования опровергают существование нуля. Можно говорить лишь о практически ничтожных величинах, о величинах, приближающихся к «нулю» (42 стр.). Но это еще не все, весь ужас дальше: физика-то, «физика покрыта авторитетом философии! (43 стр.).

Ох, лукавая философия, ведь покроешь ты своим авторитетом нашего пророка безголовой культуры!

Все это «продувает» старательный тов. Гольцман для того, чтобы получить, вместо действительности милый сердцу его «мир приближенных величин» (45 стр.). В этом «мире приближенных величин» и разовьется, очевидно, «культура мышц». У «нового человека» даже «мышцы жаждут ощутить бесконечно малые величины» (53 стр.). В этом мире нервы человека «заряжены на всю жизнь и каждую секунду готовят его к скачку» (35 стр.). Человек этого мира, вечно готовый скакать,— таким тов. Гольцман представляется пролетарий,—в ответ на вопросы будет выпаливать «новыми реакциями»—формулами. Спросите его, «что такое покой? Без дальнейшей философии, основываясь на жизненном опыте, он ответит формулой равновесия сил...» (35 стр.). В конце-концов, такой человек не выдерживает вечной готовности к скачкам и «перескакивает через самого себя» (54 стр.). Слов нет, не всякому это под силу,—но ведь для этого-то и надо сделаться «новым человеком», «стать человеком-мячом», «акробатом», ну, а уж ежели назвался «новым человеком», перескакивай через самого себя.

Вот с этим лозунгом: «стать человеком-мячом! акробатом!» и выступает «новая культура» последней моды. Ее пророк-предтеча стоит и, запасшись «громкоговорителями» благочестивого Ленгиз'а, вещает пролетариату всего мира: «Пролетарии всех стран, делайтесь акробатами, становитесь людьми-мячами!».

Вы правы, тов. Гольцман: философия не иначе, как от лукавого: иная так подшутит...

А. Троицкий.

БОЛЬШЕВИК

№ 8 № 8

30 АПРЕЛЯ

1 9 2 5

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА"